

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

№ 8 (757) 2020

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:

И.О. АБРАМОВА
В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
Л.В. ГЕВЕЛИНГ
А.Б. ДАВИДСОН
А.В. ДЕНИСОВ
Р.Г. ЛАНДА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
Д.В. МОСЯКОВ
С.В. ПРОЖОГИНА
О.И. ТЕТЕРИН
Л.Л. ФИТУНИ
Т.Л. ШАУМЯН
В.Г. ШУБИН

Международный
редакционный совет:

Б.А. АКИНТЕРИНВА
(Нигерия)
Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия)
М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ
(Египет)
ЯН ГУАН (КНР)
Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД
(Саудовская Аравия)
С.С. КУНАНБАЕВА
(Казахстан)
Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР)
У. РЕНО (США)

Над номером
работали:

А.В. ДЕНИСОВ,
ответственный секретарь
Т.С. ДЕНИСОВА
В.С. ОКУЛОВ
М.Е. ПЕТРОВА
О.И. ТЕТЕРИН, первый
зам. главного редактора
Н.В. ЕСЕНКИНА,
зав. редакцией
Оформление и верстка
Г.М. АБИШЕВА

Подписано в печать 22.07.2020. Формат 60x88 ¹/₈. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 200 экз. Цифровая печать. Заказ 1/8а. Цена свободная.

Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука».

105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314.

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

CONTENTS

№ 8 (757) 2020

POLITICS, ECONOMICS

- Ludmila D. Boni.** China: elimination of poverty. Part 1 4
- Alexander S. Korolev, Anastasiia M. Apasova.** ASEAN as a zone of the USA -
China conflict of interests 13
- Alexandra L. Safronova.** The heritage of princely states in the republic of India 20

Africa and COVID-19

- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** COVID-19 pandemic in Nigeria:
challenges and forecasts 26
- Rezvan Sh. Khasanov.** Turkey. General and special characteristics in electoral strategies
of ethnic parties 31
- Amsalu K. Diriba** (Ethiopia), **Irina V. Karzanova.** Ethiopia. The role
of foreign direct investment in economic development 36
- Yuliana V. Solovieva.** National technology transfer systems of the leading technological
development countries: regional features of asian countries 44

FOREIGN EXPERT'S VIEW

- Sharmaine T. Marmita** (Philippines). Struggle of ASEAN in cyber security 52
- The Socialist Republic of Vietnam is 75 years old*
- Grigory M. Lokshin.** Army general Van Tien Zung - outstanding commander of Vietnam 57
- Hong Van Lo Thi** (Vietnam), **Liudmila A. Guzikova.** Industry 4.0 in Vietnam:
strategic planning experience 64

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Daria A. Turianitsa.** Patricia de Lille - victories and miscalculations in the career
of a «coloured» politician of South Africa 69

CULTURE, LITERATURE, ART

- Natalya A. Zakharova.** Female digital storytelling in Nigeria as social and political activism 75

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal
(in Russian) of the Russian Academy of Sciences.
Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view
of the Editorial Board.

Included in **Russian Science Citation Index**
on WoS platform, and EBSCO Publishing.
ISSN 0321-5075

Postal Address:
30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Тел.: +7 495 697 94 50
Tel./Fax: +7 495 691 02 70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

*On the cover: Paradise Cave, Phong Nha-Ke Bang,
Vietnam (photo by Gulzhamal Abisheva).*

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 (757) 2020

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 1	4
Королев А.С., Апасова А.М. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая	13
Сафронова А.Л. Судьбы княжеских династий в Республике Индия	20

Африка и COVID-19

Денисова Т.С., Костелянец С.В. COVID-19 в Нигерии: вызовы и прогнозы	26
Хасанов Р.Ш. (Ростов-на-Дону). Турция. Общее и особенное в электоральных стратегиях партий с этническим компонентом	31
Diriba A.K. (Ethiopia), Karzanova I.V. Ethiopia. The role of foreign direct investment in economic development	36
Соловьёва Ю.В. Национальные системы трансферта технологий стран-лидеров технологического развития: региональные особенности стран Азии	44

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

Marmita S.T. (Philippines). Struggle of ASEAN in cyber security	52
<i>Социалистической Республике Вьетнам - 75 лет</i>	
Локшин Г.М. Ван Тиен Зунг - выдающийся полководец Вьетнама	57
Ло Тхи Х.В. (Вьетнам), Гузикова Л.А. (СПб). Индустрия 4.0 во Вьетнаме: опыт стратегического планирования	64

Трибуна соискателя

Туряница Д.А. Патрисия де Лилль: победы и просчеты в карьере «цветного» политика ЮАР	69
---	-----------

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Захарова Н.А. (Ярославль). Женский диджитал-сторителлинг в Нигерии как форма социально-политического активизма	75
---	-----------

© Российская академия наук, 2020
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2020

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК.
Входит в Russian Science Citation Index
на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495 697 94 50
Тел./факс: +7 495 6910270
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

На первой полосе обложки: Райская пещера, Фонгня-Кебанг, Вьетнам (фото Г.М. Абишевой).

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

DOI:10.31857/S032150750010444-0

ЛИКВИДАЦИЯ БЕДНОСТИ В КИТАЕ

Часть 1

© 2020 Л. БОНИ

БОНИ Людмила Дмитриевна, доктор экономических наук, гл.н.с., Центр социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК), Институт Дальнего Востока РАН (l_boni@inbox.ru)

Резюме. В статье рассматривается программа ликвидации бедности, ее специфика в Китае, пути и методы ее решения, позволившие в короткие сроки - жизни двух поколений - фактически добиться ликвидации абсолютной бедности в стране с 1,4-миллиардным населением. Она требует исходить из реальной обстановки, надо четко знать: кому помочь, кто помогает и конкретно несет ответственность, как помочь. Отсюда - высокая степень эффективности работы по ликвидации бедности в КНР в последние годы.

Ключевые слова: Китай, стратегия борьбы с бедностью, абсолютная и относительная бедность, политика адресной ликвидации бедности, Си Цзиньпин

CHINA: ELIMINATION OF POVERTY. Part 1

Ludmila D. BONI, Dr.Sc. (Economics), Principal Research Fellow, Center for Social-Economic Studies of China, Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (l_boni@inbox.ru)

Abstract. The problem of eliminating poverty in China is today one of the hottest topics in the country along with the corona virus epidemic. By the end of 2020, according to the long-term strategic plans of China, the construction of a middle-class society in Xiaokan is to be completed.

The article discusses the program aimed at the liquidation of poverty in China, the ways and methods of its solution, which allowed in a short time - the life of two generations - to actually achieve the elimination of absolute poverty in a country with 1,4 billion people.

The new model of targeted poverty alleviation, based on Xi Jinping concept of targeting, is specifically examined. It is distinguished by a differentiated approach to solving the problem of poverty in different areas, identifying the object of poverty, focusing on a specific object of poverty, taking into account the main characteristics of poverty (the reason and type of poverty, degree of poverty, etc.), in accordance with which a specific way (project) to eliminate poverty is used, as well as the requirement of personal responsibility in each case.

The program, demands to proceed from a real situation, analyzing specific problems, conducting focused work, having a specific goal, achieving efficiency. You need to clearly know: who to help, who helps and is specifically responsible, how to help. That program ensures high degree of efficiency in eliminating poverty in the country in recent years.

Keywords: China, poverty alleviation strategy, absolute and relative type of poverty, targeted policy to eradicate poverty, Xi Jinping

Проблема ликвидации бедности в Китае - сегодня одна из самых «горячих» тем в стране наряду с эпидемией коронавируса. К концу 2020 г., согласно долгосрочным стратегическим планам Китая, предстоит полностью завершить построение общества средней зажиточности *сяокан* [2], а ликвидация бедности в стране - важнейшая часть этого стратегического плана, его нижняя граница.

Но есть и еще одно, пожалуй, самое важное обстоятельство, заставившее руководство страны развернуть упорную борьбу за ликвидацию бедности, это - необходимость выравнивания социального дисбаланса, социального расслоения, усилившегося за годы ускоренного экономичес-

кого развития в условиях рынка, которое противоречит стратегии КПК на гармоничное развитие по пути к цели «всеобщего благоденствия», главной доктрине партии.

«Ликвидация бедности, улучшение благосостояния народа, реализация “всеобщего благоденствия” - это коренное требование социализма, главная миссия партии», - подчеркивает председатель КНР Си Цзиньпин и разъясняет: «Сегодня жизненный уровень большей части населения страны сильно вырос, появились группа населения со средними доходами (средний класс), а также группа населения с высокими доходами, но все еще существует большая группа населения с низкими доходами¹. И по-настоящему помощь нужна

¹ Согласно принятым в КНР стандартам, к среднему классу относят тех, чья годовая зарплата составляет \$11,7 тыс., т.е. чуть меньше 70 тыс. рублей в месяц (*прим. ред.*).

как раз группе с низкими доходами. К 100-летию нашей партии, если не будет решена проблема ликвидации бедности, как же выполнить основную цель партии? Как мы выполним наши обязательства?».

Повторяя слова Дэн Сяопина, Си Цзиньпин подчеркнул: «Бедность - это не социализм. Если застойная бедность в бедных районах, их облик долгое время останутся неизменными, уровень жизни масс долгое время не поднимется заметно, это будет означать, что мы не реализовали преимущества социалистического строя нашей страны, это - не социализм» [1].

Не менее важной причиной решительной борьбы с бедностью является борьба КПК за поддержку народа, о чем говорит Си Цзиньпин: «Дело борьбы с бедностью касается стабильного осуществления власти партии и завоевания симпатии народа. Мы постоянно говорим: "Получить любовь народа - значит получить Поднебесную"» [2].

Более того, руководство Китая фактически дало торжественное обещание народу, что будет сделано всё, чтобы всё население страны, все слои и народности, включая, прежде всего, бедное население, вместе вошли в общество *сяокан*, что «ни один не останется за его пределами!» [3].

Полное построение общества среднего достатка - *сяокан* и ликвидация бедности в действительности будут означать достижение первой из двух² стратегических целей китайского народа в его «столетней борьбе» за свою «китайскую мечту». Решение этой сложнейшей задачи в стране с населением в 1 млрд 400 млн человек в столь сжатые сроки - 70 лет - практически время жизни двух поколений - представляется уникальным мировым опытом. За период 1990-2015 гг. бедное население (при доходе \$1,25 в день) во всем мире сократилось на 1,064 млрд человек, и вклад Китая при этом превысил 70% [4, р. 270]. По данным «Белой книги» КНР, опубликованной в декабре 2018 г., за последние 40 лет в Китае бедное население сократилось более чем на 850 млн человек [3]. Это - огромное достижение.

Борьба с бедностью фактически началась с первых лет образования КНР с решения самых насущных проблем выживания. Тогда первоочередными задачами были решение проблем продовольственного обеспечения населения, безработицы, борьба с неграмотностью и пр. Главной задачей первых аграрных преобразований было решение проблемы продовольствия, «тепла и живота»

(проблема *вэньбао*). Индустриализация ставила задачу создания материально-технической базы для последующего социально-экономического развития, постепенно обеспечивая расширение занятости городского населения, роста их доходов, создание начальной системы социальных услуг в городе.

Основные усилия и успехи в борьбе с бедностью пришлось на последние 40 лет периода реформ и политики открытости. В стране получает развитие комплексное планирование процесса борьбы с бедностью, о чем говорят следующие программные документы: 1984 г. - «Уведомление ЦК КПК и Госсовета о поддержке ускорения преобразования облика бедных районов»; 1994 г. - «Государственный 7-летний план сокращения бедного населения на 80 млн человек (1994-2000 гг.)»; 2001 г. - «Программа борьбы с бедностью в деревне Китая (2001-2010 гг.)»; 2011 г. - «Программа борьбы с бедностью в китайской деревне (2011-2020 гг.)» [3].

Основная масса бедного населения в стране приходится на сельские районы, деревню. Поэтому и последняя долгосрочная программа, вплоть до сего дня, не случайно направлена на сокращение сельской бедности как «ключевого звена» решения проблемы бедности в Китае, в целом. И здесь особо выделяется последний период, начиная с XVIII съезда КПК (2012 г.), когда резко активизировалась работа по борьбе с бедностью как часть стратегии построения общества *сяокан*.

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ В КИТАЕ И ЕЕ СПЕЦИФИКА

Накануне XVIII съезда КПК в стране насчитывалось всего около 100 млн (точнее - 98,99 млн) человек бедного населения. Обследование состояния бедных районов страны китайскими учеными зафиксировало следующую картину: **«масштабы численности бедного населения большие, ареал размещения широкий, степень бедности глубокая, трудности ликвидации бедности большие»** (здесь и везде далее - *выделено авт.*) [4].

Согласно результатам обследований, проведенных в 2013-2015 гг., основные причины бедности в стране - болезни, стихийные бедствия, проблема образования, нехватка рабочей силы в семье (основного кормильца); классифицируя все бедное население по этим четырем основным причинам или типам бедности, китайские ученые получили своего рода среднюю по стране структуру

² Первая цель - полное построение общества среднего достатка - *сяокан* к 100-летию юбилею КПК (2020 г.), вторая - превращение Китая в модернизированное социалистическое государство к 100-летию КНР (2050 г.).

бедности, в которой на указанные типы бедности соответственно пришлось 42%, 20, 10 и 8% численности всего бедного населения Китая [4]. В отдельных бедных районах структура бедности, как и количество причин, могут несколько отличаться, но по стране в целом учитываются лишь четыре указанных основных фактора бедности. Например, в бедных районах провинций Ганьсу и Аньхой в 2016 г. структура бедности выглядела, соответственно, так: 40-45%, 20, 10, 10% [5]. В то же время при определенных отличиях в структуре бедность по причине болезни во всех районах намного опережает все остальные ее типы.

ОСОБЕННОСТИ БЕДНЫХ РАЙОНОВ СПЛОШНОЙ БЕДНОСТИ

Бедное население Китая, согласно данным за 2014 г., составило уже 70,17 млн человек (в 2010 г. - 165 млн), размещаясь крайне неравномерно по территории страны: Восточный регион - 9,56 млн, Центральный - 24,61 млн и Западный - 36 млн человек [6] (см. *табл. 1*).

14 самых бедных сельских районов расположены в труднодоступных холмистых и горных поясах, на плоскогорьях. Это районы, где развитие крайне ограничено или невозможно в принципе в силу целого ряда природных и экономических факторов. Основой хозяйственной деятельности, как правило, является земледелие, но дефицит воды и погодноклиматические условия затрудняют или не обеспечивают полный цикл производства, прирост продукта чрезмерно мал, доходы низки.

Дефицит воды испытывают 20,4% бедных уездов, земельных ресурсов - 25% уездов, а 8,5% бедных уездов одновременно страдают от дефицита воды и земли. В четверти всех деревень земельный надел («квадрат земли и воды») на двор не может прокормить семью, что превратило их в районы застойной бедности, где требуется переселение людей [4, р. 271]. У населения этих районов крайне низкий уровень образования, пониженный уровень здоровья, отсталое производство. Следствием причин бедности является **неполная занятость, отсутствие возможностей найти работу, поднять доходы**.

Глубина нищеты, застойный характер бедности, удаленность и труднодоступность этих районов резко усложнили решение задачи ликвидации бедности, старая модель и методы борьбы с бедностью здесь практически не работают.

Это преимущественно районы проживания нацменьшинств (11 из 14 основных районов хронической бедности). На конец 2014 г. бедное население здесь составляло 22,05 млн человек,

или 31,4% всего населения сельских бедных районов страны, коэффициент бедности достигал 14,7%, что выше среднего национального уровня на 7,5%. Из 220 тыс. км протяженности линии материковой границы 190 тыс. км ее приходится на районы нацменьшинств. При этом на конец 2013 г. в более чем 6 тыс. деревень нацменьшинств не было дорог, 2,47 млн человек не имели источника безопасной воды [4, р. 272].

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕДНОСТИ

Из *табл. 1* видно, насколько серьезной продолжает оставаться проблема региональной бедности как следствие неравномерного развития регионов и серьезной межрегиональной дифференциации населения по уровню доходов. В 2017 г. на Восточный регион приходилось 9,9% всего количества бедного населения, на Центральный - 36,5%, а на Западный - 53,6%, т.е. более его половины стабильно остается в этом регионе, хотя в абсолютных цифрах имеет место сокращение численности бедных во всех трех регионах.

В первые годы после образования КНР размещение бедного населения страны носило сугубо региональный характер. С началом политики реформ и открытости, усилением экономического развития и интенсификацией борьбы с бедностью численность бедного населения сократилась, но региональная бедность не претерпела коренных изменений, скорее, усугубилась в связи с развитием рыночной экономики и реализацией стратегии «пусть сначала разбогатеет часть населения, часть районов».

Осуществляемая Программа освоения Западного региона оказалась не столь эффективной, и после XVIII съезда КПК ее дополнил ряд крупных региональных проектов, направленных на выравнивание уровней экономического и социального развития регионов и формирование новой экономической системы открытого типа.

В числе этих проектов - Инициатива «Один пояс, один путь», Программа скоординированного развития региона Пекин - Тяньцзинь - Хэбэй, Программа экономического пояса реки Янцзы и, наконец, только что принятая Программа модернизации Западного региона до 2035 г. Все они призваны обеспечить создание адекватной материальной основы для преодоления неравномерности, неполноты развития районов Центрального и Западного регионов. Отметим, что задача ликвидации бедности во всех бедных уездах страны («снятие ярлыка бедности»), поставленная 5-м пленумом ЦК КПК (2015 г.), опирающаяся на единый официальный критерий порога бедности

Таблица 1

Численность бедного населения Китая и его размещение

Год	Всего, бедное население, млн чел.	Вост. Китай	Центр. Китай	Запад. Китай	Всего, %	Вост., %	Центр., %	Запад., %
2010	165,67	25,87	55,51	84,30	100	15,6	33,5	50,9
2011	122,38	16,55	42,38	63,45	100	13,5	34,6	51,9
2012	98,99	13,67	34,46	50,86	100	13,8	34,8	51,4
2013	82,49	11,71	28,69	42,09	100	14,2	34,8	51,0
2014	70,17	9,56	24,61	36,00	100	13,6	35,1	51,3
2015	55,75	6,53	20,08	29,14	100	11,7	36,0	52,3
2016	43,35	4,90	15,94	22,51	100	11,3	36,8	51,9
2017	30,46	3,00	11,12	16,34	100	9,9	36,5	53,6
Изменения	-135,21	-22,87	-44,39	-67,96	-	-5,8	3,0	2,8
Изменения, %	-81,6	-88,4	-80,6	-80,6	-	-	-	-

Составлено по: [6, p. 37].

для всего Китая, на низовом уровне одновременно решает также и задачу региональной бедности.

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ СТАРИКОВ И ДЕТЕЙ

Среди особенностей характера бедности в Китае все большее внимание привлекает серьезная проблема бедности в двух крайних группах жизненного цикла - **стариков и детей**. Одним из последствий обострения проблемы старения населения в Китае в последние десятилетия стало появление **проблемы бедности стариков**. Сегодня Китай уже вступил в «общество старения»: в 2014 г. в стране насчитывалось более 225 млн человек в возрасте выше 60 лет, или 15,5% населения. При этом в деревне скорость старения населения еще выше [4, p. 271].

Основная причина бедности - отсутствие роста дохода от хозяйственной деятельности (от сельского хозяйства) и недостаточный доход со стороны или его отсутствие (т.н. доход от заработка, посылаемый частично детьми-мигрантами из города), неразвитость системы социальных услуг в деревне, дефицит «средств по уходу за стариками», возросшая нагрузка на стариков, вызванная сходом молодежи в город.

По данным Всемирного банка (ВБ), из расчета критерия порога бедности в размере \$1 в день, в 2009 г. всего в стране насчитывалось более 140 млн бедных стариков, а в горном районе Яньшань - Тайсиншань коэффициент бедности стариков достиг 76,2% [4]. Постарение бедности в деревне стало острой проблемой, новым серьезным вызовом в борьбе с бедностью на новом этапе.

Проблема детской бедности в деревне во многом связана с усилением процесса миграции сельского населения в город в поисках источников доходов, когда родители уходят, оставляя детей на попечение стариков. Таких «оставленных» детей в деревне насчитывается 40-50 млн.

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ В КИТАЕ

Помимо масштабов распространения бедности обращает на себя внимание **глубина бедности** с ее застойным, хроническим характером, преимущественно в отдаленных районах с неблагоприятными природными и социально-экономическими условиями развития.

В мировой социологии, включая китайскую, выделены две основные ступени бедности, характеризующие степень ее глубины, - **абсолютная** и **относительная** как основа понятия бедность.

Под **абсолютной бедностью** понимается такое состояние, при котором человек на свой доход не способен удовлетворить даже базовые потребности в пище, жилье, одежде, тепле, либо способен удовлетворять только минимальные потребности, обеспечивающие биологическую выживаемость.

Численным критерием «порога бедности» здесь выступает прожиточный минимум. В качестве порога абсолютной бедности ВБ принял существование на менее чем \$1,25 в день (курс рассчитывается по ППС). Ныне действующий в Китае критерий «порога бедности», официально принятый в 2011 г., установлен в размере 2300 юаней на человека в год (в неизменных ценах

Таблица 2

Состояние абсолютной и относительной бедности в Китае (2018 г.) (%)

	Степень бедности	В стране (в целом)	Восточный Китай	Центральный Китай	Западный Китай
Деревня	абсолютная	7,11	2,97	6,43	12,00
-	относительная	16,88	8,38	16,50	25,85
Город	абсолютная	1,61	1,65	1,441	1,74
-	относительная	10,23	8,55	11,21	12,14
Мигрирующее население	абсолютная	2,41	2,52	2,61	1,94
	относительная	16,53	16,90	16,34	15,77

Примечание: 1. **В деревне** за порог абсолютной бедности взят официальный критерий абсолютной бедности (2736 юаней/чел. в год), а за порог относительной бедности взято 50% от медиального располагаемого дохода крестьян (4213 юаней/чел. в год). **В городе** за порог абсолютной бедности взят уровень среднего минимального прожиточного минимума горожан (4476 ю.), а за порог относительной бедности взято 40% от медиального (усредненного) располагаемого дохода горожан (9659 ю.).

2. Для мигрирующего населения (в процессе миграции) использовали критерии (порог) абсолютной и относительной бедности в городе.

3. Для регионов учитывали разницу в покупательной способности между регионами, при расчетах осуществляли урегулирование на основе товарных цен.

Рассчитано по: [7, р. 22].

2010 г.)³. Этот критерий «порога» абсолютной бедности получил конкретное название и наполнение в решении 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва в 2015 г. - как критерий, гарантирующий пять важнейших потребностей жизни - «*лянгэ бу чоу, саньгэ баочжэн*» («две заботы» и «три гарантии»), т.е. не беспокоиться о **пище и одежде** и иметь **3 гарантии** обеспечения нормальной жизни - **9-летнего образования, основных медицинских услуг и безопасности жилья**.

Под *относительной бедностью* понимается невозможность поддерживать уровень или некоторый стандарт жизни, принятый в данном обществе, социальной сфере. Относительная бедность показывает то, как вы бедны в сравнении с другими людьми⁴.

Мерой относительной бедности чаще выступает *относительная черта бедности*, определяемая размером дохода, сравнимого с уровнем медиального (усредненного) дохода населения или социальной группы. В Китае порог относительной бедности в деревне приравнивается к 50% медиального дохода сельского населения, а в городе - к 40% медиального дохода горожан.

Если абсолютная бедность может быть ликвидирована, то относительная нет, меняются

лишь ее численные показатели, уровень. Концепция *относительной бедности* является частью более общей концепции о социальном неравенстве.

Согласно задаче, поставленной 5-м пленумом ЦК КПК в 2015 г., **задача ликвидации бедности в Китае к 2020 г.** как часть стратегии построения общества среднего достатка **сяокан касается лишь ликвидации в стране абсолютной бедности**, т.е. охватывает только ту часть бедного населения, которое живет ниже линии официально установленного «порога бедности» в 2300 юаней на душу в год (в неизменных ценах 2010 г.). Иначе говоря, сегодня задача борьбы с бедностью состоит в ликвидации лишь «нижнего» слоя бедности, т.н. абсолютной бедности.

Какова же степень глубины бедности в стране сегодня, в целом, и по регионам?

Фонд по изучению развития Китая и научный коллектив Пекинского педагогического института, опираясь на данные обследования доходов населения Китая за 2013 г., провели исследование проблемы бедности [7], проанализировав раздельно состояние с абсолютной и относительной бедностью в стране в целом, в деревне, в городе, а также мигрирующего населения (см. *табл. 2*).

³ С ростом цен стоимостное содержание официального критерия (2300 юаней. в неизменных ценах 2011 г. на душу в год) растет, достигнув в 2020 г., в среднем, 4000 юаней в год (*прим. авт.*).

⁴ Относительная бедность является сравнительной характеристикой в двух смыслах. Первое. Значение относительной бедности заключается в сравнении одной страты с другими стратами или слоями населения. Второе. Оно показывает, что вы бедны относительно некоторого стандарта жизни, например, стандарта достойной, или приличествующей жизни общества (*прим. авт.*).

Табл. 2 показывает, насколько серьезно стоит проблема ликвидации абсолютной бедности, особенно в деревне Западного региона, и как велик пласт относительной бедности в стране сегодня, в целом, а также насколько еще серьезны проблемы сельской бедности, т.е. бедности в деревне страны, а также региональной.

Так, в деревне: хотя разница между критериями порога абсолютной и относительной бедности составляет всего 1,54 раза, масштабы относительной бедности в деревне в 2,37 раза превышают пласт абсолютной бедности (см. табл. 2). Это отражает тот факт, что хотя, согласно нынешним критериям, большие массы населения оторвались от черты бедности, они по-прежнему в большей своей массе сконцентрированы вблизи черты бедности, несколько выше.

В городе: численность населения, живущего в условиях относительной бедности, в 6,35 раза больше населения, проживающего в условиях абсолютной бедности. У мигрирующего населения это соотношение составило разрыв порядка 6,86 раза.

С региональной точки зрения, сельское население Западного региона, проживающее в условиях абсолютной бедности, в 4 раза превышало таковое в Восточном регионе, а сельское население, подпадающее под критерии относительной бедности, в 3,1 раза больше, нежели в последнем.

Среди городского населения: разница между частью населения, проживающего в условиях абсолютной и относительной бедности по регионам, не так заметна, но в масштабах всей страны она достигала 10,23%.

В целом, результаты обследования состояния абсолютной и относительной бедности населения в трех основных регионах страны в 2013 г. лишь подтверждают наличие серьезной проблемы региональной бедности в Китае.

Сохранение огромного пласта населения, живущего в условиях относительной бедности в стране, заставляет предположить, что борьба на этом фронте продолжится после 2020 г. с еще большей энергией, тем более, что руководством страны уже поставлена задача разработки новой стратегии борьбы после 2020 г. и появились первые ее наброски китайских ученых.

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ

После XVIII съезда КПК заметно возросло внимание китайской науки к проблеме бедности в стране, изучению ее основных характеристик и специфики, поиску новых подходов к борьбе с ней.

Мировая социология выделяет три основные общепризнанные причины возникновения бедности, которые сформировали соответствующие три типа бедности, присущие и Китаю: 1) повсеместная бедность доиндустриального периода; 2) частичная бедность эпохи индустриализации; 3) бедность, связанная с индивидуальными природными качествами человека или роком судьбы, ведущими к потере работоспособности (которые в рабочем порядке именуются - «тип бедности застойного развития», «тип бедности структурного дисбаланса» и «тип бедности, связанный с болезнью»). Процесс их возникновения и развития связан с состоянием ресурсов, уровнем технического прогресса и основным общественным строем [8].

До 1978 г. Китай представлял страну, где традиционное сельское хозяйство было основой, и явления всех выше описанных трех типов бедности существовали одновременно, население страны, в основном, пребывало в состоянии бедности. Сегодня Китай уже превратился в индустриальную страну, где основные типы бедности - последние два: тип бедности структурного дисбаланса и тип бедности, связанный с болезнью.

Неравномерность экономического развития Китая - главная причина сохранения отдельных отраслей с низкой производительностью труда, а значит, и бедных районов, хотя страна имеет современную промышленность и развитую систему городов.

Одной из основных причин существования сегодня в Китае неравномерности и несбалансированности развития города и деревни, промышленности и сельского хозяйства является создание еще в 50-е гг. XX в. и сохранение до последнего времени т.н. «двухосновной структуры» города и деревни (*чэн сянь эр юань цзегоу*). Эта раздельная система управления двумя основными подразделениями национальной экономики привела к возникновению неполной занятости в деревне, что и стало главной причиной бедности в китайской деревне.

Вывод однозначный: чтобы разрешить проблему структурной бедности (второй тип бедности), надо, в первую очередь, опираться на преобразование структуры экономики как ключевое звено стратегии ликвидации бедности. Необходимо ускорить процесс развития интеграции города и деревни, осуществить реформу земельной системы в деревне, установив рациональное соотношение людских и земельных ресурсов и обеспечив достаточный надел земли за хозяйством, чтобы оставшееся и проживающее в деревне население включилось в современную систему разделения труда.

Это путь к полной занятости в деревне. Этот путь преодоления бедности структурного типа в настоящее время как раз проходит пик своей реализации в Китае.

Бедность, связанная с болезнью. В Китае в бедных районах бедность по причине болезни, в среднем, достигает 37,8% среди всех других причин по официальным оценкам, а по другим - более 42% и даже 50%. В развивающихся странах этот тип бедности намного выше, чем в развитых. Согласно имеющимся у автора данным, число наркоманов в стране достигает примерно 14 млн человек (проблему наркомании известный китайский экономист включает в разряд болезни как причину бедности).

Эти две группы бедности во многом определили опережающий удельный вес типа бедности по болезни в стране в целом [8]. Борьба с бедностью по причине болезни стала одним из наиболее важных, хотя и наиболее трудных, направлений адресной борьбы с бедностью в последнее время.

Помимо профилактики инфекционных заболеваний и обеспечения равного доступа к основным медицинским услугам для города и деревни борьба с этим типом бедности потребует больших средств, направленных на повышение адресной поддержки бедных этой категории, пропаганды и распространения особого вида образования [8].

НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ

Вступление Китая в этап замедленных темпов экономического роста, структурных реформ и перехода к новой модели развития к началу второго десятилетия XXI в. поставило задачу обновления самих путей борьбы с бедностью. Приближение сроков завершения программы полного построения общества среднего достатка *сяокан* (к концу 2020 г.) потребовало максимально ускорить темпы решения проблемы бедности.

Старая модель борьбы с бедностью практически исчерпала свои возможности. Позволив добиться существенного сокращения численности малоимущего населения на начальном этапе, она смогла обеспечить уровень самых необходимых потребностей лишь до планки «*вэнь бао*», т.е. решения проблемы «сытости и тепла». В новых условиях старая модель оказалась неэффективной, она не обеспечивала результаты, адекватные вложенным усилиям: при определенном улучшении положения бедных районов, количество бедных не сокращалось, соответственно, успехи оказыва-

лись лишь «средней температурой по больнице» [9].

Изменился во многом и характер бедности: оставшиеся бедные районы оказались самой трудной частью «бастиона бедности»: это были районы застойной нищеты, с глубокой степенью бедности комплексного характера, где сами природные факторы ограничивали развитие в целом. Здесь прежние подходы в борьбе с бедностью практически не действовали, и трудность борьбы возросла многократно. Китайские специалисты говорили, что бороться с бедностью здесь всё равно, что «грызть твердую кость». Встала задача более глубокого научного подхода к проблеме бедности, выработки новой концепции и стратегии, повышения эффективности и ускорения темпов решения проблемы в новых условиях.

Начиная с XVIII съезда КПК в стране развернулась серьезная работа в поисках новых путей борьбы с бедностью. В декабре 2012 г. председатель КНР Си Цзиньпин во время инспекционной поездки в уезд Бупин, провинция Хэбэй, выдвинул первые установки по улучшению организации этой работы: «*Работа по борьбе с бедностью требует наличия плана, наличия средств, наличия мер, наличия контроля*» [3].

В ноябре 2013 г., находясь с инспекцией на западе пров. Хунань, Си Цзиньпин впервые предложил идею новой концепции борьбы с бедностью: «*Добиваясь истины, исходя из местных условий, осуществляя дифференцированное руководство, вести адресную борьбу с бедностью*» [10]. И уже через месяц, в декабре 2013 г., ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали совместный документ: «Мнение об обновлении механизма работы по борьбе с бедностью в деревне» (Док. № 25. 2013 г.), в котором ставилась задача создания механизма целенаправленной, **адресной борьбы с бедностью**.

Эти и последующие установки и положения по вопросу реорганизации работы по борьбе с бедностью, выдвинутые КПК после XVIII съезда КПК, фактически представляют собой квинтэссенцию богатого личного опыта работы по борьбе с бедностью самого Си Цзиньпина на разных административно-партийных постах - от деревни, уезда до провинции, а также обобщение опыта страны в целом за последние 40 лет, и именно они легли в основу новой концепции, стратегии и самого механизма борьбы с бедностью в Китае. В 2018 г. все они были опубликованы в отдельном сборнике⁵.

В июне 2015 г. Си Цзиньпин, выступая на совещании по проблемам борьбы с бедностью, выдвигал

⁵ Сборник положений Си Цзиньпина по адресной борьбе с бедностью. Всего 242 положения. *Чжунянь вэньсянь чубаньшэ*. 2018, август (прим. авт.).

нул концепцию механизма организации всей этой работы: *«Необходимо усилить **систему ответственности**⁶ в руководстве работой по борьбе с бедностью, создать систему управления работой по принципу: «центр» отвечает за координацию, провинции несут общую ответственность, города (округа), уезды - проводят в жизнь политику... В новой системе управления рабочий механизм действует по принципу: «взяв часть как ключевое звено, доводить работу до деревни, до двора. Партия и правительство совместно («рука об руку») отвечают за систему ответственности по борьбе с бедностью, по-настоящему доводя дело до решения» [3].*

5-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (2015 г.) переложил решение проблемы бедности в конкретное русло, поставив сложную двуединую задачу: в связи с завершением полного построения общества сяокан к 2020 г. *добиться ликвидации бедного населения деревни в соответствии с принятыми критериями порога бедности; «снять ярлык бедности» со всех бедных уездов в стране, решить в целом проблему региональной бедности [11].*

Решение 5-го пленума ускорило процесс формирования новой концепции и стратегии по ликвидации бедности, к разработке которых была вплотную подключена китайская наука. Интенсивная работа трех сторон - партии, правительства, науки - позволила в короткие сроки сформировать целостную конструкцию новой модели - **модели адресной борьбы с бедностью**, которая позволила обеспечить решающий успех в ликвидации бедности в стране на новом этапе.

СТРАТЕГИЯ АДРЕСНОЙ БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ

В основу новой стратегии легли положения Си Цзиньпина. Стратегия включает 6 основных направлений, известных как *«люэцзяньчэ»* - «шесть твердо проводить»: 1) *«руководство партии, усиливать гарантию организации»*; 2) *«адресную стратегию борьбы с бедностью»*; 3) *«наращивание инвестиций, усиление поддержки борьбы с бедностью средствами»*; 4) *«мобилизацию общества, концентрацию сил всех сторон»*; 5) *«исходя из твердости требований, продвигать настоящую работу»*; 6) *«проводить линию: массы - субъект, стимулировать внутренние потенциальные силы» [2].*

Рассмотрим основные из них.

Направление 1 - проводить руководство партии, усиливать гарантию организации - наиважнейшее, в нем видят «корень дела». Си Цзиньпин объясняет это положение так: *«Чем дальше продвигается борьба с бедностью, тем больше надо усиливать и совершенствовать руководство партии. Проводить в жизнь руководство партии - значит развивать преимущества социалистического строя по мобилизации сил на большие дела, это и есть наше самое большое политическое преимущество. Надо усиливать рабочий механизм, где центр (ЦК) должен отвечать за координацию, провинции несут общую ответственность; города, уезды держат в руках механизм всей работы. Надо усиливать систему ответственности партийной власти, усиливать ключевую роль парткомов уездов как общих штабов борьбы с бедностью во всех уездах».*

Особое значение придается самому нижнему звену этой партийной вертикали - партийной ячейке в деревне: *«Надо ухватиться за партийную организацию деревни, как центральное звено всех базовых организаций в деревне, избирать сильную руководящую группу на уровне деревни, стимулировать и направлять идейно, с правильным стилем работы, с хорошим потенциалом, желающих служить народу, т.е. лучшие молодые кадры из отставных военных, выпускников вузов, приехавших на работу в бедную деревню, которые подходят для избрания первым секретарем парторганизации в деревне, чтобы превратить низовую партиячку в деревне в боевую крепость борьбы с бедностью и за улучшение благосостояния ее жителей. Ключевым звеном этой борьбы является человек».*

Важное значение в этой связи приобретает проблема подготовки кадров. *«Чрезвычайно важно иметь кадры на всех уровнях, особенно на базовом уровне. Надо создавать группы отрядов по борьбе с бедностью, в процессе работы воспитывать закаленные кадры, первых секретарей, кадры базовых организаций в деревне, включая студентов вузов для работы в деревне, надо больше заботиться о них, своевременно помогать им решать сложные практические вопросы» [1].*

Таков главный стержень мобилизационного механизма новой модели борьбы с бедностью в Китае сегодня.

Забегая вперед, можно констатировать, что вышеприведенные установки работают, они вполне

⁶ Система ответственности - механизм персональной ответственности, налагающий от имени партии на члена КПК личную ответственность за решение поставленной задачи. Сегодня такую персональную партийную ответственность, например, несет каждый губернатор провинции за решение проблемы продовольственной безопасности провинции (ранее - «за мешок риса»), а каждый мэр города - ответственность за обеспечение города свежими овощами («за корзину овощей») (прим. авт.).

успешно претворяются в жизнь: согласно последним данным (март 2020 г.), сегодня в борьбе по ликвидации бедности на уровне деревни задействовано 255 тыс. таких отрядов в бедных районах страны, и более 2,9 млн первых секретарей отобраны и посланы в бедные районы возглавить партийные организации деревень [10].

Направление 2 - проводить адресную стратегию борьбы с бедностью, повышать эффективность ликвидации бедности.

Основные положения этого направления стратегии были впервые изложены Си Цзиньпином на 5-м пленуме ЦК КПК в октябре 2015 г. Эта установка фактически превратилась в основной курс борьбы с бедностью с XVIII съезда КПК и отражает суть новой стратегии, новой модели ликвидации бедности в Китае на новом этапе.

Главным принципом и спецификой новой стратегии выступает концепция **адресности** Си Цзиньпина. Значение адресности в деле борьбы

с бедностью он выразил в следующем сравнении: *«ценность - в адресности, важность - в адресности, от нее зависит победа или поражение»* [2].

Адресность, по сути, означает требование исходить из реальной ситуации и анализировать конкретные проблемы, вести целенаправленную работу, имея перед собой конкретную цель, добиваясь эффективности.

Си Цзиньпин предложил следующие шесть положений, или аспектов, характеризующих новую адресную политику борьбы с бедностью: 1) *объект помощи должен быть адресным*; 2) *программы осуществлять адресно*; 3) *деньги использовать адресно*; 4) *меры доводить до двора адресно*; 5) *в деревню посылать людей адресно (фактически, надо посылать первого секретаря адресно)*; 6) *добиваться эффективности в ликвидации бедности адресно* [2].

(Окончание следует)

Список литературы / References

1. Studying Xi Jinping's Compendium of Poverty Alleviation Provisions. Decisively fight for the eradication of poverty, write a new page in the history of the fight against poverty of humanity. *People's Daily*. 21.08.2018 (In Chin.). <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0821/c1001-30239990.html> (accessed 21.08.2018)
2. Chen Li talks about Xi Jinping's Compendium of Poverty Alleviation Provisions. *People's Daily*. 13.11.2018 (In Chin.). <http://theory.people.com.cn/n1/2018/1113/c-40531-30397610.html> (accessed 29.02.2020)
3. Wang Qinsong. The institutional system of poverty alleviation with Chinese characteristics. *People's Daily*. 16.01.2020 (In Chin.). [http://theory/people.com/cn/n1/2020/0116/c40531-31551545.html](http://theory.people.com.cn/n1/2020/0116/c40531-31551545.html) (accessed 17.01.2020)
4. Liu Yansui, Zhou Yang, Liu Jilai. 2016. Features of zoning of poverty in a Chinese village and the strategy of addressing it. *Zhongguo kesue yuan yuan'kan*. № 3, p. 269 (In Chin.); 1994-2016. *China Academic Journal*. Electronic Publishing House. <http://www.cnki.net> (accessed 04.01.2020)
5. Zhang I. 2016. The main problems in the work on targeted poverty eradication in China at present and measures to improve it. *Goji jingji pinlun*. P. 78 (In Chin.)
6. Wei Hoogui. 2018. The new poverty alleviation strategy in China after 2020. *Zhongzhou shuekan (Academic Journal of Zhongzhou)*. № 9, p. 37 (In Chin.)
7. Yu Jianto. 2018. How has poverty alleviation in China really become possible? *Zhongguo gaige*. 2018. № 2, p. 22 (In Chin.)
8. Dan Guoing. 2016. Types of poverty and the choice of poverty eradication strategy. *Zhuan yanguang kan jingji, jingji yanguang kan Zhonggou*. № 9, p. 70 (In Chin.); 1994-2017. *China Academic Journal*. Electronic Publishing House. <http://www.cnki.net> (accessed 01.03.2020)
9. Xi Fengqin, Hua Zhengxue. 2017. An analysis of the ideas of targeted struggle against poverty Xi Jinping from the standpoint of integrity. *Nune jingji*. № 1, p. 6 (In Chin.)
10. Wu Chuani. A decisive struggle to eradicate poverty demonstrates systemic benefits. *People's Daily*. 11.03.2020 (In Chin.). [http://theory/people.com/cn/n1/2020/0311/c40531-31626484.html](http://theory.people.com.cn/n1/2020/0311/c40531-31626484.html) (accessed 14.03.2020)
11. The 5th Plenary Session of the 18th CPC Congress: Decisions. *People's Daily*. 29.11.2015 (In Chin.). <http://politics.people.com.cn/n/2015/1129/c1024-27867560.html> (accessed 29.11.2015)

DOI: 10.31857/S032150750010445-1

АСЕАН КАК ЗОНА СТОЛКНОВЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ США И КИТАЯ

© 2020 А. КОРОЛЕВ, А. АПАСОВА

КОРОЛЕВ Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ (askorolev@hse.ru)

АПАСОВА Анастасия Максимовна, студентка факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (amapasova@edu.hse.ru)

Резюме. Сегодня соперничество США и Китая в ЮВА (Юго-Восточной Азии), спровоцированное образованием в регионе т.н. «вакуума безопасности» по окончании холодной войны, не только не идет на спад, но и приобретает новые формы. В этой ситуации такие многосторонние объединения, как АСЕАН, вынуждены искать пути нивелирования негативных последствий конфликта при сохранении контроля над региональными процессами. В статье изучены ключевые аспекты противостояния США и КНР в регионе - соперничество в Южно-Китайском море, инициатива ИТР, торговая война - и их влияние на стратегические интересы Ассоциации.

Ключевые слова: АСЕАН, США, Китай, Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Инициатива пояса и пути (ИПП), Южно-Китайское море (ЮКМ), Индо-Тихоокеанский регион (ИТР)

ASEAN AS A ZONE OF THE USA - CHINA CONFLICT OF INTERESTS

Alexander S. KOROLEV, Post-graduate Student, Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics (askorolev@hse.ru)

Anastasiia M. APASOVA, BA Student, National Research University Higher School of Economics (amapasova@edu.hse.ru)

Abstract. The conflict of interests of the USA and China in the Southeast Asia was initially instigated by the creation of a "security void" in the region after the end of the Cold War. Today the states' political claims do not seem to be limited, provoking on the contrary, new edition of rivalry and setting new agenda for further clashes. In a situation of confrontation between the two powers, such regional players as ASEAN are, on the one hand, forced to look for the ways of mitigating the negative consequences of the conflict, as well as of maintaining control over regional processes. On the other hand, the regional actors may benefit from the continuing rivalry of the two economic giants by attracting investment from both sides as well as by getting more opportunities to expand regional cooperation. This article explores key aspects of the US - China rivalry in the region - the clash of interests in the South China Sea, the Indo-Pacific format initiated by the United States, as well as the contemporary trade war - and examines the ASEAN's response to aforementioned challenges. Since the transition of relations between Washington and Beijing into the phase of uncontrolled confrontation poses a serious challenge to the long-term development of the ASEAN, some assumptions are made regarding the Association's key strategies over the next 5-10 years. Provided that the USA and China remain in competition for Southeast Asia, the possible political course of ASEAN is likely to be focused either on stepping up efforts to engage the US and China in regional security institutions, or on soft balancing between the US and China, involving also other "third actors" like Japan, India, Australia and Russia.

Keywords: ASEAN, the USA, China, Trans-Pacific Partnership (TPP), The Belt and Road Initiative (BRI), South China Sea, Indo-Pacific region

Юго-Восточная Азия исторически является регионом политических, территориальных, экономических противоречий. Особенности географии (а именно нахождение в регионе стратегически важных морских путей) обуславливают попадание ЮВА в зону интересов ряда государств, прежде всего, США и Китая. Совокупность обозначенных факторов неминуемо провоцирует противоречия между этими странами, активно проводящими политику упрочения своего положения в регионе как дипломатическими, так и военными методами. Современный контекст торговой войны выносит исследование соперничества двух держав в разряд особенно актуальных. В частности, обострение великодержавного «холодного» противостояния оказывает существенное влияние на динамику развития АСЕАН.

На протяжении многих лет Вашингтон и Пекин прибегали к таким инструментам «умной силы», как односторонние ограничительные меры, подкуп элит малых и средних держав, предоставление экономической помощи партнерам по Ассоциации с целью формирования лояльной политической клиентелы. Активно используется метод продвижения конкурирующих форматов экономического регионализма для усиления своего присутствия в ЮВА, например, Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Инициатива пояса и пути (ИПП). Кроме того, нарастание соперничества между США и Китаем в регионе сопровождается более активным использованием этими странами асеаноцентричных диалоговых площадок для проецирования своего влияния и формирования правил игры, а также попытками укрепить взаимодействие с формальными или неформальными

мальными союзниками Вашингтона и Пекина в регионе.

Анализируя основные периоды усиления соперничества между США и Китаем в Юго-Восточной Азии, следует отметить, что начало активного проникновения Соединенных Штатов в регион пришлось на годы холодной войны. Последовавший в начале 1990-х гг. распад биполярной системы привел к образованию «вакуума безопасности» в Юго-Восточной Азии, который активно пытался заполнить Китай. С окончанием холодной войны США потеряли не только и не столько интерес к сотрудничеству, сколько его основополагающий принцип - противодействие коммунистическому блоку. В американской инициативе форума АТЭС страны АСЕАН усмотрели угрозу своему институциональному лидерству, которое на тот момент уже имело видимые очертания [1]. Наконец, во время событий вокруг рифа Мисчиф в 1995 г. США не оказали помощь АСЕАН, что еще раз демонстрирует пониженную активность Вашингтона в регионе в 1990-х гг.

Китай, напротив, активировал процесс проецирования своего регионального влияния, избрав стратегию «институционального связывания», т.е. вовлечения в асеаноцентричные институты, например, *ASEAN Regional Forum (ARF)* - Региональный форум АСЕАН [2]. Созданный в 1994 г., данный проект предусматривает последовательное наращивание военного присутствия КНР в Южно-Китайском море (ЮКМ) - возведение дамб, вертолетных площадок и других объектов военной инфраструктуры на рифе Квартерон. Одновременно реализуется стратегия создания зоны ПВО над ЮКМ, подобной той, что уже существует над Восточно-Китайским морем, что, в свою очередь, стало одним из катализаторов обострения противоречий Пекина и Вашингтона, вынудивших АСЕАН отстаивать свои региональные интересы.

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ США В РЕГИОНЕ

Инцидент в ЮКМ вкупе с кризисом в Тайваньском проливе в 1995-1996 гг. продемонстрировал способность КНР проводить наступательную политику в отношении официального военно-политического союзника США. В ответ Вашингтон принял решение оптимизировать свою внешнеполитическую стратегию по вопросам безопасности. Так, в середине - второй половине 1990-х гг. были подписаны соглашения с Сингапуром, Таиландом, Индонезией и Малайзией о предоставлении США доступа к объектам их береговой инфраструктуры, а в 1998 г. США и Фи-

липпины заключили Соглашение о визитах вооруженных сил (*Visiting Force Agreement*) [1]. При этом Вашингтон намеренно дистанцировался от обсуждения проблем Южно-Китайского моря и Юго-Восточной Азии в целом в рамках региональных структур. Об этом, в частности, свидетельствуют пропуски государственным секретарем США Кондолизой Райс заседаний *ARF* в 2003 и 2005 гг.

Игнорирование Штатами региональной повестки послужило дополнительным триггером активизации взаимодействия стран АСЕАН с Китаем, который позиционировался как ответственный международный игрок, придающий особое значение развитию всеобъемлющего диалога с региональными партнерами. В сфере экономического сотрудничества Вашингтон также все заметнее проигрывал Пекину, который выдвигал новые взаимовыгодные форматы двустороннего взаимодействия, направленные на укрепление экономической конкурентоспособности сторон [1].

Оживление торгово-экономического взаимодействия между КНР и АСЕАН создало позитивный «эффект перетекания» на другие сферы двустороннего сотрудничества, демонстрируя значимость Пекина во внешнеполитической стратегии Ассоциации. Так, в 2002 г. Китай и АСЕАН подписали Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море, оставив США за бортом переговоров. Данный документ хоть и не носит юридически обязывающего статуса, но заложил фундамент для дальнейшего обсуждения и принятия драфта Кодекса поведения сторон в ЮКМ, направленного на урегулирование территориальных споров.

Усиление китайского присутствия в Южно-Китайском море спровоцировало активное подключение США к данной проблеме. В 2005 г. состоялся 1-й саммит АСЕАН+3 совместно с США, Австралией, Индией, Новой Зеландией и Россией (Восточноазиатский саммит), позволивший американской стороне включиться в интеграционный процесс [2]. Следующим шагом к изменению стратегии США стало принятие концепции расширенной двусторонности, подразумевавшей смещение акцента с общности угроз на сходство интересов с региональными игроками. Следовательно, возникла потребность в смене имиджа на менее милитаризованный, военные акции сменились антитеррористическими учениями («*Cobra Gold*») и гуманитарной помощью.

Прогресс в интеграции закрепился и продолжился с приходом демократа Барака Обамы, первый президентский срок которого начался с идеи сотрудничества с Китаем в Юго-Восточной Азии.

Однако после инцидента с американским судном *The Impeccable* в водах Южно-Китайского моря в марте 2009 г. концепция совместного американо-китайского «ответственного лидерства» в АТР провалилась. Суть разногласий двух государств на тот момент заключалась в основном в разнице трактовки свободы судоходства в Южно-Китайском море. Если для Китая данное понятие означало беспрепятственное передвижение торговых судов (при том, что Пекин заявлял свои права на около 80% акватории ЮКМ), США воспринимали его как беспрепятственный заход боевых кораблей в акваторию Южно-Китайского моря [3].

Вашингтон продолжил политику укрепления двусторонних альянсов и усиление военно-политического взаимодействия с важными партнерами. Например, осенью 2011 г. прошли совместные учения США и Филиппин на острове Палаван, в 60 км от оспариваемой Китаем филиппинской акватории Южно-Китайского моря. Кроме того, показательно выступление госсекретаря США Х.Клинтон на Ханойском заседании *ARF* в 2010 г., где она подняла вопрос о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, подчеркнув, что ряд положений Декларации о поведении сторон отвечают интересам КНР в гораздо большей степени, чем интересам стран ЮВА. Как видно, страны все чаще использовали асеаноцентричные механизмы, прежде всего, *ARF*, как площадку для продвижения собственных стратегических интересов, вступающих в противоречие с позициями АСЕАН [4].

Одновременно с этим, стремление Ассоциации вынести на обсуждение чувствительные вопросы, например, проблему Южно-Китайского моря, неоднократно блокировалось Вашингтоном и Пекином, которые отдавали предпочтение встречам и консультациям в двустороннем формате, что подрывает сами основы функционирования *ARF* в качестве многосторонней диалоговой площадки. Кроме того, обострение ситуации в Южно-Китайском море привело к росту разногласий внутри Ассоциации, ярким примером чего служит блокирование в 2012 г. Камбоджей принятия совместного заявления министров иностранных дел АСЕАН по ЮКМ, что стало беспрецедентным случаем в истории Ассоциации [5].

В 2013 г. Китай приступил к строительству искусственных сооружений на занятых им островах Южно-Китайского моря, что вызвало опасения со стороны региональных игроков. Стремление АСЕАН восстановить статус институционального лидера в регионе, равно, как и смягчение риторики США по вопросам ЮКМ с приходом администрации Обамы, подтолкнуло страны «десят-

ки» к подписанию с Вашингтоном в ноябре 2015 г. Соглашения о стратегическом партнерстве [1]. Была подтверждена недопустимость нарушения свободы судоходства в Южно-Китайском море, что являлось, как мы помним, одним из ключевых приоритетов США. Взамен АСЕАН получила укрепление своей центральной роли в процессах азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества.

Параллельно США активизировали программу *FONOP (Freedom of Navigation Operations)*, суть которой заключалась в осуществлении демонстрационных проходов американских боевых кораблей через Южно-Китайское море. Наиболее резонансным мероприятием в рамках программы стал проход американского эсминец Лассен через воды, прилегающие к контролируемому Китаем острову Суби архипелага Спратли, совершенный в конце октября - начале ноября 2015 г. [6]. Китай же, вовлекаясь в «гонку вооружений», создал *Air Defence Identification Zone - ADIZ*, зону ПВО над Южно-Китайским морем, подобную той, что уже существовала над Восточно-Китайским морем. Тактика АСЕАН, в целом, оставалась направленной на втягивание сторон в переговоры по вопросу конфликта в Южно-Китайском море.

НОВЫЙ ЭТАП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ ДЕРЖАВ

Несмотря на разногласия между членами организации, связанные с различными национальными интересами стран вследствие разницы потенциала, подписание в 2016 г. совместного Кодекса поведения с Китаем, изначально невыгодного китайской стороне, свидетельствует о высоком потенциале организации в разрешении региональных вопросов. Однако приход к власти в США администрации Трампа повлек за собой обострение противостояния с Китаем, которое приняло более открытый и системный характер по ряду стратегически важных областей и заставило страны АСЕАН реагировать на новые вызовы.

Яркой характеристикой нового этапа взаимодействия двух держав стал поиск Вашингтоном нового формата сдерживания Пекина. Если еще 10 лет назад стоял вопрос, как бесконфликтно пережить смещение баланса сил в Азии и остаться здесь без последствий для региональных союзников и партнеров Вашингтона, то теперь вопрос стоит по-другому: сохраняются ли вообще зоны эксклюзивного американского влияния в Восточной Азии? Важнейшим трендом становится расширение многосторонних форматов и внедрение сетевой структуры в американскую систему сдерживания Китая. Продвижение концепции

Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и одноименной стратегии «Свободного и открытого ИТР» призвано решить две задачи [7].

Во-первых, администрация Дональда Трампа стремится продемонстрировать напор и масштаб, которого, как считается, не было у Барака Обамы. Во-вторых, сам терминологический переход подчеркивает роль Индии как второй, т.е. не единственной, великой «автохтонной» державы в Большом азиатском регионе, где позиция Китая всегда была преобладающей. Подобный новый акцент на Индию проливает свет и на функцию возобновления встреч Четырехстороннего диалога по безопасности между США, Японией, Австралией и Индией (*Quadrilateral Security Dialogue - Quad*). Такой формат ставит задачей развитие стратегического взаимодействия между странами, чья внешняя политика в Азии созвучна американской.

Важно, что это уже не «союз демократий», а сообщество «единомышленников». Серьезные намерения Вашингтона в отношении концепции ИТР также подтверждаются принятием 31 декабря 2018 г. стратегического документа - «Инициативы по подтверждению стратегии США в Азии» (*Asia Reassurance Initiative Act - ARIA*). В нем указывается, что США берут на себя обязательства в период до 2023 г. ежегодно выделять \$1,5 млрд для повышения обороноспособности стран-партнеров и укрепления союзнических отношений как ответ на «дестабилизирующие» действия Китая [8]. Достойны внимания также и трехсторонняя инициатива США, Австралии и Японии по формированию партнерства для инвестиций в инфраструктуру и американский закон «О лучшем использовании инвестиций, ведущих к развитию» (*Better Utilization of Investments Leading to Development - BUILD Act*), призванный поддержать американский бизнес, готовый инвестировать за рубежом, в т.ч. в Индо-Тихоокеанский регион.

Дальнейшее внедрение американоцентричных подходов к структурированию Индо-Тихоокеанского региона грозит существенно маргинализировать положение АСЕАН в региональной архитектуре безопасности, девальвируя центральную роль Ассоциации. Концепция ИТР ставит под угрозу, прежде всего, вопрос единства АСЕАН, т.к. если Сингапур, участвовавший в военных маневрах с государствами Четырехстороннего соглашения, может поддерживать повестку ИТР, то инфраструктура Камбоджи и Лаоса зависит от притока китайских инвестиций, следовательно, поддержка американских инициатив с их стороны менее вероятна. Вашингтон же вынашивает идею включения стран Юго-Восточной Азии в ИТР в качестве «2-го контура», что окончательно ис-

ключило бы центральную роль АСЕАН как интеграционного лидера.

Согласие на подобный формат со стороны АСЕАН означало бы снижение роли саммита организации и регионального форума по безопасности, Восточноазиатского саммита, Совещания министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу и т.д., и, следовательно, разрушение асеаноцентричной структуры регионального взаимодействия. Логично предположить, что из форматов ИТР и китайской альтернативы «Пояс и путь» страны организации скорее склонны к последнему. Однако в случае дальнейшего обострения отношений между США и Китаем, перед рядом стран ЮВА вопрос поддержки концепции Индо-Тихоокеанского региона может встать особенно остро. С высокой долей вероятности, в ближайшее время Соединённые Штаты и их партнеры по Четырехстороннему формату предпримут попытки по более активному вовлечению Вьетнама в концепцию Индо-Тихоокеанского региона. Об этом свидетельствует постановка Ханоя на 1-е место в списке приоритетных партнеров Вашингтона среди государств АСЕАН в опубликованном 1 июня 2019 г. отчете Министерства обороны США [9]. Неслучайно именно во вьетнамском Дананге в ходе саммита АТЭС в 2017 г. президент США Д.Трамп впервые представил видение «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

Важно также отметить и заинтересованность самого Вьетнама в укреплении стратегического сотрудничества со странами региона. В частности, приверженность концепции Индо-Тихоокеанского региона была зафиксирована в ходе визита бывшего президента Вьетнама Чан Дай Куанга в Индию в марте 2018 г. [10]. Наконец, согласно опросу Австралийского института стратегической политики, проведенному в октябре 2018 г., во Вьетнаме наблюдается наиболее позитивное отношение к Индо-Тихоокеанскому региону среди всех стран-членов АСЕАН - 69% опрошенных положительно отзываются об этой инициативе [11]. Более того, 88% вьетнамцев отметили необходимость институционализации *Quad* для укрепления региональной архитектуры безопасности, основанной на правилах и уважении международного права [11].

ПОПЫТКИ АСЕАН СОХРАНИТЬ МНОГОСТОРОННИЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В условиях фрагментации региональной архитектуры безопасности, АСЕАН нуждается,

по крайней мере, на декларативном уровне, в продвижении многостороннего формата, который сохранит столь сакральный для лидеров Ассоциации принцип, как центральная роль АСЕАН [12]. При этом речь не идет о создании новых институциональных механизмов.

Асеановское видение Индо-Тихоокеанского региона предполагает активное вовлечение уже существующих диалоговых площадок по вопросам безопасности. Это, прежде всего, Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН (АРФ) и Сопровождение министров обороны АСЕАН+8 (АСЕАН СМО+8) [13]. Ещё одним принципиальным моментом «видения АСЕАН» служит отсутствие противопоставления Азиатско-Тихоокеанского региона Индо-Тихоокеанскому. Основные достижения и стратегические планы АСЕАН напрямую связаны с развитием основных геоэкономических и геостратегических процессов в АТР. Поэтому использование в официальных документах и заявлениях термина «Индо-Тихоокеанский регион» вместо привычного «Азиатско-Тихоокеанский регион» едва ли встретит поддержку в правящих кругах Ассоциации.

Таким образом, попытка АСЕАН предложить свою модель развития региональных процессов представляется обоснованной и своевременной. Однако на данный момент остаётся под вопросом, в какой степени асеаноцентричная концепция ИТР сможет заинтересовать своих региональных партнёров, и будут ли США и другие участники *Quad* координировать свои стратегические планы с учётом видения АСЕАН. Так или иначе, на сегодняшний день полноценный формат ИТР (с участием Индии), грозящий попыткой вытеснения Китая из региона, еще не состоялся.

Во-вторых, важнейшим внешнеполитическим атрибутом администрации Трампа служит развязывание торговой войны, которую стоит рассматривать не как способ защиты американского рынка, а как инструмент комплексного сдерживания Китая, порождающий своего рода феномен «наступательного протекционизма» (*offensive protectionism*).

Несмотря на подписание соглашения о перемирии в рамках «первой фазы», есть все основания полагать, что в будущем, даже с учетом ухода смены администрации в США, китайско-американский конфликт будет играть роль модели для торговых и экономических войн будущего, поскольку дает возможность двум экономическим сверхдержавам опробовать максимально широкий набор средств «нападения», избегая при этом прямого военного столкновения.

Необходимо отметить, что в настоящий момент как среди стран АСЕАН, так и мирового экспертного сообщества отсутствует консенсус относительно восприятия влияния торговых войн, в которых участвуют США, на долгосрочное развитие Ассоциации. По мнению одних экспертов, страны АСЕАН, прежде всего, Вьетнам, Сингапур, Малайзия и Индонезия, могут стать главными выгодополучателями от торговой войны в результате перераспределения торговых потоков. Особенно это касается экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью в Китай, в первую очередь, электроники. Другие специалисты отмечают, что в результате торговой войны между США и Китаем произойдет замедление экономического развития обеих стран, что приведет к сокращению торговли со странами АСЕАН и инвестиционных потоков в государства Юго-Восточной Азии [14].

Несмотря на разницу во взглядах, на уровне объединения АСЕАН позиционирует рост глобального протекционизма и антиглобализма как ключевые факторы неопределенности в мировой экономике и вызов многосторонней торговой системе. Данные утверждения находят отражение в совместных заявлениях, принятых по итогам 34-го и 35-го Саммитов АСЕАН в 2019 г. [15]. На данный момент в силу относительной молодости феномена торговой войны между США и Китаем говорить о конкретных стратегических направлениях АСЕАН по борьбе с протекционизмом преждевременно. Тем не менее, уже сейчас можно отметить некоторые контуры политики АСЕАН в этой области.

Во-первых, осознавая свою стратегическую уязвимость перед мерами «нового протекционизма», Ассоциация стремится углубить имеющиеся институциональные механизмы. Прежде всего, речь идет об активизации работы созданного в 2015 г. Экономического сообщества АСЕАН за счет снижения нетарифных и тарифных ограничений внутри объединения. Кроме того, страны АСЕАН неоднократно заявляли о необходимости укрепления многостороннего механизма урегулирования торговых споров, будучи приверженцами системы ВТО.

Во-вторых, еще до начала торговой войны между США и Китаем целью АСЕАН, провозглашенной в «Дорожной карте Экономического сообщества АСЕАН» в 2015 г., было превращение Юго-Восточной Азии в самодостаточный, инклюзивный регион путем активизации взаимной торговли между государствами-членами [16]. С учетом текущего положения дел ценность внутрирегиональной торговли и опоры на собственные силы возрастает.

В-третьих, коллективным ответом АСЕАН на санкции является отказ от односторонних ограничительных мер и полная приверженность идеям свободной торговли и многосторонней торговой системе. В настоящее время участники объединения рассматривают проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) как наиболее эффективный инструмент продвижения принципов свободной торговли и борьбы с глобальным протекционизмом и антиглобализмом. Наконец, традиционной мерой любого интеграционного объединения в условиях неопределенности на мировой арене служит расширение партнерских связей с отдельными странами.

В этом отношении обращает на себя внимание активизация взаимодействия между АСЕАН и МЕРКОСУР¹ и ЕС, заключение в 2018 г. Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом АСЕАН и Евразийской экономической комиссией, а также ратификация в 2019 г. ЗСТ между Ассоциацией и Гонконгом, ставшее 6-м двусторонним преференциальным соглашением «десятки» с зарубежным партнером (на данный момент у АСЕАН имеются двусторонние ЗСТ с Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией и ЗСТ Австралия/Новая Зеландия).

Вне всяких сомнений, в обозримом будущем противостояние между США и Китаем в формате торговой войны останется одним из ключевых факторов неопределенности на мировой арене, что подтолкнет АСЕАН к реализации проактивной внешнеэкономической и внешнеполитической повестки.

Таким образом, на протяжении последних 20 лет обострение соперничества между Вашингтоном и Пекином по ряду стратегических вопросов остается наиболее важным системным фактором, задающим динамику развития внешнеполитических стратегий АСЕАН. Обращает на себя внимание регулярное расширение направлений и инструментов великодержавного соперничества - от активизации обеих сторон в Южно-Китайском море до запуска принципиально новых форматов экономического регионализма (ИТР) и развязывания торговой войны, которая ставит Ассоциацию в уязвимое положение и создает запрос на выработку новых механизмов реагирования.

При этом факторы разрушительного воздействия на АСЕАН одновременно могут благотворно влиять на экономику отдельных государств «де-

сятки», и напротив, катализаторы интеграционных процессов способны противоречить национальным интересам стран-членов Ассоциации. Так, рост глобального протекционизма, являясь вызовом или угрозой для отдельных стран «десятки», вместе с тем, может стимулировать совершенствование интеграционной модели всего объединения. Например, увеличить заинтересованность участников интеграции во внедрении механизмов устойчивости АСЕАН как способа сглаживания негативных эффектов протекционизма, активизировать промышленную и научно-технологическую кооперацию на уровне объединения в области программ импортозамещения, последовательно бороться с торговыми барьерами для увеличения внутрирегиональной торговли и создания собственных цепочек добавленной стоимости.

Находясь в ситуации давления со стороны двух ведущих мировых держав, АСЕАН все же сохраняет высокую долю автономности и является весьма успешным примером организации политико-экономического регионального сотрудничества. Так, согласно исследованию *McKinsey*, в случае устранения торговых барьеров и ограничений, до 2030 г. страны «десятки» смогут ежегодно генерировать дополнительно от \$280 млрд до \$625 млрд ВВП [17].

В этих условиях жизненно важным направлением объединения становится выработка коллективных подходов к минимизации негативных последствий, возникающих в результате роста непредсказуемости и неопределенности на мировой арене, и одновременно использование открывающихся в результате роста конкуренции между США и Китаем возможностей для продвижения собственных интересов. Исходя из этого, с высокой долей вероятности можно предположить, что в перспективе 5-10 лет АСЕАН будет придерживаться двух ключевых стратегий:

1) институциональное связывание. Переход отношений между Вашингтоном и Пекином в фазу неконтролируемой конфронтации представляет собой серьезный вызов долгосрочному развитию Ассоциации. В этой связи одним из важнейших направлений АСЕАН станет активизация мер по вовлечению США и Китая в асеаноцентричные институты безопасности с целью предоставления дополнительной площадки и формирования условий для двусторонних переговоров великих держав по широкому кругу вопросов, включая торговые противоречия.

¹ МЕРКОСУР (исп. Mercado Comu'n del Cono Sur - MERCOSUR) - общий рынок стран Южной Америки, субрегиональный торгово-экономический союз, в который входят Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай. Ассоциированные члены - Чили, Колумбия, Эквадор, Перу, Гайана и Суринам (*прим. ред.*).

2) мягкое балансирование. В условиях возрождения «стратегической фривольности» важнейшей превентивной мерой Ассоциации станет «мягкое балансирование», т.е. укрепление сотрудничества в сфере обороны и безопасности с США и Китаем, а также рядом других крупных игроков (Япония, Индия, Австралия, Россия) путем закупки вооружений, сотрудничества в подготовке военных кадров и активизации диалога между военными ведомствами. Экономическая составляю-

щая «мягкого балансирования» предусматривает укрепление механизмов интеграции внутри Ассоциации, прежде всего, Экономического сообщества АСЕАН, а также обновление существующей сети преференциальных и непреференциальных торгово-экономических соглашений с зарубежными партнерами для хеджирования потенциальных рисков на случай дальнейшего распространения протекционистских мер со стороны крупных партнеров.

Список литературы / References

1. Канаев Е.А. Взаимодействие США с АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря. Россия и АТР. *Международные отношения*. 2018. ? 2, с. 106-112. (Kanaev E.A. 2018. US engagement with ASEAN on the issue of the South China Sea. Russia and Asian-Pacific area. *International Affairs*. № 2) (In Russ.)
2. АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы. Институт Дальнего Востока РАН. М., Форум, 2010. 368 с. (2020. ASEAN at the beginning of the XXI century: Actual problems and prospects. M.) (In Russ.)
3. Дисбалансы транстихоокеанского пространства. М., Магистр, 2014. с. 74. (2014. Trans-Pacific Imbalances. M.) (In Russ.)
4. Sharpe S. An ASEAN way to security cooperation in Southeast Asia? *The Pacific Review*. 2003. V. 16. № 2, pp. 231-250.
5. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сборник научных трудов. М., 2014. Вып. 1. 193 с. (2014. US Policy in the Asian-Pacific area. *Collection of scientific papers*. Issue 1. M.) (In Russ.)
6. Канаев Е.А., Королев А.С. Проблемы Южно-Китайского моря в китайско-американских отношениях. Запад - Восток - Россия. Ежегодник. М., ИМЭМО РАН, 2016, с. 159. (Kanaev E.A., Korolev A.S. 2016. Problems of the South China Sea in Sino-US relations. West - East - Russia. Yearbook. M.) (In Russ.)
7. Цветов А.П., Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Россия и Вьетнам в новой Азии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2019. (Tsvetov A.P., Kashin V.B., Korolev A.S., Pyatachkova A.S. 2019. Russia and Vietnam in the new Asia. Report of the Valdai International Discussion Club) (In Russ.). <https://ru.valdaiclub.com/files/25383/> (accessed 19.01.2020)
8. S.2736 - Asia Reassurance Initiative Act of 2018. 115th Congress (2017-2018). <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736> (accessed 19.01.2020)
9. Indo-Pacific Strategy Report. U.S. Department of Defense, June 1, 2019. https://media.defense.gov/2019/May/31/2002139210/-1/-1/1/DOD_INDO_PACIFIC_STRATEGY_REPORT_JUNE_2019.PDF (accessed 09.02.2020)
10. India-Vietnam Joint Statement during State visit of President of Vietnam to India. Ministry of External Affairs, Government of India, March 03, 2018. <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29535/IndiaVietnam+Joint+Statement+during+State+visit+of+President+of+Vietnam+to+India+March+03+2018> (accessed 19.01.2020)
11. Southeast Asian Perceptions of the Quadrilateral Security Dialogue. Australian Strategic Policy Institute, October 2018. <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2018-10/SR%20130%20Quadrilateral%20security%20dialogue.pdf> (accessed 19.01.2020)
12. Королев А. Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 03.07.2019. (Korolev A. 2019. Indo-Pacific Region: ASEAN Perspective. International Discussion Club Valdai) (In Russ.). <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskiy-region-tochka-zreniya-asean/> (accessed 19.09.2019)
13. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed 19.09.2019)
14. Королев А.С. Помощь Китая Юго-Восточной Азии. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XX. 2017. (Korolev A.S. 2017. China Southeast Asia Help. Southeast Asia: current development challenges) (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/pomosch-kitaya-yuva-osnovnye-napravleniya-i-osobennost/viewer> (accessed 19.09.2019)
15. 34th ASEAN Summits and Related Meetings. <https://asean.org/?flickr=34th-asean-summits-related-meetings> (accessed 19.09.2019)
16. ASEAN Economic Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, November 2015. https://www.asean.org/storage/2016/03/AECBP_2025r_FINAL.pdf (accessed 19.09.2019)
17. Mahubani K., Thompson F. Unlocking ASEAN's potential. Project Syndicate. 19.12.2014. <https://www.project-syndicate.org/commentary/southeast-asia-economic-open-market-by-kishore-mahubani-and-fraser-thompson-2014-12?barrier=accessreg> (accessed 17.02.2020)

СУДЬБЫ КНЯЖЕСКИХ ДИНАСТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

© 2020 А. САФРОНОВА

САФРОНОВА Александра Львовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (al-safr@yandex.ru)

Резюме. Статья, основываясь на индийском опыте, поднимает проблему традиционных привилегированных сообществ в современных государствах афро-азиатского мира. Рассматриваются пути встраивания потомков княжеских династий в структуру Республики Индия, где отменены княжеские привилегии. Анализируется отношение ведущих политических партий Индии (Индийского национального конгресса, Бхаратия джаната парти и др.) к новым ролям княжеских династий в стране.

Ключевые слова: Британская Индия, Республика Индия, княжества, интеграция княжеств, княжеские династии, традиционные элиты

THE HERITAGE OF PRINCELY STATES IN THE REPUBLIC OF INDIA

Alexandra L. SAFRONOVA, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (al-safr@yandex.ru)

Abstract. The article raises the problem of the development of traditional elite groups existing in the transitional societies, and is focused on the problems of defining the ways of the development of former Princely states (or Native states) after their integration into newly created independent Indian state, revealing the reaction of princely community to republican political system versus the ideals of monarchy, as well as traditional religious values versus secularist conceptions of ruling in the first decades since independence Indian National Congress.

The author traces the destinies of princely dynasties in contemporary India through the struggle of main political forces and the rise of the influence of Bharatiya Janata Party now in power. The article dwells on the problems of incorporation of representatives of princely dynasties into modern Indian society, its political party system and parliamentary traditions. The article shows the way in which traditional elites of South Asia managed to become a part of modernizing composite ruling stratum, though traditional social and political values prevail in the minds of the common population of the former territories of Princely states.

The process of transformation of the attitude of Indian ruling circles to traditional elites of South Asia is revealed in the article through the analysis of reorganization of administrative system of India, reflected in the Constitution of the Republic of India. The article raises the question whether the princely dynasties of India can be estimated as a part of the existing legitimate political party system or they defend their interests through specially established organizations and strive to form counter-elites in Indian society.

Keywords: British India, India, Indian princely states, princely dynasties, integration of princely states, traditional elites

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛИТЫ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

Судьбы традиционных элит стран Востока привлекают к себе внимание как современных исследователей, так и политиков государств афро-азиатского региона. Для Республики Индия эта тема представляет особый интерес, ведь в ходе процесса деколонизации середины XX в. в ее состав было интегрировано абсолютное большинство княжеств Индостана из общего числа около 600 (небольшое количество вошло в Пакистан). Индийские княжества занимали 45% южноазиатского субконтинента, а население княжеств приближалось в момент интеграции к 100 млн. Этот огромный территориальный массив с весомым человеческим ресурсом, приверженным традиционалистским монархическим ценностям и отличающимся архаичной экономикой, подлежал встраиванию в структуру бурно модернизирующегося, идущего по пути демократических реформ общества, вставшего на путь независимого развития.

Индийские политики, общественные деятели, ученые обсуждают проблемы сохранения тради-

ционных элит Индии и форм их бытования в условиях модернизации, проблемы преемственности исторически привилегированных страт, соотношения их с современными социальными и сословно-кастовыми общностями. Вслед за знаменитым исследователем мировых элит и создателем «теории элит» и концепции «циркуляции элит» Вильфредо Парето с его афористичным высказыванием «История - кладбище аристократий», они задаются рядом фундаментальных вопросов применительно к индийским реалиям. Важнейший из них: являются ли исторически сформировавшиеся привилегированные общности в Индии реликтовыми группами, «социальными фантомами»? Превратились ли они в т.н. «контрэлиты» или же успешно вписались в современную структуру индийского общества, став составной частью его «композитной элиты»? [1, с. 5-10; 2, с. 192-197]

События 1947 г. в жизни индийского общества оставили противоречивый след. Это было и судьбоносное освобождение от колониальной зависимости, и раздел Британской Индии по конфессиональному принципу, приравниваемый в индий-

ской историографии к величайшей трагедии Новейшего времени для субконтинента, и процесс интеграции княжеств, привнесший в структуру индийского общества традиционалистскую ментальную программу привилегированных княжеских верхов и простого населения «княжеской Индии». Страна вступила в новый период: на месте колонии Британская Индия в ночь с 14 на 15 августа возникли два самоуправляющихся доминиона - Индийский Союз и Пакистан.

В то время как 14 и 15 августа 1947 г. были днями обретения независимости для Индии и Пакистана, они стали днями потери независимости для княжеств: согласно «Закону о независимости Индии», князья обязаны были присоединиться к одному из двух доминионов. Княжества, как самостоятельные образования, перестали существовать. Британская сторона сняла с себя какие-либо обязательства в отношении княжеств и препоручила лидерам ведущих политических партий Британской Индии, а затем Индии и Пакистана - Индийского национального конгресса (ИНК) и Мусульманской лиги (МЛ) - дальнейшие переговоры с князьями об их интеграции с возникшими доминионами.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ КНЯЖЕСТВ В ИНДИЙСКИЙ СОЮЗ

Система управления «княжеской Индией», окончательно сформировавшаяся во времена королевы Виктории в последней четверти XIX в., «канула в Лету» в процессе обретения Британской Индией независимости в 1947 г., а также последовавшей интеграции княжеств в доминионы Индийский Союз и Пакистан.

Наиболее крупные и значимые княжества - Джамму и Кашмир, Хайдарабад, Майсур, Барода, Гвалиор/Гвалияр - были отдельными самостоятельными единицами, управлялись своими князьями, которые непосредственно подчинялись вице-королю. Агентства - объединения княжеств - находились под управлением агентов или резидентов Политического департамента при генерал-губернаторе (вице-короле) и включали агентства княжеств Центральной Индии, Раджпутаны, Бенгалии, Мадраса, Бомбея, Панджаба и некоторые другие. Среди этих княжеств выделяются такие, как Индор/Индаур, Бхопал, Джайпур, Джодхпур, Удайпур, Патиала, Набха, Капуртхала. Мелкие княжества входили в состав ряда провинций Британской Индии и находились под контролем провинциальных агентов [3, с. 351-352].

Властные структуры в княжествах имели свою специфику, связанную с развитием концепций традиционных форм государственной власти, освященных религиозными институтами - инду-

скими, мусульманскими, сикхскими - в зависимости от вероисповедания князя и его двора. Во всех этих моделях государственного устройства верховная власть была неотделима от религии, призванной легитимизировать властные структуры. В индусских княжествах правители считались представителями божеств, которым подданные поклонялись (князья вели свой род от Рамы и относили себя к легендарным Солнечной или Лунной династиям).

Развитие мусульманских княжеств требовало создания политической теории, основанной на принципах ислама и одновременно учитывавшей тот факт, что большинство населения составляли индусы, для которых правитель-мусульманин выступал как носитель верховной власти и, по традиции, защитник своих подданных. В рамках же Британской империи индийские князья строили свои отношения с британским монархом по законам монархии-метрополии. Во всей Индии были известны такие княжеские династии, как Синдия/Шинде (Гвалиор), Гаеквад (Барода), Холкар (Индор), Сисодия (Мевар), Вадияр/Одеяр (Майсур), Асаф Джах (Хайдарабад) и др. [4, р. 141].

Существовавшие в княжествах традиционалистские представления о роли религии в государстве отличались от светских демократических идеалов власти, присущих Индийскому национальному конгрессу (ИНК, Конгресс), и от идеи демократической государственности, опиравшейся на представителей религии большинства, как у Мусульманской лиги (МЛ). Согласно «Закону о независимости Индии» княжествам предстояло вступление либо в Индию, строящую свою политику на секулярных основах, либо в Пакистан, задуманный как государство для мусульман Южной Азии, - т.е. в страны с различно складывавшимися политическими системами, однако основанными на демократических устоях.

Князья считали, что их, рожденных властвовать по воле богов, нельзя лишить полномочий. Они не ожидали, что их заставят отступить от трона и растворят их владения под эгидой политических лидеров - с точки зрения князей, простых смертных, не обладавших высшим божественным правом вершить судьбы людей.

Преимущество и традиционализм как доминирующие тенденции во внутреннем развитии княжеств столкнулись с бурным переустройством индийского общества, стоящего на пороге кардинальных перемен. Было ясно, что интеграция положит конец автономии князей, а вместе с этим - их привилегиям и роскошному образу жизни. Идея свараджа (самоуправления), владевшая умами националистов в Британской Индии, трактовалась в княжествах как потеря их уникального статуса и попадание под «диктат Конгресса». Мо-

нархические идеалы государственного правления князей, чья власть основывалась на религиозных традициях индуизма, ислама или сикхизма, шли вразрез с демократическими устремлениями лидеров ИНК и других политических организаций на территории Британской Индии. Основной стратегией князей была разработка превентивных мер против распространения деятельности филиалов Конгресса и других партий на территории княжеств как организаций, несущих в себе тенденции - антиколониальную, антимонархическую, светскую, неприемлемые для устоявшегося внутреннего устройства княжеств.

Между тем, в княжествах сформировались в 1930-е гг. силы, поддержавшие демократические идеалы националистов из ИНК. Стали создаваться политические организации, близкие к Конгрессу: Национальный конгресс Майсура, Национальный конгресс Траванкура, Национальный конгресс Хайдарабада и др. Всего на территориях княжеств было образовано свыше 60 подобных организаций. Под эгидой Конгресса в 1939 г. была учреждена Всеиндийская конференция народов княжеств (ВКНК), на которой один из лидеров ИНК, Джавахарлал Неру был избран ее председателем. В ответ в 1940 г. МЛ учредила Всеиндийскую мусульманскую лигу княжеств (ВМЛК) для защиты интересов исламской общины в княжеской Индии. Все эти организации сыграли свою роль в процессе интеграции княжеств с доминионами [5, с. 304-305].

После завоевания независимости в 1947 г. правители княжеств позиционировались национальным правительством как противники деколонизации и прогрессивных реформ в индийском обществе. Наиболее драматична судьба того поколения княжеских династий, на долю которых выпал начальный период национального строительства. В первые десятилетия постколониального развития на фоне роста идей секулярной государственности в общественном сознании было сформировано негативное отношение к князьям как носителям религиозного обскурантизма и антагонистам модернизации.

Тон был задан работами политических лидеров независимой Индии премьер-министра Джавахарлала Неру [6, с. 37-47], президента Р.Прасада [7, с. 402-408], министра внутренних дел В.Пателя [8, pp. 90-94] и др. Патель остался в истории, прежде всего, как интегратор княжеств в индийскую федерацию («индийский Бисмарк») и ниспровергатель монархической системы правления. Установился штамп, редко ставившийся под сомнение, о том, что «княжества были обречены самим историческим процессом» [6, с. 38]. Несмотря на более компромиссную позицию Махатмы Ганди в отношении князей [9], общий настрой от-

цов независимой индийской государственности определялся идеями ниспровержения княжеского статуса и уничижительным отношением к традиционалистским устоям княжеской придворной жизни.

Однако индийская государственность, основанная на принципах вестминстерского парламентаризма и секуляризма, впитала в себя, вместе с тем, черты, свойственные индийской традиционной политической культуре, придавшей оригинальность и неповторимый колорит современной индийской демократической системе [10, с. 48-49].

«КНЯЖЕСКИЙ ФАКТОР» В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

Изучение общественных умонастроений и политической модели поведения значительной части населения, проживающего на территории бывших княжеств и сохраняющих в наибольшей степени склонность к традиционалистским ценностям, безусловно, представляет интерес в плане оценки перспектив развития индийской демократии и определения ее своеобразия.

В период с 1947 по 1949 гг. княжества, присоединявшиеся к Индии, интегрировались разными путями. Одни княжества вошли в состав Индии как административные единицы, управляемые непосредственно из центра, либо в старых административных границах, либо объединенных в союзы княжеств. Другие образовали федеральные единицы - союзы княжеств или отдельные федеральные провинции в старых границах. Третьи объединились с соседними провинциями, образовав там отдельные округа. В новых провинциях, представлявших собой союзы княжеств или отдельные княжества, были проведены выборы в законодательные органы и созданы правительства [11].

Процесс интеграции княжеств, таким образом, был связан не только с непосредственным присоединением их территорий к Индийскому Союзу, но и с принципиальным преобразованием системы управления: на смену традиционному династийному княжескому правлению приходили демократические институты власти. Интеграция не только перекроила границы между княжествами и внутри них, но и изменила представления о государственном устройстве у населения княжеств. Не случайно многие индийские историки приравнивают ее к «революции» [12; 13].

Процесс интеграции княжеств с доминионом в целом ряде регионов был затруднен и встретил сопротивление, вплоть до вооруженного. Наиболее сложная ситуация - в княжествах Хайдарабад, Джунагадх и Джамму и Кашмир [5, с. 326-342; 13, pp. 90-104]. Введение индийских войск в течение года решило проблему присоединения первого и второго, положение на территории третьего ос-

тается нерешенным по сей день. «Кашмирская проблема» стала причиной нескольких войн и многочисленных пограничных столкновений между Индией и Пакистаном. Она - «камень преткновения», «яблоко раздора» в индийско-пакистанских отношениях, осложняет геополитическую обстановку в южноазиатском регионе.

Не менее важным с точки зрения внутреннего развития Индии стал вопрос: растворились ли территории бывших княжеств в новых административных единицах, или прежние границы сохранились «в умах» людей, продолжающих жить по прежним привычным стереотипам? Специфика ментальной программы традиционных сообществ на территориях бывших княжеств оказалась устойчивой и во многом сохранилась вплоть до сегодняшнего дня.

26 января 1950 г. Индия обрела республиканский статус. По Конституции 1950 г. в стране создавалось 3 группы штатов с различным правовым статусом:

- группа «А» - бывшие провинции Британской Индии;

- группа «В» - бывшие княжества и союзы княжеств (Джамму и Кашмир, Хайдарабад, Майсур, Траванкур-Кочин, Пенсу (*Patiala and East Punjab States Union*), Мадхья-Бхарат, Саураштра, Раджастан, Виндхья-Прадеш и др.);

- группа «С» - бывшие главнокомиссарские провинции, т.е. провинции, не имевшие самоуправления. Абсолютное большинство княжеств попало в группу «В», в рамках которой многие князья получали должности губернаторов провинций - *раджпрамукхов* [3, с. 439].

Потребности осуществления программ национального развития выдвигали на повестку дня вопрос о реорганизации административно-политической структуры, сложившейся в колониальный период, и не отражавшей новой системы связей регионов. Процесс воплощения в жизнь этнолингвистического построения административно-политической системы в Индии, начавшийся в середине 1950-х гг., растянулся на десятилетия и продолжается по сей день.

В 1956 г. после проведения административной реформы, самой крупномасштабной в истории независимой Индии, должности *раджпрамукхов* были упразднены. Проведение в стране административной реформы на этнолингвистической основе приводило к разрушению прежних границ княжеств, к «растаскиванию» их по разным штатам. Например, княжество Хайдарабад оказалось разделенным на несколько штатов - Карнатака, Махараштра, Андхра-Прадеш, а впоследствии и Телангана. Это объективно способствовало постепенному лишению князей их властных полномочий не только де-юре, но и де-факто. Однако от-

дельные князья сохранили за собой места в законодательных ассамблеях штатов, участвуя в electoralном процессе.

Новый виток борьбы за перекраивание границ штатов и выделение самостоятельных административных единиц из территорий, узаконенных ныне действующей Конституцией 1950 г., начался со вступлением Индии в XXI столетие. В современной Индии о своих претензиях на статус штата заявляют всё больше регионов и исторических областей. Если перекраивание внутренних границ, начиная с 1956 г., было связано с этнолингвистическими факторами, то нынешнее стремление к штатообразованию в Индии вызвано экономическими причинами, порожденными реформами 1991 г., нацеленными на децентрализацию и либерализацию экономики страны.

Однако в этом процессе просматривается и стремление потомков княжеских родов воссоздать на карте современной Индии некогда принадлежавшие их родам территории, на которых они сохраняют свое влияние де-факто, несмотря на формальную ликвидацию княжеств в период 1947-1949 гг. [4, р. 271]. Представители княжеских династий в большей степени склонны к участию в общественно-политической деятельности на региональном уровне, распространяющемся в масштабах их прежних владений, нежели к подключению к политике в общеиндийском масштабе.

«КНЯЗЬЯ БЕЗ КНЯЖЕСТВ»

Диспропорциональное социально-экономическое развитие, многоукладность индийской экономики, различия в административно-политической системе отдельных частей Британской Индии и княжеств имели следствием разновременность подключения к политическому процессу групп населения, соотносившихся с различными стадиями развития как капиталистических, так и докапиталистических структур.

Политическая активность была наиболее характерна для территорий провинций, в то время как в глубинных районах Индостана, Раджпутаны, части Ориссы, находившихся под княжеской юрисдикцией, процесс становления партийной системы был надолго задержан и обособлен от основных центров жизнедеятельности национальных сил.

Демократические движения в княжествах были слабы, а реформы, проводившиеся в ряде княжеств (например, в Гвалиоре, Майсуре, Хайдарабаде) в первой половине XX в., были нацелены не на разработку новых форм социально-политической организации, а на приспособление традиционных институтов к требованиям времени и создание системы будущего политического устрой-

ства на принципах конституционных монархий. Обнаружились различия и в социальной сфере: в силу неразвитости промышленности и непрестижности предпринимательской деятельности, в бывших княжествах практически отсутствовал «средний класс», бурно развивавшийся на основной части индийской федерации.

Эволюция государственной политики в отношении князей и реакция на нее общества явились отражением этапов развития индийской демократии и политики партий, находившихся у власти. Первоначально князьям были установлены пенсии в размерах, пропорциональных их прежним доходам. Однако лидеры ИНК, бессменно находившегося у власти с 1947 по 1977 гг., постепенно вели наступление на привилегии князей. В 1971 г. в период пребывания у власти правительства во главе с Индирой Ганди 26-й поправкой к Конституции были отменены пенсии - т.н. «privy purses», а князья объявлены обычными гражданами Индии.

Не все князья сумели вписаться в реалии новой жизни и найти в ней свое место. Некоторые из них покинули Индию, эмигрировав в Европу, США, и даже Австралию, как, например, потомки низама Хайдарабада, мечтавшего создать независимое государство Османистан на Декане. Наваб Джунагадха, боровшийся за присоединение своего княжества к Пакистану, после интеграции его в Индию переселился в Пакистан. Однако эмиграция не стала магистральной линией в судьбах князей и их потомков: многие князья стали участвовать в политической и общественной жизни Республики Индия [14].

Лишение князей сословных привилегий де-юре не означало такового де-факто, они сохранили свой авторитет среди бывших подданных, которые по-прежнему чтят высокородных потомков князей и считают их «неправительственной властью» на местах: обращаются к ним за материальной помощью и для разрешения конфликтных ситуаций. Немаловажную роль в отношении населения к князьям играет кастовый фактор: индусские княжеские династии, как правило, принадлежат к родам, имеющим высокое кшатрийское происхождение, а кшатрии традиционно считались в индийской традиции доблестными воинами и благородными правителями - защитниками подданных.

Политические пристрастия махараджей после завоевания Индией независимости складывались по-разному. Палата князей, представительный орган, объединявший князей в период британского правления (создан в 1921 г.) и возглавлявшийся в разные годы князьями Биканера, Патиалы, Наванагара и Бхопала, был расформирован после предоставления независимости. Единой политической организации князей после 1947 г. не воз-

никало: низложенные князья и их потомки пополнили собой либо существовавшие уже на тот момент партии, либо присоединялись к вновь образующимся политическим организациям.

Большинство их противостояло Индийскому национальному конгрессу (ИНК) из-за его первоначально нигилистической позиции в отношении участия князей в политике и поддерживало такие оппозиционные Конгрессу политические партии, как *Джана сангх* (Народный союз) и *Сватантра* (Свобода) в 1950-1960-е гг., антиконгрессистский *Джаната фронт* (Народный фронт) в 1970-е гг., позднее *Бхаратия джаната парти* (Индийская народная партия, БДП). Однако, начиная с 1980-х гг., некоторые князья становились конгрессистами и участвовали в деятельности конгрессистских правительств во главе с Дж.Неру (1947-1964 гг.), Индирой Ганди (1967-1977, 1980-1984 гг.), Радживом Ганди (1984-1989 гг.), а позднее и правительства коалиционного блока Объединенный прогрессивный альянс (ОПА), созданного Конгрессом, во главе с Манмоханом Сингхом (2004-2014 гг.) [4, pp. 272-280].

Особую активность в сфере политики проявили княжеские династии Патиалы, Капуртхалы, Биканера, Гвалиора, Джайпура, Удайпура, Джодхпура, Дхамму и Кашмира. Заметно участие князей не только на уровне общеиндийских политических партий и общенациональной политики, но и в деятельности штатов и исторических областей с высоким уровнем сосредоточения княжеств. Особо выделяются в этой связи территории Раджастан, полуострова Катхьявар, Панджаб, Химачал-Прадеш. Здесь в наибольшей степени сохраняются традиции «княжеской Индии», авторитет потомков княжеских родов, участвующих в общественной и политической жизни «своих регионов» [15, pp. 12-13].

Некоторые бывшие махараджи и их потомки, хорошо знакомые с этикетом и протокольными церемониями, направлялись на дипломатическую работу, как правило, в должности послов или в качестве представителей Индии в международных организациях, таких как ООН и, особенно, Содружество наций. Другие занимались предпринимательской деятельностью или туристическим бизнесом, а также музейным делом, переделывая свои дворцы в роскошные отели и музеи. Многие потомки княжеских родов занимаются благотворительной деятельностью на территориях своих бывших княжеств, строят начальные школы, больницы, приюты и т.п.

В первые десятилетия независимого развития индийской республики между территориями бывших провинций Британской Индии и княжеств существовали огромные политические, экономические и культурные различия, а князья в ряде мест отказывались подчиняться законам

центральной власти. Однако за годы развития в рамках единого демократического государства диспропорции стерлись, а оставшиеся в Индии представители княжеских семей нашли в ней свою нишу.

Бывшие князья не представляют сплоченной силы, имеющей общие интересы. Они не объединены в отдельные политические партии и выражают свои позиции через участие в той или иной общеиндийской политической организации или торгово-предпринимательском объединении. Иными словами, налицо тенденция к интеграции княжеских родов в индийскую политическую элиту, носящую композитный характер, а не формирование альтернативных, оппозиционных структур, называемых в политологии «контрэлитами». Князья вписались и в государственные бюрократические структуры, и в бизнес-сообщество Индии.

Интересно отметить, что в периоды пребывания у власти коалиционного объединения Национальный демократический альянс (НДА) во главе с БДП, выступавшей за индусские ценности в 1998-2004 гг. (правительство во главе с А.Б.Ваджапайи) и с 2014 г. по настоящее время (правительство во главе с Нарендрой Модой), увеличился приток в политику представителей индусских княжеских династий, особенно из штата Раджастан, принадлежащих к легендарным раджпутским династиям.

* * *

На рубеже XX-XXI вв. в эпоху глобализации в индийском обществе меняется отношение к традиционным элитам, которые на начальных этапах независимого развития рассматривались правительственными структурами и общественностью как тормоз на пути демократизации [16; 17; 18]. Представители княжеских династий оказались востребованными национальными силами как защита от вызовов глобализации с ее унификацией традиций духовной и материальной культуры отдельных народов и усредняющим космополитизмом. Княжеские традиции стали трактоваться как национальные обычаи Индии. Туристические маршруты по столицам бывших княжеств стали модным «брендом» в индустрии путешествий. Книжные магазины наполнились мемуарами князей и их потомков [19; 20; 21], красочными альбомами со старинными дагеротипами конца XIX - начала XX вв. и фотографиями из жизни современных княжеских родов [22], частым явлением стала публикация документов из княжеских архивов [23], издание сборников статей по княжеской тематике [24].

В поисках «национальной идеи» происходит обращение современных индийских политиков к традиционным ценностям. К их числу относится духовное и материальное наследие индийских княжеств, которое начинает восприниматься как общегосударственное историко-культурное «достояние республики».

Список литературы / References

1. Элиты стран Востока. М., 2011, 340 с. (Elites in Eastern Countries. 2011. M.) (In Russ.)
2. Ланда Р.Г. Социология современного Востока. М., 2008, 414 с. (Landa R.G. Sociology of the Modern East. 2008. M.) (In Russ.)
3. Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М., 2018, 542 с. (Alayev L.B., Vigin A.A., Safronova A.L. 2018. A History of India. M.) (In Russ.)
4. Ramusack B. The Indian Princes and their States. Cambridge, 2004, 309 p.
5. Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии в 1947 г. М., 2012, 391 с. (Chereshneva L.A. 2012. Rainbow over Red Fort: Partition of Colonial India in 1947. M.) (In Russ.)
6. Неру Дж. Открытие Индии. Кн. 1. М., 1989, 460 с. (Nehru J. 1989. The Discovery of India. M.) (In Russ.)
7. Прасад Р. Автобиография. М., 1961, 623 с. (Prasad R. 1961. Autobiography. M.) (In Russ.)
8. Krishna B. India's Bismarck. Sardar Vallabhbhai Patel. Mumbai, 2007, 275 pp.
9. Gandhi M.K. To the Princes and Their People, Karachi, 1942, 32 pp.
10. Купенков А.А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика. М., Восток, 2001, № 4, с. 48-66. (Kutsenkov A.A. 2001. India: Traditional Socio-Cultural Complex and Politics. Oriens. № 4) (In Russ.)
11. Dwiwedi S. The Maharaja and the Princely States of India. N. Delhi, 2000, 315 pp.
12. Allen C., Dwiwedi S. Lives of the Indian Princes. Lnd., 1984, 301 p.
13. Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. India Since Independence. N. Delhi, 2008, 771 p.
14. Zubrzycki J. The Last Nizam. The Rise and Fall of the India's Greatest Princely State. Delhi, 2007, 382 p.
15. Copland J. The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917-1947. Cambridge, 2002, 302 p.
16. Collins L., Lapierre D. Freedom at Midnight. N.-Y., 1975, 572 p.
17. Menon V.P. Integration of the Indian States. Madras, 1985, 342 p.
18. Phadnis U. Towards the Integration of the Indian States. 1919-1947. Bombay. 1968, 299 p.
19. Gayatri Devi. A Princess Remembers: The Memoirs of the Maharani of Jaipur. Lnd., 1984, 408 p.
20. Karan Singh. Heir Apparent: An Autobiography. Delhi, 1992, 343 p.
21. Vijayaraje Scindia. Princess: An Autobiography of the Maharani of Gwalior. Lnd., 1985, 321 p.
22. Paul J. The Unforgettable Maharajas. N. Delhi, 2003, 276 p.
23. Documents and Speeches of the Indian Princely States. Delhi, 1985, 367 p.
24. India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia. Ed. by B. Pati and W. Ernst. N. Delhi. 2010, 227 p.

Африка и COVID-19

DOI:10.31857/S032150750010447-3

COVID-19 В НИГЕРИИ: ВЫЗОВЫ И ПРОГНОЗЫ

© 2020 Т. ДЕНИСОВА, С. КОСТЕЛЯНЕЦ

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна, к.и.н., вед.н.с., зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН (tsden@hotmail.com)

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович, к.полит.н., вед.н.с., зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН (sergey.kostelyanyets@gmail.com)

Резюме. В конце 2019 - начале 2020 гг. весь мир охватила эпидемия COVID-19. В «африканском гиганте» - Нигерии первый инфицированный появился в феврале, и уже в марте правительство приняло ряд антикризисных мер, позволивших притормозить распространение инфекции. Благодаря опыту, полученному в 2014 г. во время эпидемии лихорадки Эбола, охватившей тогда несколько стран Западной Африки, Нигерия оказалась лучше, чем многие другие африканские государства, подготовленной к эпидемии коронавируса.

Ключевые слова: Нигерия, COVID-19, здравоохранение, экономика, Мухаммаду Бухари

COVID-19 PANDEMIC IN NIGERIA: CHALLENGES AND FORECASTS

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS) (tsden@hotmail.com)

Sergey V. KOSTELANYETS, PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS (sergey.kostelyanyets@gmail.com)

Abstract. In the late 2019 - early 2020, the COVID-19 pandemic spread all over the world, including in Africa. The "Giant of Africa" - Nigeria - registered the first case of infection in February, and in March the government already took a number of anti-crisis measures, including the closure of all airports for international flights and the suspension of the issuance of visas to citizens of many countries. In addition, on March 30, entry into Abuja, Lagos, and another 12 major cities, as well as interstate travel, was severely restricted; all offices and enterprises were closed, except for those of strategic importance; mass events and even walking on the street without a mask and unless in emergency were prohibited. Unlike Arab countries, which tightened measures to combat the pandemic only after the deaths of hundreds of citizens, the Nigerian authorities did not await for the virus to take a foothold. They began to act after the very first death, despite the small total number of infected. As a result, the spread of the COVID-19 in the densely populated country of 200 million people was slower than in South Africa and countries of North Africa. Owing to the experience gained in 2014 during the Ebola epidemic, which at the time affected several countries in West Africa, Nigeria was better than many other African countries prepared for the outbreak of the novel coronavirus.

In early May, despite the continued increase in the number of infected, the government had to ease the regime of self-isolation due to the threat of political destabilization and economic recession, falling incomes of citizens against the backdrop of the frozen economy, rising unemployment and, as a result, growing dissatisfaction with safety measures on the part of Nigerians, whose deplorable financial situation exorcised from their minds the threat the virus.

Keywords: Nigeria, COVID-19, healthcare, economics, Muhammadu Buhari

Коронавирус в Нигерии был обнаружен 27 февраля 2020 г. На 14 июля в стране насчитывалось 33 153 зараженных COVID-19, 744 человека умерли, 13 671 - выздоровели. По числу зараженных Нигерия оказалась на 3-м месте в Африке, после ЮАР (287 796) и Египта (83 001) [1].

Если абстрагироваться от несовершенства нигерийской статистики, в целом, и касающейся эпидемии, в частности, следует признать, что скорость распространения коронавируса в 200-миллионной стране с высокой плотностью населения (более 200 человек на кв. км; для сравнения: в ЮАР - около 50 [2]) не столь уж и велика: скажем, по информации от 6 мая число инфицированных составляло 2950 [3], т.е. за несколько недель этот сравнительно невысокий (по европейским и американским масштабам) показатель вырос менее чем в 2 раза даже по подсчетам Универ-

ситета Джона Хопкинса, который регулярно показывает цифры, превышающие мировые статистические данные.

АНТИКОРОНАВИРУСНЫЕ МЕРЫ

Относительно невысокий на данный момент уровень распространения инфекции в Нигерии можно объяснить: во-первых, тем, что страна пока находится лишь в начале «большого пути» в этом направлении; во-вторых, незначительным, по сравнению с соответствующими показателями для Северной Африки и ЮАР, числом иностранных туристов, ежегодно посещающих страну; и, в-третьих, своевременным введением «карантинных» мер.

23 марта Нигерия закрыла все аэропорты для международных авиарейсов и приостановила вы-

дачу виз гражданам многих стран; 30 марта были резко ограничены въезд в Абуджу, Лагос и еще в 12 крупных городов, а также передвижения между штатами; закрыты все офисы и предприятия, кроме имеющих «стратегическое» значение; запрещены массовые мероприятия, пребывание на улице «без крайней необходимости» и без масок, нарушение дистанции и др. [4].

Используя в полной мере опыт противодействия лихорадке Эбола, охватившей в 2014 г. несколько стран Западной Африки (Либерию, Сьерра-Леоне, Гвинею и - в меньшей степени - саму Нигерию), нигерийское правительство действовало достаточно решительно, что позволяло быстро выявлять новые случаи заболевания. Впрочем, диагностика вируса Эбола и коронавируса различается, поэтому в Нигерии уже на раннем этапе распространения *COVID-19* были инфицированы около 10 медицинских работников, но после получения списков всех контактов потенциально зараженных лиц власти поставили их под наблюдение и приняли меры, рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), начиная с самоизоляции и заканчивая строгим карантином.

Были запрещены поездки должностных лиц, а после выявления 9 случаев заболевания коронавирусом - отменены все запланированные спортивные мероприятия. Если арабские страны планировали ужесточение мер по борьбе с эпидемией только после смерти сотен граждан, нигерийские власти не стали ждать большого числа жертв. Они начали действовать после первого летального исхода, несмотря на незначительное общее число зараженных. Проводилось и непрерывное обучение медицинских работников, которые должны были следовать всем правилам безопасности при работе с больными, особенно во время осмотров, учитывая опыт некоторых стран, где плохо подготовленные специалисты подвергались частому заражению.

Важную роль в преодолении эпидемиологического кризиса сыграло министерство здравоохранения Нигерии, развернувшее масштабную информационную кампанию, в которую были вовлечены все СМИ, в т.ч. радио, телевидение и Интернет. Власти активно использовали социальные сети, такие как Фейсбук и Твиттер, для оповещения граждан о возникновении угрозы. За короткие сроки правительство смогло аккумулировать большие объемы средств, персонала и препаратов для приостановки распространения инфекции [5].

Эти меры позволили Нигерии избежать вспышки эпидемии в самом ее начале - в марте, однако уже во второй половине апреля - в первые недели мая рост числа заболевших ускорился.

Прежде всего, это связано с тем, что, в отличие от ситуаций в политических и административных центрах (Абуджа и Лагос с пригородами), где т.н. Целевая группа по борьбе с *COVID-19* стремилась

по возможности контролировать выполнение условий карантина посредством усиленных полицейских и военных патрулей, в отдаленных регионах полномочия по борьбе с эпидемией были переданы в руки местных властей, которые по-своему интерпретировали как саму угрозу, так и антикоронавирусные меры, причем зачастую в ущерб населению.

Так, чрезвычайно сложная ситуация сложилась в северном мусульманском штате Кано, где правительство не желало вводить карантин до конца апреля, пока не было вынуждено это сделать по прямому требованию президента М.Бухари; лишь 28 апреля штат был полностью заблокирован на 14 дней [5].

Главными противниками карантина выступили религиозные лидеры: запрещение проведения служб вызвало недовольство имамов, многие из которых восприняли это как «заговор» христианского Юга против мусульманского Севера [6]. В результате, несмотря на отстранение нескольких религиозных деятелей от выполнения их обязанностей за нарушение ограничительных мер, службы продолжались; отчасти именно поэтому штат Кано стал одной из самых «горячих» коронавирусных точек Нигерии с числом заболевших, достигшим тысячи, между тем как в соседнем штате Кадуна число инфицированных в то время не превышало сотни человек.

Возможно, ситуация в Кадуне объяснялась тем, что 25 марта штат первым в Нигерии был полностью закрыт на карантин (хотя, как выяснилось, не для всех: 28 марта, после поездки в Абуджу, заболел его губернатор Маллам Насир Эль-Руфайи, заразивший еще четырех человек из своего окружения).

Можно предположить, что относительно «спокойная» - по сравнению с другими регионами - обстановка в Кадуне сложилась благодаря решительности двух женщин - заместителя губернатора по вопросам здравоохранения Хадизе С.Баларабе и комиссара (министра) здравоохранения штата Амины Балони, имевших большой опыт борьбы с инфекционными заболеваниями - лихорадками Эбола и Ласса и понимавших, что в случае быстрого распространения инфекции система здравоохранения не справится с потоком больных.

Именно они и взяли на себя ответственность за принятие чрезвычайных мер [4]. Среди проблем, к решению которых они приступили уже в начале эпидемии, - распределение продовольствия среди наиболее уязвимых слоев населения; обеспечение работы в условиях карантина микро-, малых и средних предприятий; предотвращение большого перерыва в процессе школьного и университетского образования и др.

На покупку продуктов питания и предметов первой необходимости правительство штата израсходовало \$1,3 млн, организовав доставку «гуманитарной помощи» неимущим семьям. Боль-

шие рынки были закрыты, но в разных кварталах начали работать временные палатки, чтобы людям не нужно было ходить на длинные расстояния. С большим или меньшим успехом началось обучение школьников и студентов с помощью радиоуроков. В работоспособном состоянии сохранилась и значительная часть неформального сектора экономики. Власти решили, что заблокировать его полностью не удастся, а потому лучше поставить под контроль: побудить торговцев и разносчиков соблюдать дистанцию, носить маски и т.д. [4].

Все 19 северных штатов Нигерии вынуждены были решать и еще один сложный вопрос: что делать с учащимися (а их десятки тысяч) коранических школ, действующих как интернаты, - сосредоточить детей на территории учебных заведений или, напротив, распускать по домам?

Разные школы решали этот вопрос по-разному, но эффект часто был негативным. В одних школах уже были зараженные дети, получившие инфекцию, попрошайничая на улицах в свободное от занятий время; из-за скученности и антисанитарных условий они легко заражали других, и интернаты превращались в очаги коронавируса. Другие, отправленные домой за сотни километров от школы, подхватывали инфекцию по дороге, а затем, не протестированные и не отправленные на карантин, распространяли ее среди родственников, соседей и односельчан [7].

Тестирование в отдаленных районах практически не проводится: в 10 лабораториях, расположенных преимущественно в крупных городах, к концу мая проверку прошли лишь около 40 тыс. человек [6].

ВЫЗОВЫ ПРАВЛЕНИЮ МУХАММАДУ БУХАРИ

В условиях эпидемии высветились наиболее острые проблемы нигерийской системы здравоохранения: неадекватное финансирование (в 2019 г. - 3,9% ВВП - около \$1 млрд, т.е. примерно \$5 на человека в год) [8]; нехватка квалифицированных кадров врачей (около 50 тыс. - 1 на 4 тыс. человек) и среднего медицинского персонала; недостаточное количество больничных коек (5 на 10 тыс. человек) [9]; концентрация учреждений здравоохранения в городских центрах и ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию для сельских жителей; недостаточное число машин скорой помощи и т.д. В 2020 г. на нужды здравоохранения выделены 4,5% общего объема бюджета, что на 10,5% меньше целевого показателя в 15%, установленного Африканским Союзом [10].

Во время пандемии условия работы врачей усложнились, причем не только из-за опасности заражения (число заболевших медиков в Нигерии достигло нескольких десятков), но и действий полицейских, которые часто препятствуют передвижению медицинских работников (если это не специализированные автомобили), ссылаясь на ка-

рантинные ограничения [11]. В результате, несмотря на рост заболеваемости, Нигерийская медицинская ассоциация 20 мая объявила забастовку; правда, уже на следующий день прекратила ее, получив от правительства гарантии, что врачи не будут задерживаться ни при каких обстоятельствах [12]. Впрочем, сотрудники правоохранительных органов, призванных поддерживать порядок и контролировать выполнение правил карантина, вообще отнеслись к выполнению своих функций с излишним «усердием»: к 17 апреля, когда количество скончавшихся от *COVID-19* в Нигерии составило 13 человек, число убитых полицейскими «за нарушение карантина» достигло 18 [13].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В результате эпидемии заметно обострились социальные противоречия. Так, многие нигерийцы злорадствуют по поводу того, что вирус, действительно, как ни странно, активно поражает политическую элиту страны, руководителей государственных учреждений, их помощников и родственников, т.е. тех людей, которые отправляются на лечение за границу при малейшем недомогании.

Нигерийцы тратят в общей сложности до \$1 млрд в год на лечение в зарубежных больницах [10]. Интересно, что президент Бухари, в 2015 г. пообещавший положить конец «медицинскому туризму», в 2017 г. сам больше 4 месяцев провел в лондонской больнице. В настоящее время из-за закрытых границ состоятельные нигерийцы вынуждены пользоваться местными медицинскими учреждениями, что стало предметом постоянных насмешек небогатых граждан страны, которые припоминают властям еще и то обстоятельство, что они «недостаточно инвестировали в систему национального здравоохранения» [10].

Между тем, коронавирус уже нашел свою жертву в ближайшем окружении Бухари: 17 апреля в лагосском госпитале умер один из его ближайших помощников, бывший с 2015 по 2020 гг. руководителем аппарата президента, - 69-летний Абба Кияри. На его место был назначен известный политик, министр иностранных дел в 1984-1985 гг., т.е. в годы первого (военного) правления Бухари, - Ибрагим Гамбари.

Негативные прогнозы касаются и нигерийской экономики, которая в результате эпидемии может войти в рецессию.

Степень последствий пандемии для разных стран региона неодинакова, однако в Нигерии, по прогнозам, из-за снижения внешнего спроса на нефть, разрывов в цепочках поставок, перебоев во внутреннем производстве темпы роста ВВП могут снизиться на 3,4%. Только в результате падения цен на нефть Нигерия рискует потерять в этом году \$15,4 млрд, или 4% ВВП [14]. Пандемия способна спровоцировать и кризис в области продовольственной безопасности: падение объемов

сельскохозяйственного производства может составить от 2,6 до 7% [5]. Ситуация обостряется заметным ростом безработицы, уровень которой до эпидемии превышал 20% трудоспособного населения [15].

Надо отдать должное правительству Бухари, которое оперативно приняло ряд мер, направленных на поддержку экономики. В частности, были выделены 50 млрд найр (\$128 млн) в помощь мелким крестьянским хозяйствам и предприятиям; с 9 до 5% снижены ставки по кредитам; \$2,6 млн направлены на стимулирование местного производства и производства в наиболее важных секторах, преимущественно связанных с медициной; отсрочены выплаты налога на добавленную стоимость и т.д. [16].

4 мая правительство Нигерии сняло часть ограничений на передвижение в границах населенных пунктов и между штатами и разрешило открыть многие предприятия - при условии соблюдения ими санитарных норм. Однако послабления были вызваны отнюдь не сокращением числа жертв коронавируса, а исключительно развитием неблагоприятной экономической и социально-политической ситуации - сокращением доходов в результате замораживания экономики, ростом безработицы и, как следствие, недовольства карантинными мерами значительной части нигерийцев, плачевное материальное положение которых вытесняет из их сознания угрозу заболеть COVID-19.

Эпидемия коронавируса становится фактором, влияющим на сложившуюся систему международных отношений как на глобальном уровне, так и в контексте двусторонних отношений. Так, африканские страны выступили с осуждением дискриминации своих граждан, якобы наблюдающейся в различных городах Китая. Поводом к подобным акциям послужили события, произошедшие в начале апреля в Гуанчжоу, где, по информации китайских СМИ, несколько нигерийцев заразили вирусом «инострального происхождения» группу местных жителей. Местные власти вынуждены были изолировать 197 человек, повысить уровень эпидемиологической опасности с низкого на средний и отправить на принудительный карантин многих выходцев с Черного континента (а их в Гуанчжоу около 15 тыс.) [17].

В соцсетях тут же появились видеозаписи - как африканцев выселяют из жилых домов и гостиниц, отказывают в обслуживании в ресторанах и магазинах и т.д. Послы африканских стран направили в МИД КНР письмо, в котором осудили «постоянные притеснения и унижение людей африканских национальностей». Всеобщая африканская община Гуанчжоу также направила соответствующее письмо в ООН. Спикер палаты представителей Нигерии Ф.Гбаджабиамила в беседе с послом КНР в Абудже раскритиковал «бесчеловечное обращение», с которым африканцы сталкиваются в Китае [17].

Сообщения о «расистских» настроениях китайцев в отношении африканцев, прежде всего именно нигерийцев, появлялись и раньше и, можно сказать, имели под собой почву, т.к. отдельные группы выходцев из «африканского гиганта», действительно, неоднократно уличали в торговле наркотиками, других незаконных действиях - их изгоняли из страны. Одним из негативных последствий как криминальной деятельности нигерийцев, так и реакции африканской диаспоры в КНР на действия местных властей стал рост недоверия между китайцами и африканцами, периодически выливающийся в уличные столкновения.

Последующие события показали, что обе стороны - китайская и африканская - в обострении отношений не заинтересованы. Правительства и КНР, и государств Черного континента понимают, что конфликт, прежде всего, на руку США и его союзникам, давно вынашивающим планы хотя бы некоторого вытеснения Китая из Африки и снижения его влияния на политическое и экономическое развитие африканских стран. Именно западные СМИ больше других рассказывали об облавах на чернокожих жителей Гуанчжоу, опечатывании их домов, тем самым подогревая у африканцев антикитайские настроения.

В этом контексте неудивительно, что в ответ на бурные «антидискриминационные» протесты африканских высокопоставленных чиновников представитель МИД КНР Чжао Лицзянь с присущей ему восточной мудростью пообещал своевременно отреагировать на озабоченность африканской стороны и объяснил, что Китай пытается не допустить «импорта» коронавируса из других охваченных эпидемией стран, поэтому «при осуществлении этих мер могли возникнуть некоторые недоразумения».

Пекин и не скрывает, что опасается начала второй волны эпидемии, а только в начале апреля в Поднебесную прибыли около 300 инфицированных африканцев. Причем в Гуанчжоу, например, в большом количестве проживают обладатели липовых и просроченных виз, большинство не соблюдает правила карантина, что не может не возбуждать недовольство властей [18].

7 апреля в Гуанчжоу состоялась специальная конференция, на которой, в частности, было решено «придерживаться принципов равноправия в рамках осуществления мер профилактики независимо от гражданства», осуществлять контроль над жилыми микрорайонами и местами скопления иностранцев (заведения общепита, гостиницы, рынки и др.). В связи с этим полицейские рейды, «жертвами» которых нередко становились африканцы, вряд ли можно назвать «китайским расизмом». Хотя без «эксцессов» в виде, например, «жестких» задержаний, конечно, не обошлось. Тем более что в кампанию по выявлению нарушителей карантина включилось и местное население, ожесточенное событиями последних месяцев [19].

События в Гуанчжоу, безусловно, могут оказать некоторое, но едва ли длительное, негативное воздействие на африкано-китайские политические, экономические и культурные контакты, которые в последние годы активно развивались. Однако если учесть, что Китай является одним из крупнейших доноров и инвесторов в африканскую, в т.ч. нигерийскую, экономику, можно предположить, что по окончании пандемии двусторонние и многосторонние отношения поднимутся до прежнего уровня, даже если какое-то время контакты и будут окрашены взаимной подозрительностью.

В ситуации, когда весь мир озабочен пандемией и ее последствиями, трудно дать объективную оценку того, кто больше виноват в распространении заболевания, в социально-экономических катаклизмах и в событиях, подобных тем, которые произошли в Гуанчжоу и других городах Китая. Безусловно, и среди китайцев есть «расисты» - подобные явления обычно в наибольшей степени распространены на «бытовом» уровне, и африканские руководители излишне резко - в данном, эпидемиологическом, контексте - комментировали события, что отчасти объясняется тем, что китайцы, действительно, далеко не всегда «уважительно» относятся к африканским работникам китайских и смешанных предприятий в Африке, т.е., в известном смысле, события в Гуанчжоу «па-

ли на благодатную почву». Поэтому уповать остается лишь на то, что после окончания эпидемии все вернется на «круги своя», хотя, как уверяют многие СМИ и ученые, «мир уже не будет прежним». Как, возможно, и Китай в постковидный период, столкнувшись с экономическим спадом, не сможет помогать и инвестировать в Африку в прежних объемах.

В свою очередь, Россия, как и Китай, уже откликнулась на просьбы ряда стран Тропической Африки помочь им в борьбе с распространением эпидемии. Так, в Демократическую Республику Конго были отправлены две мобильные лаборатории, которые позволяют ускорить проведение тестирования на коронавирус; в Гвинее специалисты Роспотребнадзора продолжают работы в Российско-Гвинейском научно-исследовательском центре эпидемиологии и профилактики инфекционных болезней, в страну уже поставлены российские тест-системы и реагенты для проведения примерно 7 тыс. тестов.

Нигерия пока не обращалась к России за помощью в борьбе с COVID-19. Однако Роспотребнадзор работает над расширением взаимодействия со странами Африки в области профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями, и, представляется, что у двух стран есть чему поучиться друг у друга.

Список литературы / References

1. Worldometer. COVID-19. Coronavirus Pandemic. 2020. <https://www.worldometers.info/coronavirus> (accessed 07.06.2020)
2. Worldometer. African Countries by population. 2020. <https://www.worldometers.info/population/countries-in-africa-by-population> (accessed 24.05.2020)
3. Nigeria: COVID-19 patients protest over 'ill treatment'. 06.05.2020. <https://www.aa.com.tr/en/africa/nigeria-covid-19-patients-protest-over-ill-treatment/1830966> (accessed 23.05.2020)
4. Ayeni T. Coronavirus: Nigeria's varied responses to controlling COVID-19. 13.05.2020. <https://www.theafricareport.com/27773/coronavirus-nigerias-varied-responses-to-controlling-covid-19> (accessed 22.05.2020)
5. Новости. Обзор СМИ. 28.03.2020. (News. Media Review. 28.03.2020) (In Russ.). <https://polpred.com/news/?cnt=113§or=26> (accessed 22.05.2020)
6. Nigerian religious leaders demand lifting of COVID-19 lockdown. 19.05.2020. <https://www.dw.com/en/nigerian-religious-leaders-demand-lifting-of-covid-19-lockdown/a-53499533> (accessed 23.05.2020)
7. Coronavirus in Nigeria: The child beggars at the heart of the outbreak. 16.05.2020. <https://www.bbc.com/news/world-africa-52617551> (accessed 23.05.2020)
8. Ejide O. Health care in Nigeria. 08.05.2019. <https://hekint.org/2019/05/08/health-care-in-nigeria> (accessed 23.05.2020)
9. Nigerian Health Sector. Market Study Report. March 2015. https://www.rvo.nl/sites/default/files/Market_Study_Health_Nigeria.pdf (accessed 22.05.2020)
10. Coronavirus: Why some Nigerians are gloating about Covid-19. 23.04.2020. <https://www.bbc.com/news/world-africa-52372737> (accessed 21.05.2020)
11. Reuters. 20.05.2020.
12. Reuters. 21.05.2020.
13. Nigerian security forces kill 18 during curfew enforcement. 16.04.2020. <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/nigerian-security-forces-kill-18-curfew-enforcement-200416142503603.html> (accessed 23.05.2020)
14. Bloomberg. 07.04.2020.
15. IMF: World Economic Outlook. October 2019. <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WEO/2019/October/English/text.ashx?la=en> (accessed 23.05.2020)
16. Nigeria. Government and institution measures in response to COVID-19. 20.05.2020. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/nigeria-government-and-institution-measures-in-response-to-covid.html> (accessed 24.05.2020)
17. Reuters. 12.04.2020.
18. Nigerian FM: No evidence of discrimination against Nigerians in Guangzhou. 15.04.2020. <https://news.cgtn.com/news/2020-04-15/Nigerian-foreign-minister-Nigerians-not-mistreated-in-China-PHXCEncUX6/index.html> (accessed 04.06.2020)
19. После коронавируса из Китая выдворяют всех иностранцев. 13.04.2020. (After coronavirus, all foreigners are expelled from China. 13.04.2020) (In Russ.). <https://haqqin.az/news/175142> (accessed 04.06.2020)

DOI: 10.31857/S032150750010448-4

ТУРЦИЯ. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ ПАРТИЙ С ЭТНИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

© 2020 Р. ХАСАНОВ

ХАСАНОВ Резван Ширваниевич, кандидат политических наук, н.с. Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного Федерального Университета (rezvankhasanv@yandex.ru)

Резюме. Статья посвящена специфике партий с этническим компонентом в Турции. Проводится сравнительный анализ электоральных стратегий двух таких партий - прокурдской Демократической партии народов и прочеркесской Партии плюралистической демократии. Делается вывод о наличии между исследуемыми партиями как общих черт, обусловленных схожестью этнокультурных проблем этнических меньшинств в Турции, так и расхождений, связанных с территориальным, демографическим, электоральным и политическим факторами.

Ключевые слова: Турция, партийная система Турции, партии, этнические меньшинства, партии с этническим компонентом, электоральная стратегия, курды, черкесы

TURKEY. GENERAL AND SPECIAL CHARACTERISTICS IN ELECTORAL STRATEGIES OF ETHNIC PARTIES

Rezvan Sh. KHASANOV, PhD (Political Science), Research Fellow, Center for Interdisciplinary Humanitarian Studies, Southern Federal University, Russia (rezvankhasanv@yandex.ru)

Abstract. In the 2000s Turkey's ruling Justice and Development Party (AKP) significantly expanded the cultural rights of ethnic minorities.

Despite the fact that subsequently Turkish nationalism again has prevailed in the state policy on ethnic minorities, these reforms had a huge impact on the perception of ethnicity in Turkish socio-political discourse and mass consciousness. Moreover, the «incompleteness» of these reforms led to the politicization of ethnic minorities in the country.

One of the main developments of this process was the electoral promotion of a number of parties with a clear ethnic component - ethnic parties. This article focuses on the main features of ethnic parties in modern Turkey, and conducts a comparative analysis of the electoral strategies of two such parties - pro-Kurdish Peoples' Democratic Party and pro-Circassian Party of Pluralist Democracy.

The author uses different data, and concludes that between two parties there are as common features, caused by similarity of the ethnic and cultural problems of ethnic minorities in Turkey, as well as differences caused by territorial, demographic, electoral, and political factors. Despite the predominance of a mono-ethnic electorate in HDP and ÇDP, in order to maximize the electoral potential both parties in their political strategies appeal to other ethnic groups which are not represented in Turkish politics with own political platforms.

Keywords: Turkey, Turkey's party system, parties, ethnic minorities, ethnic parties, electoral strategy, Kurds, Circassians

В 2000-е гг. правящая в Турции Партия справедливости и развития (ПСР) осуществила значительное расширение культурных прав этнических меньшинств. Тем самым ПСР пересмотрела основы проводившейся на протяжении всего XX в. «кемалистской» национальной политики, нацеленной на этнокультурную гомогенизацию населения. Реформы, получившие названия «Демократическая инициатива» и «Проект национального единства и братства», проводились в рамках двух взаимосвязанных процессов - вступления Турции в ЕС и мирного урегулирования курдской проблемы.

В частности, турецкие власти сняли запрет на теле- и радиовещание на языках и диалектах этнических меньшинств, открыли государственный телеканал на курдском языке («TRT Şêş»), разрешили изучение родного языка на языковых курсах и в общеобразовательных школах. Кроме того, власти содействовали открытию в университетах отделений курдского, черкесского и ряда других языков, сняли запрет на использование родного

языка в тюрьмах и во время свиданий с заключенными. Существенно усложнились процедуры закрытия политических партий, разрешено использование родных языков на митингах и политических акциях и т.д. [1].

Все эти изменения были направлены на консолидацию вокруг правящей власти полиэтнического турецкого общества на основе принадлежности к единому гражданству, историко-культурной и религиозной общности. «Турецкое гражданство - это то, что объединяет нас друг с другом, оно важнее кровной связи. Не нужно бояться различий», - заявлял в 2009 г. тогдашний премьер-министр Турции, а ныне президент Реджеп Тайип Эрдоган в поздравительном сообщении по случаю открытия государственного курдского телеканала «TRT Şêş» [2].

Однако в 2015 г. вместе с приостановкой процесса мирного урегулирования курдской проблемы дальнейшая либерализация культурных прав этнических меньшинств в Турции была свернута. В политике правящей партии возобладала нацио-

налистическая повестка, образно выраженная в известной формуле Эрдогана - «Одна нация, один флаг, одна родина, одно государство». «Националистический крен» ПСР стал еще более ощутимым после образования альянса с ультраправой Партией националистического движения (*Milliyetçi Hareket Partisi, MHP*).

Тем не менее, осуществленные в 2000-е гг. реформы оказали огромное влияние на восприятие темы этничности в турецком общественно-политическом дискурсе и массовом сознании, а их «незавершенность» лишь послужила фактором политизации этнических меньшинств в стране. Одним из основных проявлений этого процесса стало электоральное продвижение ряда партий с выраженным этническим компонентом, т.е. партий, образованных на основе этнической солидарности и поддерживаемых, главным образом, представителями определенной этнической группы.

Так, в 2015 г. впервые в турецкий парламент прошла прокурдская Демократическая партия народов (*Halkların Demokratik Partisi, HDP*). На выборах 2015 г. результат *HDP* составил 10,76%, т.е. партия впервые преодолела 10%-ный «заградительный барьер». Это обеспечило ей 59 депутатских мандатов из 550, ее фракция в парламенте стала 3-й по численности, опередив турецких националистов из ультраправой Партии националистического действия [3]. На следующих выборах в 2018 г. *HDP* улучшила свой результат (11,7% голосов, 67 мандатов) [4].

Прокурдские партии существовали в Турции, начиная с 1990-х гг., несмотря на то, что турецкие власти постоянно закрывали их, обвиняя в продвижении этнического сепаратизма. Однако до 2015 г. им ни разу не удавалось пройти в турецкий парламент напрямую, члены прокурдских партий шли на выборы как независимые кандидаты в различных избирательных округах, с тем, чтобы потом создать в парламенте единую фракцию. Поэтому нынешнее электоральное продвижение *HDP*, начавшееся в 2015 г., является беспрецедентным в истории Турции [5].

Другой пример - прочеркская Партия плюралистической демократии (*Çoğulcu Demokrasi Partisi, ÇDP*), созданная в 2014 г. группой черкесских активистов. Она участвовала в парламентских выборах 2015 г., выставив независимых кандидатов, и на выборах мэра Стамбула в 2019 г. Несмотря на то, что *ÇDP*, в отличие от *HDP*, пока не

добилась электорального успеха, тем не менее, прослеживается тенденция политизации турецких черкесов¹ и попытки консолидации вокруг собственной политической партии [6].

Еще один пример партии с этническим компонентом - это партия «Время демократии» (*DEZA-PAR*), представляющая турецких *заза*². В ее планах - участие в следующих парламентских выборах [7].

Актуальность настоящего исследования обусловлена продвижением в современной турецкой партийной системе партий с выраженным этническим компонентом. Основные среди них - прокурдская Демократическая партия народов (*HDP*) и прочеркская Партия плюралистической демократии (*ÇDP*) в силу их политического опыта и электорального потенциала.

Мы провели сравнительный анализ электоральных стратегий обеих партий с целью выявления общих черт и значимых различий, используя три основные характеристики: 1) специфика «этнического» электората; 2) взаимодействие с другими этническими электоральными сегментами; 3) видение общественно-политического развития Турции.

СПЕЦИФИКА «ЭТНИЧЕСКОГО» ЭЛЕКТОРАТА

Несмотря на прямой запрет турецкой Конституции создавать партии на основе этнического, религиозного, регионального принципов [9], очевидно, что и *HDP* и *ÇDP* образованы именно на основе этнической солидарности. Этническая» основа *HDP* и *ÇDP* выражается в том, что «электоральное ядро» обеих партий составляют избиратели, принадлежащие к определенной этнической группе. При этом во избежание нарушения соответствующего конституционного запрета названия обеих партий не имеют этнической привязки. То есть из самих названий партий - Демократическая партия народов и Партия плюралистической демократии - не вытекает их прямая взаимосвязь с какой-либо этнической группой.

В случае с *HDP* «ядерным» электоратом партии являются турецкие курды. Ввиду отсутствия в Турции официальной статистики касательно этнического состава населения страны, точных данных о численности курдов нет, называются цифры от 5,8 до 20 млн [10; 11]. Места компактного проживания турецких курдов - это, прежде всего,

¹ Под этнонимом «черкес» в Турции принято объединять представителей всех северокавказских народов (*прим. авт.*).

² Заза (дымлы) - это иранский народ, главным образом проживающий на юго-востоке Турции в провинции Тунджели; до недавнего времени заза считали частью курдского народа, выделение заза в отдельную этничность началось в Турции в конце XX в., их численность оценивается примерно в 1,5 млн человек [8].

Таблица

Избирательные округа, где *HDP* одержала победу на парламентских выборах 2018 г.

Избирательный округ	% полученных голосов
Ширнак	70.2
Хаккари	70.17
Диярбакыр	65.5
Агры	62.2
Батман	62.07
Ван	59.3
Мардин	59.3
Муш	54.5
Сиирт	51.1
Тунджели	51.03
Ыгдыр	44.2

Составлено автором по: [4].

регионы Восточной и Юго-Восточной Турции, такие области, как Ширнак, Хаккари, Диярбакыр и др. (всего - 11). На последних парламентских выборах в 2018 г. *HDP* одержала убедительную победу именно в этих областях. Так, в Ширнаке и Хаккари (см. табл.) результат партии составил более 70% голосов избирателей (результат по стране - 11,7%).

Турецкие черкесы в сравнении с курдами не имеют ни сопоставимой численности, ни мест компактного проживания, что обусловлено особенностями политики османских властей по расселению выходцев с Северного Кавказа в XIX в. [12]. Официальные данные о численности черкесов в Турции также отсутствуют, озвучиваются цифры - от 200 тыс. до 12 млн человек [13]. Именно отсутствие в Турции регионов с преобладанием черкесского населения является одним из факторов, ограничивающих электоральный потенциал прочеркесской *ÇDP*.

ÇDP приняла участие в двух избирательных кампаниях - парламентских выборах 2015 г. и выборах мэра Стамбула в 2019 г. На выборах в 2015 г. *ÇDP* не участвовала партийным списком, ибо, в соответствии с турецким законодательством, чтобы участвовать в выборах как политическая партия необходимо иметь региональные отделения в более чем 41 области из 81 в стране. Поэтому *ÇDP* выставила независимых кандидатов в тех округах, где проживают самые крупные в стране черкесские общины: Стамбул, Кайсери, Дюздже, Эскишехир, Анкара, Бурса, Самсун. Ни в одном из них *ÇDP* не удалось одержать побе-

ду, результаты кандидатов оказались мизерными (среди кандидатов-черкесов самый большой результат составил всего лишь 0,6%, или 4854 голоса) [14].

По мнению российского турколога В.В.Цибенко, провал *ÇDP* на выборах 2015 г. обусловлен рядом факторов, среди которых: высокий уровень фрагментации черкесской диаспоры, конкуренция между разными черкесскими общественными структурами, рассеянное проживание черкесского населения, высокая степень ассимиляции, ограниченность политической активности *ÇDP* крупными городами [6].

После неудачного участия в выборах 2015 г. в *ÇDP* начались внутрипартийные изменения. На фоне смены руководства и неудачных попыток добиться поддержки самой крупной и влиятельной черкесской общественной организации Турции - Федерации кавказских ассоциаций (*Kaffed*) *ÇDP* пропустила следующий электоральный цикл и не участвовала ни в парламентских, ни в президентских выборах 2018 г. Однако в марте 2019 г. партия выставила своего кандидата на выборах мэра Стамбула, но результат ее кандидата составил 0,02% (2005 голосов) [15].

Таким образом, несмотря на растущую политизацию турецких черкесов, *ÇDP* пока еще не удалось консолидировать на своей платформе «черкесский электорат». Большинство избирателей-черкесов сохраняют электоральную лояльность к ведущим турецким партиям, основанную на принадлежности к тому или иному социально-политическому размежеванию. При этом *ÇDP* конкурирует не только с другими партиями за лояльность черкесов, но и с черкесскими общественными организациями, которые не хотят допустить, чтобы *ÇDP* «замкнула» на себя ключевые общественно-политические функции, касающиеся представительства черкесов в Турции.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРУГИМИ ЭТНИЧЕСКИМИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМИ СЕГМЕНТАМИ

Несмотря на преобладание у обеих исследуемых партий моноэтнического электората, и *HDP*, и *ÇDP* в целях максимизации электорального потенциала в своих политических стратегиях большое значение уделяют взаимодействию с другими т.н. «непредставленными» в турецкой политике этническими группами, т.е. не имеющими собственной этнической партии. Стремясь завоевать их электоральную лояльность, *HDP* и *ÇDP* позиционируют себя как выразителей интересов этнических меньшинств Турции, этнокультурные права которых не признавались турецкими властями в течение XX столетия.

HDP обращается ко всем этническим меньшинствам в стране, в т.ч. к черкесам. Так, перед парламентскими выборами 2015 г. сопредседатель *HDP* Селахаттин Демирташ посетил Федерацию кавказских ассоциаций (*Kaffed*) и провел встречу с черкесскими избирателями [16]. Также депутаты турецкого парламента от *HDP* ежегодно актуализируют на парламентских сессиях тему признания «геноцида черкесов»³, который ежегодно отмечается 21 мая [17].

HDP включает в свои партийные списки и кандидатов черкесского происхождения [18]. Как отмечает российский курдовед Н.З.Мосаки, *HDP* активно использует «черкесский вопрос» в политической борьбе, рассматривая его «в отрыве от сугубо черкесских интересов». По словам ученого, *HDP* пытается «придать “надкурдский” характер своим идеологемам, представляя себя в качестве площадки для выражения требований всех малых народов Турции» [19].

В отличие от *HDP*, прочеркесская *ÇDP* не проявляет аналогичной активности в отношении этнокультурных прав курдов, предпочитая дистанцироваться от «курдской проблемы». Данное обстоятельство обусловлено двумя причинами.

Во-первых, представители черкесского национального движения считают, что этнокультурная повестка в Турции сосредоточена исключительно на решении «курдской проблемы». Соучредитель и первый председатель *ÇDP* Кенан Каплан, выступая на презентации партии в 2014 г., заявлял, что процесс этнокультурной либерализации в Турции затронул лишь курдов и алевитов [25], в то время как проблемы остальных этнических и конфессиональных групп были проигнорированы [20].

Во-вторых, сложность и многоаспектность «курдской проблемы» накладывает на всех политических субъектов в Турции серьезные риски и ограничения. Правящая турецкая партия - ПСР, стремясь быть единственной политической силой, представляющей курдское население республики, монополизировала «курдскую повестку». В условиях нынешнего роста националистических настроений в турецком обществе, подпитываемых соответствующей государственной пропагандой, любая политическая сила, выступающая с позиции защиты этнокультурных прав курдов, воспринимается в массовом сознании как защитник этнического сепаратизма и пособник Рабочей партии Курдистана, признанной в Турции террористической организацией.

В связи с этим *ÇDP* пытается выстраивать отношения с другими этническими группами, которые в турецком общественном сознании не ассоциируются с сепаратистскими проектами. В частности, партия ведет переговоры с различными культурными ассоциациями помаков (болгароязычная этнорелигиозная группа), лазов, крымских татар, балканских тюрок и т.д., с целью консолидировать их на своей платформе [21].

ВЗГЛЯДЫ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ

Анализ политических программ обеих партий показал, что в их основе лежат две ключевые идеи развития турецкой общественно-политической системы [22; 23]:

1) формирование в Турции плюралистической демократии, в рамках которой все этнические меньшинства получают политическое представительство в национальном парламенте и других властных структурах;

2) формирование в Турции поликультурного общества с широкими культурными и языковыми правами для всех этнических меньшинств.

Однако между *HDP* и *ÇDP* существует различие в отношении основополагающего для Турецкой Республики концепта «турецкой нации». Прокурдская *HDP* не признает данный концепт и заменяет его на «народы Турции» или «нация Турции». Это имеет ключевое значение для курдов, т.к. актуализирует признание равного гражданства для всех этнических групп в стране, а в долгосрочной перспективе - переход от унитарного устройства к федеративному. Большой резонанс в 2015 г. вызвали случаи изменения рядом депутатов от *HDP* текста присяги во время соответствующей церемонии в парламенте. Депутат Мехмет Али Аслан вместо «турецкой нации» использовал «нация Турции», из-за чего присяга не была принята, и ему пришлось ее повторить [24].

Прочеркесская *ÇDP* в отношении концепта «турецкая нация» проявляет большую осторожность и открыто не заявляет о его неприятии. Хотя в партийной программе отсутствует отсылка к «турецкой нации» и используется термин «народы Турции» [23]. При этом партия всячески подчеркивает, что черкесы являются одним из «государствообразующих элементов» Турции. Подобная осторожность партии в отношении концепта «турецкой нации» связана с необходимостью учитывать возможный общественный резо-

³ События заключительного этапа Кавказской войны (1817-1864 гг.) и начавшееся в 1864 г. массовое переселение черкесов в Османскую империю позиционируется представителями черкесского национального движения как «геноцид черкесов» (прим. авт.).

нанс, а также нежеланием навлечь на себя обвинения в «этническом сепаратизме».

* * *

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии в электоральных стратегиях турецких партий с этническим компонентом как

общих черт, обусловленных схожестью этнокультурных проблем этнических меньшинств в стране, так и значимых расхождений, связанных с демографическими различиями, уникальностью опытов политической самоорганизации и степени интегрированности в турецкую общественно-политическую систему.

Список литературы / References

1. Barriers to Kurdish are being removed one by one (In Tur.). <http://www.haber7.com/guncel/haber/1130318-kurt-cenin-onundeki-engeller-bir-bir-kaldiriliyor> (accessed 26.01.2020)
2. The Kurdish TV channel «TPT Şeş» opened with Turkish folk songs (In Tur.). <http://www.gazetevatan.com/trt-ses-kurtce-turkulerle-acildi-216322-gundem/> (accessed 26.01.2020)
3. November 1, 2015 General Election Results (In Tur.). <http://www.ysk.gov.tr/doc/dosyalar/docs/Milletvekili/1Kasim2015/KesinSecimSonuclari/96-E.pdf> (accessed 26.01.2020)
4. June 24, 2018 General Election Results (In Tur.). <https://www.haberturk.com/secim/secim2018/genel-secim/iller> (accessed 26.01.2020)
5. Шлык П.В. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? (Shlykov P.V. The Kurdish Question in Turkey: Toward a Conflict Resolution?) (In Russ.). http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/kurdsij_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm (accessed 26.01.2020)
6. Цибенко В.В. Северо-Западный Кавказ в политическом фокусе Турции в контексте парламентских выборов 2015 г. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. № 5. С. 56-63. (Tsibenko V.V. 2015. The Northwest Caucasus in the political focus of Turkey in the context of the parliamentary elections of 2015. *Humanitarian and socio-economic sciences*. № 5) (In Russ.)
7. «Zaza party» DEZA-PAR is getting ready for the elections (In Tur.). https://www.gazeteduvar.com.tr/politika/2019/09/04/zaza-partisi-deza-par-secime-hazirlaniyor/?fbclid=IwAR1-MDx_uzggbDoDi16DXe1hwh62bziwXpm9p50MJG8TPuGAOz0J8j8f6i8 (accessed 26.01.2020)
8. Murat Yetkin: How many Kurds, Sunnies, Alevies live in Turkey (In Tur.). <https://www.gazeteduvar.com.tr/politika/2019/11/19/murat-yetkin-turkiyede-kac-kurt-kac-sunni-kac-alevi-yasiyor/> (accessed 26.01.2020)
9. The Law on Political Parties (In Tur.). <http://www.anayasa.gen.tr/2820sk.htm> (accessed 26.01.2020)
10. Ethnic Structure of Turkey (In Tur.). <https://millidusunce.com/tuerkiyenin-etnik-yaps/> (accessed 26.01.2020)
11. How many are there Kurds in Turkey by 2018 (In Tur.). <https://www.kundir.net/kurt-tarihi/turkiyede-kac-milyon-kurt-var-2018.html> (accessed 26.01.2020)
12. Chochiev G., Koç B. 2006. Migrants from the North Caucasus in Eastern Anatolia: Some Notes on Their Settlement and Adaptation (Second Half of the 19th Century Beginning of the 20th Century). *Journal of Asian History*. XL. № 1. Pp. 80-103.
13. Цибенко В.В. Политизация этнических меньшинств в Турции на примере черкесов. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26* / Отв. ред. В.Я.Белокренитский, Н.М.Мамедова, Н.Ю.Ульченко. М., ИВ РАН, 2019. С. 60. (Tsibenko V.V. 2019. Politicization of ethnic minorities in Turkey on the example of the Circassians. *Proceedings of the Oriental Studies Institute of the Russian Academy of Sciences. Vol. 26* / Ed. V.Ya.Belokrenitsky, N.M.Mamedova, N.Yu.Ulchenko. M.) (In Russ.)
14. Voting Rates of Independent Circassian Candidates (In Tur.). <http://ajanskafkas.com/manset/bagimsiz-cerkes-adaylar-oy-oranlari/> (accessed 26.01.2020)
15. Comparative Analysis of the Election Results on 31 March and 23 June, 2019 (In Tur.). <https://secim.haberler.com/2019/yerel-secimler/karsilastirmali-secim-sonuclari/> (accessed 26.01.2020)
16. HDP Delegation Visited Kaffed (In Tur.). <https://kaffed.org/haberler/federasyondan/item/2570-hdp-heyeti-kaffed%e2%80%99i-ziyaret-etti.html?fbclid=IwAR1zdlyrrCG5zyr-BvSEWn9oPKQ7E00Sqnd8IrfBYBvviH5yLLH1YPY08> (accessed 26.01.2020)
17. HDP: We Do Not Forget the Genocide of Circassians (In Tur.). <https://www.demokrathaber.org/guncel/hdp-cerkesya-halklarinin-yasadigi-soykirimi-unutmuyoruz-h102052.html> (accessed 26.01.2020)
18. The common address for the equal future is HDP (In Tur.). <https://www.evrensel.net/haber/110313/esit-gelecek-icin-ortak-adres-hdp> (accessed 26.01.2020)
19. Мосаки Н.З. Позиция прокурдских организаций Турции в черкесском вопросе (по материалам курдоязычных СМИ). *Восток/Oriens*. 2017. № 2. С. 101. (Mosaki N.Z. 2017. The position of Turkey's pro-Kurdish organizations on the Circassian issue (based on materials from the Kurdish-speaking media). *Vostok/Oriens*. № 2) (In Russ.)
20. ÇDP's Chairman Mr Kaplan: Circassians Are Being Ignored (In Tur.). <https://www.haberler.com/cdp-genel-baskani-kaplan-cerkesler-gormezden-6857720-haberi/> (accessed 26.01.2020)
21. Pomak Association Hosted ÇDP's Members (In Tur.). <http://www.cdp.org.tr/?p=1576> (accessed 26.01.2020)
22. The People's Democratic Party Program (In Tur.). <https://www.hdp.org.tr/tr/parti/parti-programi/8> (accessed 26.01.2020)
23. The Pluralist Democracy Party Program (In Tur.). <http://www.cdp.org.tr/?p=17#more-17> (accessed 26.01.2020)
24. When the HDP deputy does not say the Turkish nation (In Tur.). <https://www.cnnturk.com/video/turkiye/hdpli-vekil-turk-milleti-demeyince> (accessed 26.01.2020)
25. Подробнее см.: Жигульская Д.В. Алевиты и алавиты в Турции: от общего к частному (на основе полевых исследований в городе Хаджибекташ и провинции Хатай). *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 3. С. 26. (Zhigul'skaya D.V. 2019. Alevis vs Alawites in Turkey: From the general to the specific (based on field studies in Turkey). *Aziya i Afrika segodnya*. № 3) (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750008730-5

ETHIOPIA. THE ROLE OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN ECONOMIC DEVELOPMENT

© 2020 A.K. DIRIBA (Ethiopia), I. KARZANOVA (Russia)

Amsalu Keba DIRIBA, Master Student (International Business), National Economy Department, Faculty of Economics, RUDN University (amsekeba@gmail.com)

Irina V. KARZANOVA, PhD (Economics), Associate Professor, National Economy Department, Faculty of Economics, RUDN University (karzanova-iv@rudn.ru)

Abstract. In this article the impact of foreign direct investment (FDI) on economic development of Ethiopia is studied. Starting from 2012 FDI inflow to Ethiopia, primarily from China, Saudi Arabia, Turkey, India, and European Union, is growing significantly.

The role of the Government in attracting FDI to the country is important. The Government continues to open Ethiopian economy to the foreign capital. In the article specific measures implemented by the Government, like generous investment incentives to FDI, infrastructure development and construction of industrial parks, are addressed. The analysis of the impact of FDI on economic development of Ethiopia in the article includes discussion of how FDI contributes to creation of new businesses, jobs, human capital enhancement, transfer of technologies, as well as export promotion. Sector analysis shows that FDI has an important impact on employment via job creation in launched greenfield projects and spillover effects in related value chain industries. New industries, like cut flowers industry, are created from the scratch.

Human capital enhancement goes through training of skilled workers and wider "learning-by-doing". New forms of business training, for example, e-commerce training program are commenced. The analysis shows that in all of these directions the results are positive, though the efficiency of technology transfer is limited by the absorption capacities of the host country, and increased competition among exporting businesses may lead to crowding out of traditional domestic exporters. In general, the results show that FDI has a positive impact on Ethiopia's economic development. The effect may be higher with the improvement of the business climate in the country.

Keywords: Ethiopia, Foreign Direct Investment (FDI), economic development, unemployment, technology transfer, cut flower industry, export

FDI INFLOWS TO ETHIOPIA

In the last decade Ethiopian economy witnessed steady growth of foreign direct investment (FDI) inflows. FDI implies that the foreign investor manages and exerts a significant degree of influence and control over the enterprise resident in the other economy. To increase investment developing countries can draw on a range of external sources of finance, including FDI, portfolio investment, long-

term and short-term loans (private and public), official development assistance, remittances and other official flows. FDI is the largest source of external finance for many developing economies, and the most resilient to economic and financial shocks. It makes up 39% of total incoming finance in developing economies as a group [1].

Ethiopia in 2018 was among the top 5 African countries, which attracted the bulk of FDI to their economies (see Figure 1).

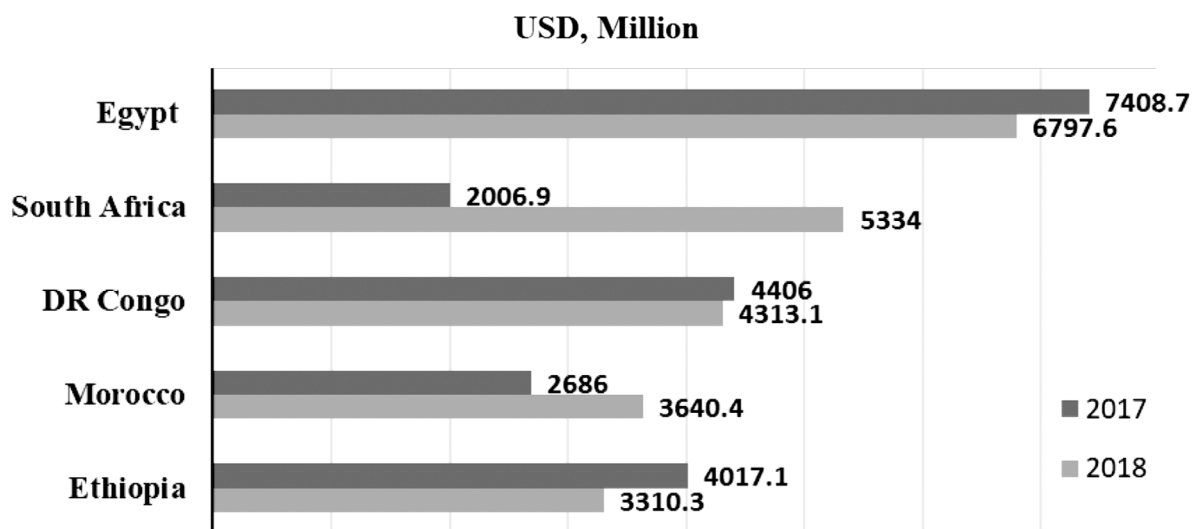

Fig. 1. African FDI inflows: top 5 recipients (\$ mln).

Source: [2].

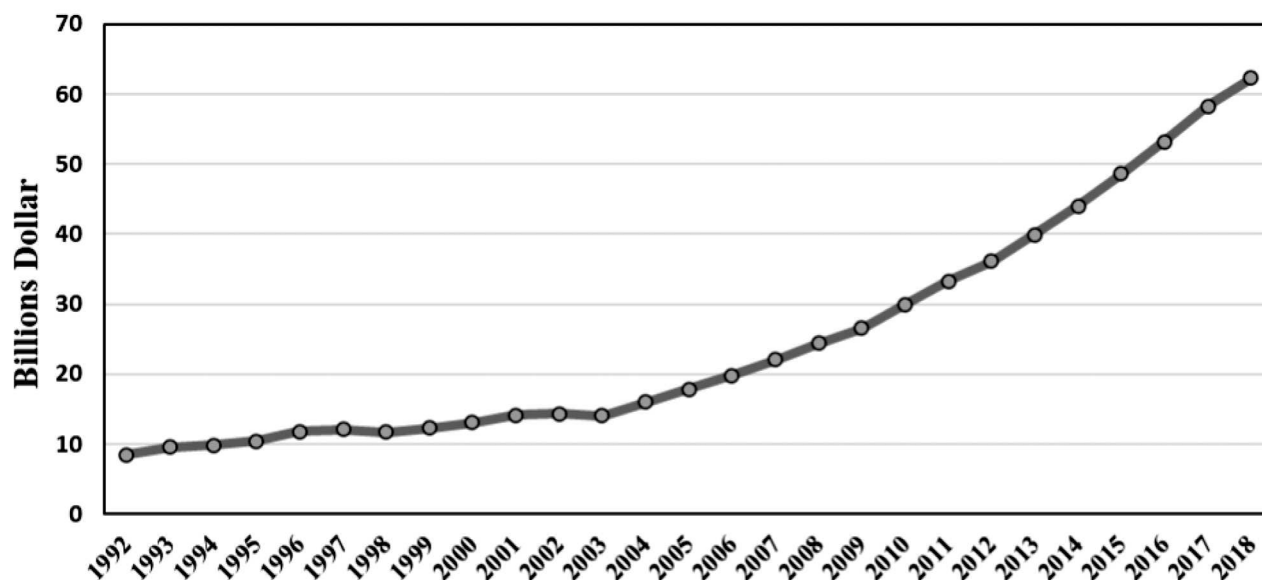

Fig. 2. GDP of Ethiopia, constant 2010 \$, billion, 1992-2018.

Source: [4].

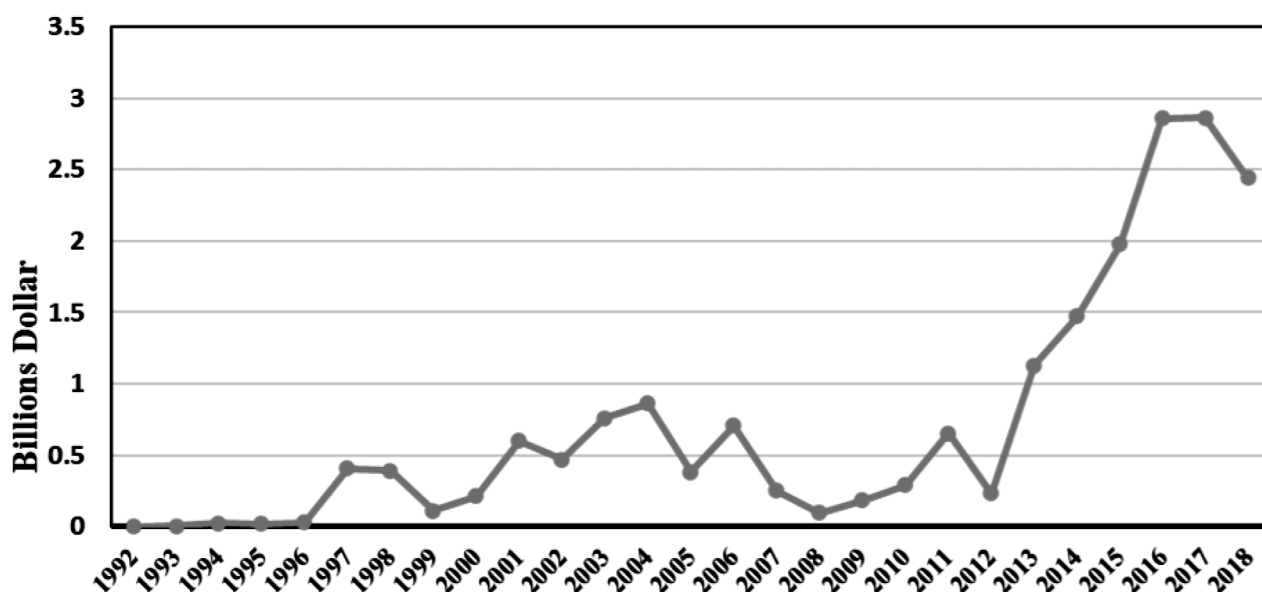

Fig. 3. FDI inflows to Ethiopia, constant 2010 \$, billion, 1992-2018.

Source: see Fig. 2.

Prime Minister of Ethiopia Abiy Ahmed, during his address at the 2018 World Economic Forum in Davos, Switzerland, promised to make Ethiopia one of the top investment destinations in the world in the coming few years by improving business climate of the country. As of now Ethiopia ranks 159 in World Bank's Doing Business Index 2018 of 190 countries. To improve this, Prime Minister Abiy has set up a team that will be led by him that will address this issue. Mainly because of its generous investment incentives, the big market with over 100 mln people and its strategic location for other markets, many

foreign investors are attracted to investing in Ethiopia [3].

FDI potentially can play an important role in enhancing the welfare of host country due to benefits related to development of industrial sector in the host country, modern technology transfer, new managerial and marketing techniques, development of skills of the local labor force, creation of job opportunities and improvement in the working condition of employees. The World Bank data shows that the inflow of FDI to Ethiopia is increasing from the period 1994 to recent, especially starting from 2012 [4].

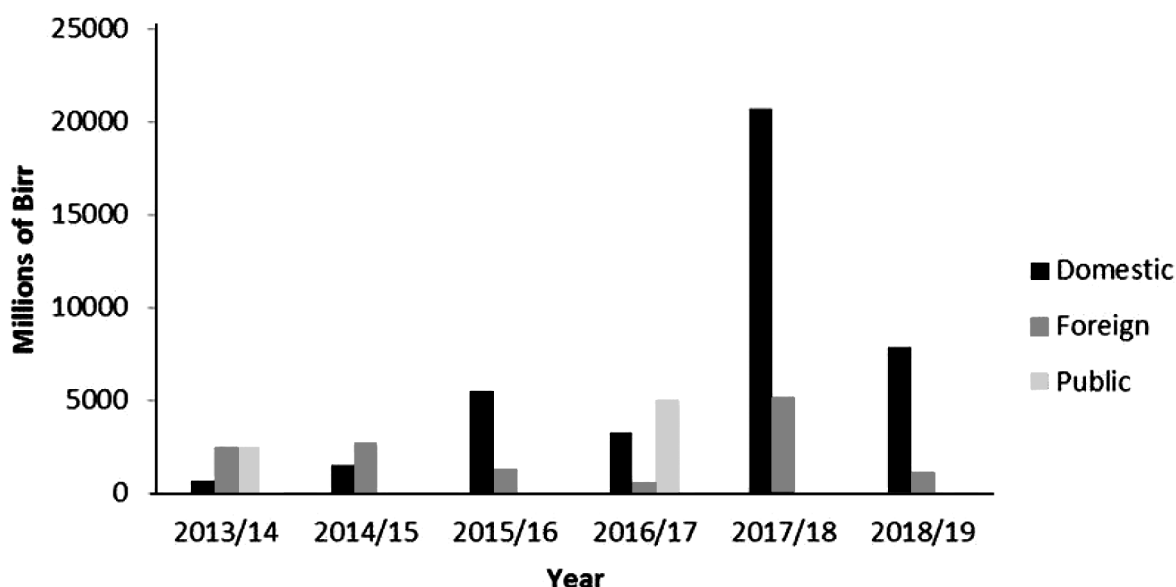

Fig. 4. Capital of Operational Investment Projects by Type.

Source: [5].

Ethiopia is among the developing countries with high rate of economic growth in the last decade. It has registered impressive GDP growth, ranging between 6% and 12%. This high growth rates have contributed to improvement of living standards of the population, an increase in per capita income as well as absolute poverty reduction. *Figure 2* shows the GDP of Ethiopia in constant 2010 \$ in 1992-2018.

Recently, evidence from UNCTAD and World Bank [1; 4] indicated a large FDI inflow to African countries, including Ethiopia. In order to attract FDI, Ethiopia took important steps towards liberalizing trade and macroeconomic policy as well as introduced some measures to improve the FDI regulatory frameworks. *Figure 3* shows the trends of FDI flows to Ethiopia which is growing starting from 2012 to recent.

Ethiopia has attracted a total FDI of \$3.75 bln in Ethiopian fiscal calendar ended July 7, 2018 and additional \$843 mln FDI in July-December 2018 [1].

The data below on the number and capital of operational investment projects in Ethiopia in 2013-2018 show that foreign capital inflow is by no means the biggest source of investment, but supplements the domestic investment in the real sector of economy of the country (see *Figure 4*).

Though the respective size of foreign direct investment is smaller than the domestic investment, it is important. The significance of FDI in terms of its impact on Ethiopian economy consists in creation of new industries, transfer of new technologies, upgrade of marketing and management practices, new jobs creation, and the other improvements.

The bulk of FDI to Ethiopia comes from China, Saudi Arabia, Turkey, India, and European Union. In 1992-2017 Ethiopia received FDI from China in amount of \$2.2 bln (24%), from Saudi Arabia - \$1.5 bln (17%), from Turkey - \$992 mln (10%), from India - \$724 mln (8%) and from the Netherlands, France, Ireland, Germany and UK - \$689 mln (7,6%) [5].

FDI to Ethiopia predominantly flow to the three major sectors of the economy: the manufacturing sector, service sector, and the agriculture sector. The Government and business sector of Ethiopia were successful in attraction of FDI to manufacturing sector, which have got about 46% of the total FDI projects over the period 1992-2016. The service sector received 39% of FDI projects - electricity generation, construction, real estate development, trade, hotel and tourism, transport, education, and health service. The agricultural sector during 1992-2016 attracted 15% of FDI projects [5].

FDI AND THE GOVERNMENT POLICY

In Ethiopia strong points to invest in the country are the fast-growing economy, with a population of around 102 mln people and an emerging middle class. Ethiopia possesses a widespread territory, rich in natural resources and fertile soil, the country has the second labor force in Africa with low salary levels. Next to Egypt, Ethiopia is the second largest market in Africa, the economy is now in a phase of diversification.

FDI into Ethiopia started to grow after the institution of democracy and the liberalization of control of the economy in 1992. The new Government sought to eliminate the constraints on FDI and to establish an enabling environment for foreign investors. In early 1998, the authorities began to promote Ethiopia more vigorously as a location for FDI. In 1999 a new investment guide for potential foreign investors in Ethiopia was published.

In 2002 an Investment Policy Review of Ethiopia was adopted. The review was focused on investment policy and gave special consideration to technological development and research to develop the potential of the agriculture sector and improve productivity. The leather and leather products sectors were also emphasized where FDI were welcomed. Investors expressed satisfaction in general with measures taken by the Government of Ethiopia to improve the regulatory environment for foreign investment. This is reflected in annual FDI inflows, which increased from an average of \$214 mln over the 1998-2002 period to average \$409 mln in 2003-2007.

Since then there are different reasons why FDI flows to Ethiopia increased continuously from 2013. The Investment Policy Review (IPR) recognized the integral role of investment promotion in increasing FDI flows to Ethiopia. To this end, the IPR made many recommendations related to investment promotion tactics the Ethiopian Investment Agency (EIA) could employ keeping in mind its limited budget and capacity constraints.

As is common in many developing countries, infrastructure can be an impediment to attracting FDI. Accordingly, the IPR made several recommendations to address the development of Ethiopia's infrastructure. Further, it encouraged increasing linkages between domestic and foreign businesses to help foster a stronger domestic private sector and increase the skills and managerial experience of domestic firms. The Government approved the Growth and Transformation Plan 2010/11 - 2014/15 (GTP) to address these issues.

After many years of search of adequate mutually beneficial regime for foreign capital, nowadays there is a relatively stable climate for investors in the country. State-led policy of FDI attraction is important part of the Government policy of economic development of Ethiopia. The Government proclaims that in Ethiopia there exist strong guarantees and protection for investors, improved economic infrastructure, a regional hub and access to a wide market, competitive incentives package and Government commitment.

Foreign investment framework and opportunities in Ethiopia provide the right to establish private entities, acquire, own, and dispose of most forms of business enterprises (except for a few strategic sectors) for both foreign and domestic investors. All land is owned by the State but can be leased for up to 99 years. Acquisition of holdings, a majority holding interest in a local company by a foreign investor is legal in Ethiopia. A foreign investor intending to buy an existing private enterprise or buy shares in an existing enterprise needs to obtain prior approval from the Ethiopian Investment Commission (EIC). Ethiopia's Investment Code prohibited foreign investment in banking, insurance, and financial services, along with the following sectors: broadcasting, air transport services (up to 50 seats capacity), travel agency services, forwarding and shipping agencies, retail trade and brokerage, wholesale trade (with some exceptions) and most import trade. Currently the Government has promised partial privatizations of state-owned monopolies in aviation, utilities, and logistics [5; 1].

Important factor, which contributes to FDI attraction is the country's success in infrastructure development and the construction of industrial parks, initiated by the Government. These parks enable investors to directly commence production in two- or three-month duration without bothering about the supply of land, water, electricity, and other infrastructures. In various corners of the country, state-of-the-art industrial parks have been constructed by the Government. Bole Lemmi-I and Hawassa industrial parks have commenced full operation while Mekelle and Kombolcha commenced production partially. Adama and Diredawa industrial parks are also in the pipelines to commence operation. Additional five industrial parks (Jimma, Debrebirhan, Bahir Dar, Bole Lemmi II, Kilinto, and Adama II) and two private industrial parks in Arareti and Diredawa are under construction [6].

Companies from China, India, Turkey and other countries plan to install big factories in Debre Birhan with a view to sell their finished products locally and internationally. Among the major companies currently in early and near completion stages of building factories are Chinese, Indian and Turkish businesses: steel casting project by *Sino Steel PLC* and a project by *Humanwell Pharmaceutical group*. Giant Turkish company *My Shoe and Leather Manufacturing PLC* are currently building factories in Debre Birhan. The joint company *Sino Steel PLC Ethiopia* is currently building a factory in Tulefa Kebela to produce rebar and angle iron. The project is equipped with advanced plant and high-quality raw billet [6].

Nowadays Government provides important incentives to foreign investors:

- Income tax exemption period for 2-6 years, and for Industrial Park enterprises and developers 8-10 years and 15 years, respectively.
- Loss carry forward.
- Export tax exemption: except for hides and skins all export products are exempted from export tax.
- Exemption from import customs duty for capital goods, construction materials, spare parts, vehicles, raw materials for export and personal effects (only for Industrial Park enterprises).
- Foreign currency retention: exporters may indefinitely retain and deposit in a bank account up to 30% of their foreign exchange earnings in foreign currency. They can also make use of the remaining 70% balance within 28 days as it is.
- No export price control is imposed by the National Bank of Ethiopia.
- Export credit guarantee scheme to ensure an exporter receives payment for goods in the event the customer defaults, reducing the risk of exporters' business and allowing it to keep its price competitive.
- Streamlined and expedited procedures of licensing, permits, registration certificates, tax identification number, customs clearance for enterprises entering parks.

Recently in collaboration with the UN agency for African economic affairs, the Ethiopia Investment Agency has launched online investors' guide that provides information on investment opportunities and procedures for investors [1].

FDI AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH

The role of FDI has been widely recognized as being a growth factor for developing countries' economies. Many economic studies conclude that FDI, being a high-quality addition to limited national physical capital, contributes to capital accumulation, technological progress, and growth of employment and, therefore, may be an important catalyst for industrial development. It is regarded as a means of transferring modern technology and innovation from developed to developing countries. FDI enables receiving countries to achieve investment levels above their domestic saving. The size of the FDI impact on developing countries' economic growth depends a lot on host country, trade regime, human capital conditions, industries characteristics, motivations for placing an investment, and on interests of all stakeholders involved [7; 8; 9].

FDI AND EMPLOYMENT

FDI is expected to play important role in jobs creation in host country. It directly generates new employment on invested firms and creates jobs indirectly through forward and backward linkages with domestic firms. Several studies have shown that transnational companies pay higher salaries than domestic firms even after controlling for firm and worker characteristics. Furthermore, the presence of multinationals generates wage spillovers: wages tended to be higher in industries and in regions that have a higher foreign presence. It positively affects incomes of working population. FDI reduces unemployment in the short and the long run [10; 11].

There was some reduction of the unemployment rate, reported by Central Statistical Agency of Ethiopia - Ethiopia's sustained growth brought down unemployment rate from 26.4% in 1999 and 17.4% in 2013 to 19.1% in 2018.

Between 1992-2016, foreign investment projects in Ethiopia created a total of 586,842 jobs, representing a significant portion of the entire jobs created during this period. Between 1992 and 2016, Ethiopia attracted over 5000 realized FDI projects in multiple sectors, creating over 282 thousand permanent jobs. In comparison, domestic private and public projects generated around of 389,876 and 4,812 jobs, respectively, during the same period.

On average each foreign project generated 235 jobs - 113 permanent positions and 121 temporary jobs. Overall, manufacturing sectors accounted for 41% of total permanent jobs created by FDI projects since 1992. The textile and apparel industry take the lion's share in employment creation largely due to the increased attractiveness of the FDI to the sectors and the labor-intensive characteristic of the industry itself [5].

FDI AND TECHNOLOGY TRANSFER TO ETHIOPIA

It is expected that technological transfer (TT) through FDI to developing countries, including Ethiopia, can help upgrade local industries their competitiveness and, finally, promote economic growth. New technologies could be transferred through training, technical assistance, through methods to upgrade the production quality, via cooperation with local industries.

A quantitative survey of the impact of FDI on TT in the Ethiopian metal and engineering industries [12] - 47 metal and engineering enterprises - indicates that the technological capability of Ethiopian industries to adopt, modify and improve a given technology is very weak,

contacts between foreign and local industries are uncooperative, the national technology policies are weak, which does not allow to benefited from the technologies brought by FDI. All in all, as of now the absorptive capacity of the Ethiopian industry is low.

Analysis of Strengths, Weaknesses, Opportunities and Threats (SWOT) for technology transfer to Ethiopia, provided by authors of “2016/17 Knowledge Sharing Program with Ethiopia” shows quite complex situation with absorption of foreign technologies brought to the country via different channels, including FDI [13, p. 46], and gives practical recommendations to policy makers for enhancing the effect of TT through incoming FDI.

The authors of the analysis recommend setting up a system to ensure TT with incoming FDI. For that they advise specifying the details of content in the technical contract for TT and negotiating them with foreign countries as contracting conditions in FDI: Free technical information; Paid technical training; Priority to the institute in the transfer company for granting technical licenses to other domestic companies; Priority to transfer companies in cross-licensing with foreign companies; Guarantee for use of certain percentage shares of domestic parts; etc. It is strongly recommended to revise the proclamation on investment (Proclamation No 769/2012) to facilitate and address problems on TT activities in Ethiopia.

FDI AND HUMAN CAPITAL ENHANCEMENT IN ETHIOPIA

Many researchers [14; 15] suggest a link between FDI and human capital enhancement via development of abilities and skills of laborers in general and on-the-job training (learning-by-doing): training programs of all types, which help acquiring knowledge and skills, especially in new technologies usage, increase the productivity of labor.

Ethiopia has devoted big resources to develop education and health sectors aiming at later increasing productivity and economic growth. Foreign companies and organizations in different forms participate in these activities: there are foreign private initiatives, especially from big companies, and projects, implemented together with international organizations and Ethiopian Government. They discuss the skills transfer by foreign investors to Ethiopian labor force in different industries (the footwear, auto assembly/parts, textiles, industrial materials, construction, and logistics sectors) and come to conclusion that the efforts of foreign investors on company level are not sufficient, and that targeted policy implementation

by the Ethiopian Government to enforce skills transfer by foreign investors is needed. It will go through building joint activities of foreign companies with local, foreign and international training institutions.

The example of such international cooperation between foreign and local investors can be the project “Establishment of a vocational training center in Mekelle for skilled workers and managers in the textile sector”, commissioned by German Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ), with partner *H&M Hennes & Mauritz AB, DBL Group*. The goal of the project is to prepare well-trained national skilled workers and managers to boost growth in the Ethiopian textile sector. The plan is to set up the ‘Centre of Excellence for the Textile Industry’ at which prospective specialists and managers will complete training in accordance with international standards. The partner companies will provide the necessary machinery in the *DBL* premises at the Mekelle Industrial Park and pass on their industry knowledge. The project partners will also develop needs-based training documents for junior and senior management positions, and skilled workers, such as mechanical engineers and quality experts [16].

Nowadays, new forms of business training, implemented by foreign companies, appear. Among recent announced initiatives worth mentioning the *Alibaba Netpreneur Training Program (Alibaba-Group, China)*, an ecommerce training program, which targets entrepreneurs and business owners in Ethiopia. This program is part of the agreements signed between the Government of Ethiopia and Alibaba Group announcing the establishment of an *eWTP Hub* in Ethiopia in 2020 [17].

FDI AND EXPORT PROMOTOION

In 2018 the export of Ethiopia accounted for 8.38% and the import 22.8% of GDP, so the total foreign trade represented around 31% of GDP, which characterizes Ethiopia as a small open economy.

Ethiopia’s export sector remains particularly small - total goods and services exports do not exceed 10% of GDP. The major export items of Ethiopia in 2018-2019 were: coffee (28.7%), oilseeds (14.5), chat (11.4), pulses (10.2), flower (9.6, leather and leather products (4.4%) The major destinations for Ethiopian merchandise export were Asia (41.6%), Europe (25.4), Africa (20.8), and America (11.3%) [19, pp. 77, 84].

As can be seen from these data, the spectrum of exported goods is quite narrow and is limited to agricultural commodities. A decline in export value

in 2011-2017 was mainly due to disadvantageous international commodity price fluctuations and few commodity choices for export. Diversification of production and export is needed and in this respect FDI to Ethiopian economy could play a positive role.

FDI to Ethiopian economy affect the economic growth of the country not only through capital formation, but also through impact on export and import of goods and services. The impact of FDI on export of Ethiopia was studied by Ethiopian economists Mahmoodi [20], Tadesse [21], and others. It is recognized that foreign direct investors potentially affect the host economy through firms' capacity building, technological transfer, upgrading of production, management and marketing skills of locals, organization of export production and sales on international markets. At the same time, foreign firms compete with local producers and may crowd them out of the domestic and international markets. Foreign producers also compete for financial resources on domestic market, use benefits, which the Ethiopian Government provides to attract FDI.

FD investors demonstrate entire spectrum of strategies in their export production and sales in international markets. The cases of traditional Ethiopian leather and leather products industry and a new cut flower industry, established by foreign investors from the scratch, show these differences.

Ethiopian researcher Tessema [22] notes that in leather industry FDI exporting firms do as much processing as possible outside Ethiopia. Partially this is due to bureaucratic climate, difficulties with logistics network, industrial norms and safety requirements, which they try to overcome. Some leather companies either import semi-processed inputs into the country or only export semi-finished products to ensure smooth final delivery of products to their destination. At the same time, using their technical and business superiority they crowd out local producers from traditional exporting activities. This reduces the positive effect of export oriented FDI on economic development in Ethiopia.

On the other hand, the Ethiopian flower industry, which emerged with FDI support in the late 1990s, represents an extraordinarily fast and successful diversification into a non-traditional export product. Ethiopia has become the 4th largest non-EU exporter to the EU cut-flower market and the 2nd largest, after Kenya, flower exporter from Africa, exporting to the Netherlands, France, Germany, Italy, Canada, Norway, Sweden, UK, the Middle East, and other countries.

The original driving force for the development of this industry was FDI. Foreign investors, initially Dutch investors, brought this business to Ethiopia. They participated in creation of the cut flower value chain: (1) organized of production for export; (2) organized trade - two thirds of the total Ethiopian export went to the Dutch market via its two auctions, *VBA* and *FloraHolland*; (3) established key institutions for Ethiopian flower industry [23]. Later, many domestic and foreign investors entered this industry and promoted competition. Industry players use all domestic comparative advantages - favorable climate, soil, cheap labor, multiple investment benefits provided by the Government to develop efficient and profitable industry, which creates jobs and provides export revenues to the country. There are projections for further future growth of floriculture in Ethiopia.

Proper strategy, norms, regulation, and adequate support by Ethiopian Government are needed to explore positive effects of FDI activity in the country.

CONCLUSIONS

In this study the impact of FDI on economic development of Ethiopia was analyzed. The role of FDI has been widely recognized as being a factor of the economic growth of developing countries. Analysis performed in this paper shows that there is an intensification of activity of FDI from China, India, Turkey, Saudi Arabia, the European Union.

Steady growth of FDI inflows observed in Ethiopia is largely due to the active stimulating role of the Government. The active development of infrastructure and industrial parks attracts foreign companies to build modern plants with advanced equipment and technologies.

Sector analysis shows that FDI has an important impact on employment via job creation in launched greenfield projects and spillover effects in related value chain industries. New industries, like cut flowers industry, are created from the scratch. Production plants based on FDI bring positive fruits in the form of technology transfer, human capital enhancement through training of skilled workers and wider "learning-by-doing". New forms of business training, like, for example, ecommerce training program are commenced. The export promotion by FDI-based firms is another positive feature of their activities.

At the same time tougher competition in traditional industries, for example, leather industry leads to some crowding out of local firms from exporting business.

Attraction of more FDI to solve the problems of economy diversification, unemployment, human capital enhancement, technology transfer and foreign trade promotion is important. To attract more FDI and absorb properly its potential positive effects as well as suppress undesirable ones, a solid policy framework to create conducive environment for investment in national interests is needed.

References

1. World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies. UNCTAD. UN publication, Geneva. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (accessed 05.03.2020)
2. Foreign direct investment to Africa defies global slump, rises 11%. UNIDO, 25 June, 2019. <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2109> (accessed 05.04.2020)
3. Ethiopia attracts \$843 mln foreign direct investment. New Business Ethiopia Portal. January 25, 2019. <https://newbusinessethiopia.com/investment/ethiopia-attracts-843-mln-foreign-direct-investment/> (accessed 05.03.2020)
4. World Development Indicators 2019 data. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=ET> (accessed 05.03.2020)
5. Ethiopian Investment Commission 2018. <https://www.state.gov/reports/2018-investment-climate-statements/ethiopia/> (accessed 05.03.2020)
6. Ethiopia's Astounding Achievement in Attracting FDI. <https://allafrica.com/stories/201805310455.html> (accessed 05.03.2020)
7. Selamawit B.W. (2015). Foreign direct investment and economic development in Ethiopia. Applied Economics and Finance, Copenhagen Business School, Master Thesis. https://studenttheses.cbs.dk/bitstream/handle/10417/5863/selamawit_berhe_woldekidan.pdf?sequence=1 (accessed 05.03.2020)
8. Zhang K.H. (2001). Does foreign direct investment promote economic growth? Evidence from East Asia and Latin America. *Contemporary Economic Policy*. Vol. 19, No. 175-185. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/2616/1/kd380.pdf> (accessed 05.03.2020)
9. Nunnenkamp P. (2001): Foreign direct investment in developing countries: What policymakers should not do and what economists don't know. *Kieler Diskussionsbeiträge*, No. 380. Kiel Institute for the World Economy (IfW), Kiel. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/2616/1/kd380.pdf> (accessed 02.03.2020)
10. Lipsey R.E., Mucchielli J.L. (2002). Multinational Firms and Impacts on Employment, Trade Technology: New perspectives for a new century. London and New York: Routledge. <https://www.routledge.com/Multinational-Firms-and-Impacts-on-Employment-Trade-and-Technology-New/Lipsey-Mucchielli/p/book/9780415270533> (accessed 05.03.2020)
11. Stamatiou P., Dritsakis N. (2014). The Impact of Foreign Direct Investment on the Unemployment Rate and Economic Growth in Greece: A Time Series Analysis. https://www.researchgate.net/publication/273909610_The_Impact_of_Foreign_Direct_Investment_on_the_Unemployment_Rate_and_Economic_Growth_in_Greece_A_Time_Series_Analysis (accessed 05.03.2020)
12. Lemma Y., Kitaw D., Gatew G. (2014). Impact of Foreign Direct Investment on Technology Transfer in the Ethiopian Metal and Engineering Industries. *International Journal of Scientific & Technology Research*. Vol. 3, Iss. 4, April 2014. <http://www.ijstr.org/final-print/apr2014/The-Impact-Of-Foreign-Direct-Investment-On-Technology-Transfer-In-The-Ethiopian-Metal-And-Engineering-Industries.pdf> (accessed 01.03.2020)
13. 2016/17 Knowledge Sharing Program with Ethiopia. Gearing up Ethiopia with Innovative Initiatives: Technology Transfer, Manufacturing, Urban Planning. http://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/15366/2016_17_Knowledge_Sharing_Program_with_Ethiopia&pg=5&pp=10&mcd=002003 (accessed 01.03.2020)
14. Fei Ding (2018). Work, Employment, and Training through Africa-China Cooperation Zones: Evidence from the Eastern Industrial Zone in Ethiopia. Working Paper No. 2018/19. China Africa Research Initiative, School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University. Washington, DC. <http://www.sais-cari.org/publications> (accessed 05.03.2020)
15. Training of skilled workers and managers for the textile industry (Ethiopia). (2018) UNIDO. <https://www.unido.org/stories/hands-training-ethiopia-partnering-better-future> (accessed 05.03.2020)
16. Establishment of a vocational training centre in Mekelle for skilled workers and managers in the textile sector. German Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ). 2018. <https://www.giz.de/en/worldwide/68989.html> (accessed 20.03.2020)
17. Alibaba Invites Ethiopian Entrepreneurs, Businesses for Free Training. 2020. <https://newbusinessethiopia.com/technology/alibaba-invites-ethiopian-entrepreneurs-businesses-for-free-training/> (accessed 05.03.2020)
18. World Bank data (2019). <https://www.mdpi.com/2227-7099/6/4/64/htm#> (accessed 05.03.2020)
19. National Bank of Ethiopia Report 2018-2019. <https://nbebank.com/wp-content/uploads/pdf/annualbulletin/report-2018-2019.pdf> (accessed 05.03.2020)
20. Mahmoodi M., Mahmoodi E. (2016). Foreign direct investment, exports and economic growth: evidence from two panels of developing countries. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. 29(1): 938-949. January 2016. https://www.researchgate.net/publication/311851803_Foreign_direct_investment_exports_and_economic_growth_Evidence_from_two_panels_of_developing_countries (accessed 06.03.2020)
21. Tadesse G.G. (2017). The Role of foreign direct investment for the export growth of leather industry in Ethiopia. Master thesis. <http://etd.aau.edu.et/bitstream/handle/123456789/8894/Tadesse%20Gurmu.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 06.03.2020)
22. Tessema W.K. (2019). Impact of Foreign Direct Investment on Export Performance: The Case of Ethiopia. Master thesis. <https://thekeep.eiu.edu/theses/4443/> (accessed 06.03.2020)
23. Melese A.T., Helmsing A.H. Endogenisation or Enclave Formation? The Development of the Ethiopian Cut Flower Industry. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 48, No. 1 (March 2010), pp. 35-66. <https://www.jstor.org/stable/40538347?seq=1> (accessed 06.03.2020)

DOI:10.31857/S032150750010450-7

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ТРАНСФЕРТА ТЕХНОЛОГИЙ СТРАН-ЛИДЕРОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАН АЗИИ

© 2020 Ю. СОЛОВЬЁВА

СОЛОВЬЁВА Юлиана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (jouliana_sol@mail.ru)

Резюме. В статье рассматриваются особенности формирования и развития национальных инновационных систем (НИС), трансферта технологий стран-лидеров технологического развития стран Азии. Автор проводит анализ с учетом их регионального распределения. Делается вывод о поиске региональными лидерами путей повышения эффективности инновационной составляющей, трансферта технологий, формирования организационной системы, ориентированной на обеспечение процесса получения и реализации результатов научных исследований и разработок.

Ключевые слова: национальная инновационная система, экономическое развитие, страны Азии, трансферт технологий, научно-технологическое развитие

NATIONAL TECHNOLOGY TRANSFER SYSTEMS OF THE LEADING TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT COUNTRIES: REGIONAL FEATURES OF ASIAN COUNTRIES

Yuliana V. SOLOVIEVA, PhD (Economics), Associate Professor, National economy Department, RUDN University (jouliana_sol@mail.ru)

Abstract. The article considers features of formation and development of national innovation systems (NIS), transfer of technologies of the leading countries of technological development of the countries of Asia. The author analyses the innovation and technological systems of the leading countries taking into account their regional distribution, namely: Each region (Central and Southern Asia; South East Asia, East Asia, and Oceania; Northern Africa and Western Asia) has its own leader, whose innovation system is influenced by regional characteristics (climatic, cultural, socio-economic, etc.). All these countries have made their way towards the formation of the NIS, a technology transfer system based on national, cultural, economic, geographical and other features. On the basis of the research carried out, we conclude that the governments of all countries - regional technological leaders come to the realization of the need to increase the efficiency of the innovation component, transfer of technologies, which contributes to the formation of the necessary organizational system aimed at ensuring the process of obtaining, implementing and disseminating the results of scientific research and development with the involvement of all participants of the innovation process - state, science, education, business. At the same time, the creation of a system based on the integration of scientific, educational and production spheres will lead to the creation of competitive high-tech products, further high status of countries in the world technology market.

Keywords: national innovation system (NIS), economic development, countries of Asia, technology transfer, scientific and technological development

Экономическое развитие любого государства зависит от многих факторов, влияющих не только на увеличение реальных объемов производства, но и на экономический рост, в целом, повышение его качества. По мере развития экономик происходит корректировка перечня этих факторов, оценка и переоценка их важности. Для большей части стран - технологических лидеров приоритетными направлениями становятся развитие инновационной сферы, экономики знаний, технологического трансферта. Необходимо отметить, в условиях современных социально-экономических трансформаций именно уровень развития национальной инновационной системы создает мировое экономическое превосходство страны.

Для выявления инновационного развития государств, в т.ч. с целью оценки их потенциала, журнал «Economist Intelligence Unit» ежегодно проводит расчет Глобального инновационного индекса (Global Innovation Index - GII).

В 2019 г. исследование охватило 129 стран, являющихся в совокупности производителями 99% мирового ВВП (см. табл. 1). Рейтинг на протяжении 9 лет возглавляет Швейцария. Россия, находившаяся в 2013 г. на 62-м месте, последние два года занимает 46-ю позицию.

При расчете Индекса страны подразделяются на регионы, в каждом из которых выделяется свой лидер (см. табл. 2).

Учитывая динамику экономического и научно-технологического развития стран Азии, рассмотрим особенности формирования национальных инновационных систем (НИС) стран - технологических лидеров, представляющих данный регион. В соответствии с GII, к ним относятся страны, представленные в табл. 3. Каждая из них прошла свой путь формирования НИС, технологического трансфера. Рассмотрим ключевые особенности основных лидеров.

Модель Сингапура. Формирование национальной инновационной системы Сингапура нача-

Таблица 1

Глобальный инновационный индекс (некоторые страны), 2019 г.

Рейтинг общий	Страна	Индекс	Рейтинг в регионе	Регион
1	Швейцария	67,24	1	Европа
2	Швеция	63,65	2	Европа
3	США	61,73	1	Северная Америка
4	Нидерланды	61,44	3	Европа
5	Великобритания	61,30	4	Европа
8	Сингапур	58,37	1	ЮВА, Восточная Азия и Океания
15	Япония	54,68	5	ЮВА, Восточная Азия и Океания
46	Россия	37,62	31	Европа
100	Таджикистан	26,43	6	Центральная и Южная Азия
129	Йемен	14,49	19	Северная Африка и Западная Азия

Источник: [27].

Таблица 2

Региональное распределение стран-лидеров в соответствии с ГИ, 2019 г.

Регион	Страна-лидер региона	Индекс	Место в общем рейтинге
Европа	Швейцария	67,24	1
Северная Америка	США	61,73	3
ЮВА, Восточная Азия и Океания	Сингапур	58,37	8
Северная Африка и Западная Азия	Израиль	57,43	10
Латинская Америка и Карибский бассейн	Чили	36,64	51
Центральная и Южная Азия	Индия	36,58	52
Африка южнее Сахары	Южная Африка	34,04	63

Составлено автором по: [27].

Таблица 3

Страны-лидеры Азии в соответствии с ГИ, 2019 г.

Регион	Страна	Индекс	Место в общем рейтинге	Рейтинг в регионе
ЮВА, Восточная Азия и Океания	Сингапур	58,37	8	1
	Республика Корея	56,55	11	2
	Гонконг	55,54	13	3
	Китай	54,82	14	4
Северная Африка и Западная Азия	Израиль	57,43	10	1
	Кипр	48,34	28	2
	ОАЭ	42,17	36	3
Центральная и Южная Азия	Индия	36,58	52	1
	Иран	34,43	61	2
	Казахстан	31,03	79	3

Составлено автором по: [27].

лось в конце 1970-х гг., когда правительство страны в качестве приоритетной задачи определило для себя развитие наукоемких отраслей. В результате принятия решения о необходимости создания инновационной инфраструктуры, на базе Сингапурского университета в 1981 г. происходит организация первого научно-производственного парка страны, ставшего в дальнейшем ведущим инновационным центром Сингапура и крупнейшим центром разработок промышленных технологий.

В дальнейшем в качестве приоритетных направлений исследований и разработок правительство Сингапура выбрало биотехнологии, медицину, биохимию, микробиологию, генетику, зоологию.

Научно-промышленные парки страны внесли существенный вклад в реализацию национальных программ развития. Основой формирования высокотехнологичных компаний страны и центром ряда национальных программ и НИОКР, направленных на развитие приоритетных для страны отраслей (биомедицина, информационные технологии, разработка программного обеспечения, телекоммуникации, электроника, продовольственные технологии, химия и материалы), стал Научный парк Сингапура (*Singapore Science Park*).

В 2000 г. правительство реализует новый технопарковый проект - *One-North Science Habitat*, направленный на создание многостороннего научно-исследовательского сообщества. Формируются две технопарковые структуры: *Biopolis* - специализирующийся на биотехнологиях, и *Fusionopolis* - ориентированный на информационные и фундаментальные науки [1].

Организациям, принимающим участие в развитии технопарковых структур, государство предоставляет целый ряд льгот (снижение вдвое налога на прибыль при инвестировании ее в научно-исследовательскую деятельность; льготный налог на строительство и эксплуатацию промышленных сооружений на территории научно-производственного парка и др.).

Правительство Сингапура планирует «увеличить количество технопарков с ориентацией на создание и развитие современных технологий производства сельскохозяйственной продукции. Ее поставки на экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а также новых разработок и технологий - в перспективных планах» [22].

Модель Республики Корея. Инновационная система Кореи начала формироваться в 1960-е гг. Первоначально политика государства была направлена на индустриализацию страны, развитие

и укрепление импортозамещающих отраслей промышленности. Модель технологического развития носила «догоняющий» характер, в основе которого стояла имитация технологий в определенных правительством отраслях. Существенной составляющей такой модели явилось ограничение доступа иностранных прямых инвестиций в определенные ниши с той целью, чтобы «конгломераты сформировали и контролировали всю цепочку производства внутри страны» [21].

Для этого в указанный период создается Кореяский институт науки и технологий (*KIST*), Кореяского ведущего научно-технического института (*KAIST*). В 1967 г. происходит несколько знаковых событий: создается Министерство науки и технологий, принимаются Закон об образовании и Закон о стимулировании науки и технологий.

В 1970-е - 1980-е гг. формируются крупные финансово-промышленные группы - *чеболи* как результат государственной политики, направленной на поддержку приоритетных отраслей промышленности (нефтехимия, электроника, автомобилестроение и др.) [подробнее см.: 13], привлечение иностранного капитала, инвестирование средств в стратегически важные отрасли, финансирование государством исследовательских институтов. В этот же период создается ряд НИИ: электроники и телекоммуникаций, машиностроения и металлов, химических технологий, исследований в области энергии и др.

В 1980-е гг. основное внимание в инновационной политике РК уделяется сближению науки и реального сектора экономики «через создание центров трансферта собственных научных технологий, технополисов и создание технологических кластеров, предоставление компаниям налоговых преференций при проведении НИОКР» [6, с. 102].

В 1982 г. для поддержки взаимодействия государственных и частных компаний в развитии высоких технологий запускается Национальная программа НИОКР. С середины 1980-х гг. принимаются меры, направленные на развитие высокотехнологичных отраслей, создание научных и технологических парков¹. В этот период инвестиции в НИОКР частного сектора начинают преобладать над государственными. Так, с 2007 г. более 80% расходов на НИОКР стали осуществляться частными компаниями [6, с. 99].

В 1990-е гг. начался период значительных перемен в научно-технологической сфере: принимается специальный закон о научных и технологических инновациях, положено начало формированию 5-летних планов научных и технологических

¹ Подробнее о технопарках Республики Корея см.: [12].

инноваций, разрабатывается ряд программ (Национальный проект высоких технологий в области НИОКР, Творческая исследовательская инициатива и др.).

В 1998 г. правительство РК с целью формирования конкурентной среды осуществило реструктуризацию государственных исследовательских центров. Все это привело к формированию своеобразной системы партнерства (государство - внутренний капитал - иностранный капитал), при которой государство, соблюдая интересы всех участников, имеет приоритетный статус в принятии решений.

В 1999 г. впервые принимается стратегическая инициатива - «Долгосрочный прогноз развития науки и технологий до 2025 г.», для реализации которой поэтапно (2003, 2008, 2013 гг.) вводятся Базовые планы науки и технологий.

В результате проведенных реформ, по данным *Bloomberg Innovation Index 2019*, Республика Корея занимает 1-е место в мире среди 50 наиболее развитых инновационных держав [18].

Гонконг. На формирование инновационной системы Гонконга наложили отпечаток как исторические (отторжение в XIX в. от Китая и превращение в колонию Великобритании), так и пространственно-географические факторы, обусловленные интересами ряда стран (Китая, стран Восточной и Юго-Восточной Азии, Европы и США).

На формирование НИС значительно повлияла экономическая интеграция Гонконга с южными провинциями Китая, под юрисдикцию которого он перешел в 1997 г. Это сопровождалось усилением интернационализации производства, структурной перестройкой экономик обеих стран и переносом ряда современных производств на территорию Гонконга.

Основы сложившейся инновационной системы были заложены в 1960-е гг., в период трансформации технической инфраструктуры страны, когда Промышленным советом Гонконга была принята Концепция технологического развития. В ней отразилась актуальная на тот момент составляющая, а именно - необходимость заимствования, совершенствования и реализации ввозимых из-за рубежа технологий. При этом в Концепции подчеркивалась значимость государственной поддержки технологического обновления собственной экономики.

Азиатский финансовый кризис 1998 г. затронул все страны региона, что повлекло к изменениям в подходах к развитию инновационной системы Гонконга. Возникла необходимость в разработке нового механизма стимулирования экономического роста.

Для разработки государственной политики в сфере инновационного и научно-технологического развития в том же году создается Комиссия по инновациям и технологиям, подготовившая предложения по трансформации страны в центр развития инноваций и технологий мирового уровня по ряду направлений (медицина, фармацевтика, информатика, коммуникации и др.). Для финансирования конкретных проектов в 1999 г. формируется Фонд инноваций и технологий Гонконга. Уже к 2003 г. было получено 1498 заявок (на общую сумму \$5 млрд), из которых 338 проектов получили одобрение для финансирования на общую сумму \$854 млн [4]. Отобранные проекты были нацелены на реструктуризацию промышленности, сферы услуг и технологические инновации. Позднее были созданы Фонд прикладных исследований, Совет Гонконга по производству, Совет по профессиональному обучению.

После кризиса 1998 г. пришло осознание необходимости формирования целостной, интеграционной системы трансферта знаний и технологий, позволяющей преобразовывать новые знания в научно-техническую продукцию, в которой нуждается общество и экономика. В связи с этим государство начинает активно поддерживать программы, направленные на доведение результатов исследований до стадии коммерциализации, создание посевных фондов, занимающихся финансированием начальных стадий технологического бизнеса.

В этот же период, как результат государственной поддержки научно-технического бизнеса, создается Научно-технологический парк Гонконга с рядом исследовательских центров и инкубаторов. В 2001 г. в качестве базового института НИС Гонконга формируется Корпорация научных и технологических парков.

Как отмечает директор Научно-технологического парка Гонконга Э.Тан, принцип «разработано в Гонконге - сделано в Китае» удалось успешно реализовать многим компаниям-резидентам парка. В частности, по этой схеме выстроен бизнес компании *Sensixa*, являющейся производной Лондонского Королевского колледжа. *Sensixa* разрабатывает и изготавливает контактные сенсоры, способные отслеживать степень физических нагрузок и состояние организма пациента. НИОКР-центр в Гонконге позволил компании в сжатые сроки вывести свой продукт на рынок Юго-Восточной Азии за счет низкой стоимости производства в континентальном Китае. В 2010 г., разработанный компанией *Bluetooth* сенсор, носимый за ухом, был признан консорциумом *Bluetooth Special Interest Group* лучшей разработкой года в мире [5].

Китайская модель. Инновационная система Китая сформировалась как результат проведенных в 1970-1980 гг. реформ, на базе которых были приняты национальные программы развития.

Принятая в 1986 г. государственная программа развития науки и высоких технологий - «Программа 863» определила приоритетные для страны направления: энергосберегающие технологии и медицина, генная инженерия и биотехнологии, космос, информатика, микроэлектроника, опτικο-волоконные технологии.

Программа была направлена на поддержку исследований (как фундаментальных, так и прикладных), разработку новых технологий на базе развития традиционных отраслей. Реализация этой программы шла довольно эффективно. Так, за 10 первых лет ее функционирования было зарегистрировано свыше 1000 важнейших научно-технических достижений, из них 560 разработок получили мировое признание, 73 удостоены государственных премий, 266 запатентованы за рубежом [9].

Следующей национальной программой развития явилась ориентированная на коммерциализацию и индустриализацию наукоемких технологий программа «Факел».

Постановлением Государственного совета Китая в 1988 г. утверждается создание первого технопарка - Экспериментальной пекинской зоны развития высоких технологий (позднее переименован в Научно-технологическую зону Чжунгуаньцунь, или сокращенно *Z-park*) [29]. Расположение *Z-park* на северо-западе Пекина было ориентировано на близлежащие научно-технические лаборатории (более сотни) и крупнейшие вузы Китая - Пекинский университет и университет Циньхуа. Эти структуры и стали опорными элементами технопарка, обеспечивая как научные разработки, так и их практическое применение, продвижение компаниями, подготовку квалифицированных кадров для высокотехнологичного бизнеса.

Интеграционная составляющая в Китае имеет территориальную организацию, в основе которой лежит разделение на сформированные в середине 80-х гг. XX в. зоны развития новых и высоких технологий (ЗРНВТ), представляющие собой научно-технологические парки. Сейчас в Китае таких зон насчитывается 120, в числе которых 53 - стратегического назначения [29].

Среди китайских ЗРНВТ можно выделить зоны, расположенные в центральных районах (Пекин, Шеньян), а также в приморских районах (Шанхай, Хайнань). В одном из центральных районов расположен второй по величине и значимос-

ти технопарк Китая - «Наньху», получивший государственный статус в 1991 г. Шеньян, на территории которого находится этот технопарк, располагает 12 вузами, 30 НИИ, 210 научно-исследовательскими лабораториями, функционируют 220 предприятий новых и высоких технологий (30 из них с участием иностранного капитала). За время существования зоны разработано и внедрено в производство около 600 новых видов высокотехнологичной продукции [9].

Государственная политика Китая направлена на всемерную поддержку предприятий новых и высоких технологий, технопарковых структур, эффективное развитие экономики страны, ориентирующейся на собственный научно-технический потенциал. Так, согласно национальной программе, принятой в 2006 г., государственные органы обязаны выделять определенную долю своих расходов на продукцию только инновационных китайских компаний (независимо от выгоды таких покупок). В соответствии с новыми правилами, государственные органы могут закупать иностранную продукцию, только если нет ее альтернативы в Китае [3].

Израиль. Формирование национальной инновационной системы происходило в стране в несколько этапов. Отправной точкой будем считать создание Политехническим институтом г. Хайфы (Технион) Фонда по НИОКР. В связи с все возрастающей потребностью в коммерциализации новейших технологий, в 1959 г. Институт им. Х.Вейцмана создает компанию *Yeda*, деятельность которой направлена на коммерциализацию высокотехнологичной продукции, создаваемой ее сотрудниками.

Ключевым моментом в формировании НИС страны стала организация при Министерстве промышленности и торговли в 1969 г. Офиса главного ученого (*Office of the Chief Scientist - OCS*), осуществляющего политику, направленную на поддержку исследований и разработок в промышленности.

Следующий период, продолжавшийся до середины 1980-х гг., сопровождался созданием и развитием бизнес-сектора, способного к проведению исследований и разработок, а также проведением реструктуризации военно-ориентированной электронной промышленности, запуском программы *BIRD (Israel - U.S. Binational Industrial Research and Development Fund)*, стимулирующей совместные исследовательские проекты Израиля и американских компаний.

В 1985 г. в силу вступает Закон поощрения промышленных НИОКР. В соответствии с его нормами усилилась роль частных компаний

и конкурентный подход к коммерциализации научных разработок. Офис главного ученого был закреплён в качестве базового государственного органа поддержки частной инициативы в области высоких технологий, основной задачей которого стало активизация программы содействия развитию соответствующего бизнеса.

В период 1986-1992 гг. происходит развитие модели стартапов и начало венчурной активности. Наблюдается накопление критической массы проектов - около 300 стартапов, которые впоследствии предъявляли спрос на венчурный капитал и способствовали развитию индустрии не только «сверху» (по инициативе государства), но и «снизу» (по инициативе проектов, бизнеса, отдельных людей). В этот период происходит увеличение объема грантового финансирования НИОКР и стартапов (на 66%), стимулирование международных связей, создание технологических инкубаторов. Наблюдаются законодательные инициативы по либерализации валютного рынка и рынка капитала.

В 1990-е гг. в стране развивается венчурный сектор, происходит быстрый рост высокотехнологичного кластера, реализуется программа *Yozma* (1993-1998 гг.). Расходы на грантовые программы и поддержку инкубаторов значительно увеличились.

Начиная с 2001 г. и по настоящее время в Израиле наблюдается кризис высокотехнологичного сектора и восстановление рынка венчурного капитала. Осуществляется финансирование проектов посевной стадии посредством создания специальных фондов. Начинается приватизация технологических инкубаторов. Происходит диверсификация высокотехнологичного кластера и венчурного сектора.

Рассматривая особенности формирования НИС Израиля, отметим ее центральное ядро - малые инновационные компании. В пересчете на душу населения государство обладает наибольшим количеством стартапов - приблизительно 1 на 1970 человек [8, с. 49]. Сфера деятельности и интересов компаний включает в себя практически весь высокотехнологичный спектр: информационные технологии и программное обеспечение, электронику, био- и интернет-технологии, полупроводниковая продукция, альтернативные источники энергии и др.

Научно-исследовательская сфера в Израиле имеет значительную господдержку, осуществляемую ОСС и его подразделениями в ключевых министерствах страны: сельского хозяйства и развития деревни, коммуникаций и защиты тыла, обороны, образования, защиты окружающей среды;

здравоохранения; иммиграции и абсорбции, экономики, и др.

Структурным элементом, задействованным в развитии научно-инновационной сферы страны, является Комиссия по планированию и бюджету Совета по высшему образованию. Ее деятельность направлена преимущественно на взаимодействие между государственными органами и университетами, в т.ч. координацию между ними финансовых вопросов. Помимо этого, Комиссия участвует в деятельности форума ТЕЛЕМ, в который входит ряд министерств и ведомств, координирующих свои действия по развитию инновационной инфраструктуры в стране [8]. Таким образом, она оказывает существенное влияние на формирование устойчивых интеграционных связей между сферами науки, образования, прикладными промышленными НИОКР и институтами государственной власти.

Наиболее перспективными источниками разработки, создания и трансфера высокотехнологичной продукции в Израиле считаются исследовательские центры вузов, на протяжении десятилетий являющиеся интегральной частью научно-технологического комплекса страны. Характерной особенностью компаний технологического трансфера, созданных при израильских университетах, является наличие не только ученых, но и активное участие специалистов из разных сфер бизнеса и производства. Это дает возможность решения сразу нескольких важных проблем. Так, разработчикам и создателям новой технологии не надо заниматься поиском финансов и возможностей реализации своей продукции, а инвесторы при этом сокращают свои финансовые и временные издержки, связанные со сложным процессом поиска и отбора проекта для инвестирования. Таким образом, происходит стимулирование как научно-исследовательской работы, так и предпринимательской активности участников инновационного процесса на рынке высоких технологий Израиля.

В настоящее время в Израиле существует 17 компаний трансфера технологий. С 2004 г. по инициативе Американо-израильской комиссии по науке и технологиям (*U.S.-Israel Science and Technology Foundation - USISTF*) «большинство из них объединены в зонтичную структуру *«Israel Technology Transfer Network»*, занимающуюся лоббированием их интересов в различных государственных структурах страны, а также способствующую продвижению их портфельных технологий за ее пределами» [17].

Из описанной структуры выделяется созданный в начале 1980-х гг. центр трансфера техно-

гий «*Rotem*» [23]. Его особенность состоит в изначальной независимости от любых структурных единиц, участвующих в инновационном процессе (университетов, НИИ и др.), и самостоятельном поиске научно-исследовательских разработок для последующей их коммерциализации.

Инновационная система Израиля развивается довольно быстрыми темпами и имеет все предпосылки для сохранения статуса одной из стран - технологических лидеров. Так, по данным Министерства экономики и промышленности, процент израильтян в сфере *R&D*, а также суммы расходов на данную сферу по отношению к ВВП являются одними из самых высоких в мире [21].

Индия. НИС Индии представляет собой модель интеграции крупных научно-исследовательских центров, обладающих современной, хорошо развитой инфраструктурой, необходимыми средствами для реализации исследований и разработок в стратегически важных областях (медицина, биотехнологии, электроника и др.), с промышленными предприятиями, с целью внедрения полученных результатов.

В 1950-х гг. в Индии, с целью формирования центров передовых знаний и технологий с быстрым внедрением последних в производство, началось формирование технологических институтов, ориентированных на модель Массачусетского технологического института (США), получивших статус технопарков (первоначально в Нью-Дели, Мумбаи (Бомбей), Кампуре и Мадрасе).

Первый национальный технологический парк - «Индийский технопарк программных технологий» (*Software Technology Park of India - STPI*) - создается Министерством электроники и информационных технологий в 1990 г. Приоритетными задачами его функционирования явились: содействие и развитие потенциала по экспорту программных продуктов; инновационная деятельность; оказание всесторонней поддержки компаниям, выпускающим программные продукты и оборудование для информационных технологий; оказание телекоммуникационных и инфраструктурных услуг компаниям, занятым разработкой и экспортом программных продуктов и входящим в состав технопарка.

В настоящее время *STPI* имеет 59 центров по всей стране (последний был открыт в 2019 г. в Дехохаре). Несмотря на то, что ключевым центром *IT*-сектора считается расположенный в Бангалоре самый крупный технопарк, штаб-квартира *STPI* находится в Дели. Центры технопарка расположе-

ны в крупных городах: Бхубанешваре, Бангалоре, Пуне, Хайдарабаде, Джайпуре. Членами *STPI* являются более 7500 компаний, занимающихся разработками программных продуктов, предназначенных исключительно для экспорта².

С целью сосредоточения передовых знаний и новых технологий, их скорейшего внедрения в производство, по решению правительства Индии в 1991 г. совместными усилиями *STPI* и Департамента электронной промышленности началось формирование сети технопарков. Индийские технопарки благодаря государственной поддержке - эффективный инструмент решения проблемы развития высоких технологий в бедной стране (показателен пример создания международного парка высоких технологий (*ITPB*) «*Bangalore*», объединившей в высокоразвитую сеть научно-исследовательских и образовательных организаций более 55 университетов и колледжей). Поддержка государства выражается и в предоставлении технопарковым структурам целого ряда льгот (освобождение от налога на импорт, на 5 лет - от уплаты внутренних налогов и сборов и др.).

Основным механизмом развития в Индии является интеграционная взаимосвязь государственных и частных организаций, бизнеса, промышленности, выражающаяся в крупных инвестициях в развитие научно-исследовательских организаций, университетов, создание передовых технопарков, телекоммуникационную инфраструктуру. Данные обстоятельства делают продукцию Индии конкурентоспособной на мировом рынке, привлекательной как для отечественных, так и для зарубежных инвесторов.

* * *

Таким образом, правительства всех стран - технологических лидеров Азиатского региона приходят к осознанию необходимости повышения эффективности инновационной составляющей, трансферта технологий, что способствует формированию необходимой организационной системы, ориентированной на обеспечение процесса получения, реализации и распространения результатов научных исследований и разработок с привлечением всех участников инновационного процесса - государства, науки, сферы образования, бизнеса. Создание системы, основанной на интеграции научно-образовательной и производственной сфер, приведет к созданию конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, дальнейшему высокому статусу стран на мировом рынке технологий.

² Более подробную информацию о *STPI* см. на официальном сайте: *Software Technology Park of India* - <https://www.stpi.in/> (accessed 15.04.2020)

Список литературы / References

1. Анализ и оценка состояния и тенденций развития законодательства об инновационной деятельности и науке за рубежом. *Информационно-аналитические материалы Государственной Думы*. (Analysis and assessment of the state and trends of development of legislation on innovation activity and science abroad. *Information and analytical materials of the State Duma*) (In Russ.). <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4960/20221> (accessed 17.12.2019)
2. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г. Интеллектуальный капитал государства Израиль. (Vaganyan G.A., Vaganyan O.G. Intellectual Capital of the State of Israel) (In Russ.). www.iatp.am/vahanyan/articles/icisrael.doc (accessed 19.01.2020)
3. Инновационная политика: международный опыт. *Человек и труд*. 2011, № 1. (Innovation policy: international experience. *Person and work*. 2011. № 1) (In Russ.). www.chelt.ru/2011/1-11/innovaci_kitai_1-11.html (accessed 15.04.2020)
4. Инновационное развитие Гонконга. (Innovative development of Hong Kong) (In Russ.). www.nitpa.org/innovacionnoe-razvitiye-gonkonga-3/ (accessed 18.04.2020)
5. Интервью с генеральным директором Научного и технологического парка Гонконга Энтони Таном. Сколково. (Interview with Anthony Tan, Chief Executive of Hong Kong Science and Technology Park. Skolkovo) (In Russ.). <http://sk.ru/news/b/press/archive/2012/04/16/intervyu-s-generalnym-direktorom-nauchnogo-i-tehnologicheskogo-parka-gonkonga-entoni-tanom.aspx> (accessed 15.04.2020)
6. Колотырина Е.А. Особенности становления инновационной системы Республики Корея. *Вестник РУДН. Серия Экономика*. 2015. № 2. С. 97-105. (Kolotyryna E.A. 2015. Peculiarities of the development of the innovative system of the Republic of Korea. *RUDN bulletin. Economy series*. № 2. Pp. 97-105) (In Russ.)
7. Латинская Америка на пути экономической модернизации. М., Институт Латинской Америки РАН, 2013. (2013. Latin America is on the path of economic modernization. Moscow) (In Russ.)
8. Марьясис Д. Система коммерциализации технологий Израиля. *Наука и инновации*. 2015. № 10. С. 49-52. (Maryasis D. 2015. Israel 's technology commercialization system. *Science and innovation*. № 10. Pp. 49-52) (In Russ.)
9. Опыт функционирования технологических парков Китая: Аналитическая информация. (China Technology Parks Experience: Analytical Information) (In Russ.). <http://tpark.ict.nsc.ru/analytic/chinatpark.htm> (accessed 18.04.2020)
10. Подоба З., Титова А. Чеболь как основа экспортно ориентированной экономики Республики Корея. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 3. С. 33-40. (Podoba Z., Titova A. 2018. Chebol as the basis of export-oriented economy of the Republic of Korea. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 33-40) (In Russ.)
11. Расходы стран на науку (% от ВВП). (Countries spending on science (% of GDP)) (In Russ.). <https://nonews.co/directory/lists/countries/research-development-expenditure> (accessed 20.12.2019)
12. Соловьёва Ю.В. Страны АТЭС: передача технологий как фактор развития. *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 8. С. 42-47. (Solovieva Yu.V. 2016. APEC countries: technology transfer as a factor of development. *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 42-47) (In Russ.)
13. Статистические данные ОЭСР по валовым расходам на НИОКР по источникам финансирования / База статистических данных ОЭСР (In Russ.). http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GERD_FUDNS (accessed 17.12.2019)
14. Чилийская модель: ее преимущества и риски (мандат М.Бачелет). Серия аналитических изданий «Саммит». М., Институт Латинской Америки РАН, 2009. (2009. Chilean Model: Its Advantages and Risks (mandate of M.Bachelet). Summit Analytical Series. Moscow) (In Russ.)
15. Consejo Nacional de Innovacion para la Competitividad. Agenda de innovacion y competitividad 2010-2020. <http://www.inovasyon.org/pdf/Chile.agenda.innovacion.2010-2020.pdf> (accessed 24.01.2020)
16. Gross domestic spending on R&D. <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (accessed 18.12.2019)
17. Israel Technology Transfer Organization. <http://www.ittn.org.il/index.php> (accessed 19.01.2020)
18. Jamrisko M., Miller L.J., Lu W. These are the World's Most Innovative Countries. 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds> (accessed 18.04.2020)
19. Meili E. Le transfer intervient par le biais de tetes bien faites. *NS Horizons*. № 68, Mars 2006, p. 14.
20. Ministry of Economy and Industry. <http://www.economy.gov.il/English/InternationalAffairs/ForeignTradeAdministration/Pages/AboutFTA.aspx> (accessed 19.01.2020)
21. Powers Ch.M. The Changing Role of Chaebol. Georgetown University. <http://web.stanford.edu> (accessed 19.04.2020)
22. Report of the Economic Strategies Committee: Ministry of Trade and Industry Singapore. www.mti.gov.sg/ResearchRoom/Pages/Report-of-the-Economic-Strategies-Committee.aspx (accessed 08.01.2020)
23. Rotem Industries Ltd. www.rotemi.co.il (accessed 12.01.2020)
24. Shkvarya I., Grigorenko O., Strygin A., Rusakovich V., Shilina S. The impact of the global economic crisis on Asian technology markets (India and China). *Central Asia and the Caucasus*. 2016. T. 17. № 2. Pp. 103-113.
25. Software Technology Park of India. www.stpi.in/ (accessed 10.01.2020)
26. Solovieva Yu.V., Chernyaev M.V., Korenevskaya A.V. Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Models. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2017. Volume XII. Issue 5(51). Pp. 1473-1484.
27. The Global Innovation Index. www.globalinnovationindex.org (accessed 17.12.2019)
28. World Intellectual Property Indicators 2018. www.wipo.int (accessed 13.01.2020)
29. Zhongguancun Science Park. http://en.zhongguancun.gov.cn/2013-12/04/content_17148863.htm (accessed 15.04.2020)

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

DOI: 10.31857/S032150750010451-8

STRUGGLE OF ASEAN IN CYBER SECURITY

© 2020 S.T. MARMITA (Philippines)

MARMITA Sharmaine T. (Philippines), Post-graduate student, School of International Relations, Saint Petersburg State University (stmarmita@yandex.ru)

Abstract. *This article provides an overview of the prevalent struggle in cyber security among ASEAN member states. The author examines the current cyber security problems faced by ASEAN and the factors contributing to their recurrence. ASEAN's potential GDP growth brought by its rising digital economy is at stake. The region is at a risk of losing billions of dollars over the next few years if no improvements shall be made in the current cyber security structure of the region. The major cyber security incidents in the Southeast Asian region are analysed and the struggle of the governing bodies are revealed.*

Comparative case studies of cyber threat incidents in Singapore, Myanmar, and Vietnam are performed, showing attacks ranging from small business to giant establishments such as airport and hospitals. The priority level of cyber security highly vary per member state, ranging from Singapore's top cyber security spending allocation to negligible budgets and awareness in Cambodia and Laos. There is a blatant lack of expertise, community education, and budget allocation for cyber security in the region.

Despite the continual efforts of ASEAN to come up with a solid cyber security strategy, the progress is impeded by the prioritisation of other security threats such as political and economical. The shortage of professionals in the field and the lack of understanding and accurate gauging of the situation are also factors that contribute to the current poor state of cyber security in the Southeast Asian region. With this, the region has become an easy target for attacks, not only domestically but internationally as well. As a result, the author concludes that reforms in ASEAN's cyber security system must be highly prioritised and regional cooperation should be increased.

Keywords: *cyber security, threat, regional cooperation, ASEAN, cyberterrorism, Southeast Asia*

Among the various forms of security risks plaguing societies lies the inevitable circumstance of cyber threats. The Southeast Asian region, an area long afflicted by security risks such as terrorism, is not spared from this phenomenon. Mainly comprised by developing countries, the digital revolution has spread over the Southeast Asian region, bringing enhancements and, at the same time, threats with it. This evident economic growth and prosperity attracts cyber criminals to conduct their malicious deeds in the young and vulnerable region.

As the Southeast Asian region is posed to become one of the world's largest digital economies, its digital grounds have widely opened up to risk of cyber threats. In the most recent years, cyber attacks and cyber terrorism have targeted various operations ranging from private financial departments to government-owned energy sectors.

At present, member states of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) are lagging behind other states in the battle against cyber terrorism. It is even noted that the Southeast Asian region, despite its growing digital economy, is blatantly underspending for cyber security [1]. Similar to other security threats faced by the collective, the inherent differences between each government type, economic capabilities, and culture all affect the varying response rates, overall taking a toll on the affectivity of the region's preventive measures.

In 2018, a study has been conducted leading to the initial concept proposal of developing a Six-Ware

Cyber Security Framework (SWCSF) by researches from Indonesia's Defense University [2]. A deep analysis had been performed to signify the region's need for the development and implementation of such measures, however displaying a juxtaposition of the treatment of cyber threats in other states in the region. The treatment of cyber threats and cyber security among ASEAN member states is, unfortunately, unequal.

HISTORY AND CONCEPT

Cyber security, a fresh term which had gradually emerged after the discovery of the World Wide Web in 1989, could be defined as the "*practice of defending computers, servers, mobile devices, electronic systems, networks, and data from malicious attacks*" [3]. The dominant cyber threats that the world is facing are mainly classified into three:

(1) Cybercrime, which is characterized by individuals or groups disrupting systems for the sake of financial gain;

(2) Cyber attack, which is identified as a politically-motivated act and usually involves illegal information extraction;

(3) and Cyber terrorism, which sabotages electronic systems with the intent to cause panic or fear.

These threats exist in many forms and have been divided into three different stages by Russian cyber security expert, Evgeny Kaspersky, based on its impact to nations [4]. Kaspersky defines the three

common stages as: DDos, attacking critical data, damaging infrastructure.

The first stage, Distributed Denial of Service (DDoS), had been commonly observed during the attacks of famous *hacktivists*, people gaining unauthorized to networks access for political or social purposes, such as *Lulzsec* and *Anonymous*. The main concept of this stage is to overload the network with requests until it gives way. The results are expected to set off a network failure, disabling the system. Vulnerable parties are not limited to web servers but include telecommunication systems as well. While DDoS attacks can't be fully prevented at the moment, institutions have the option to strengthen their cyber defenses from attackers and avoid having their systems unresponsive. Recovery plans post-attack are also necessary to help get the system back on its feet.

The 2nd stage, which involves the assault on critical data, is set to compromise critical data which are highly consequential to the operations of organizations, which include firms, governments, and industries. These attacks are mainly aimed at highly-organized infrastructure rather than individuals. The forms of attack could be either be designed to wipe data out of a system or to obscurely modify existing data without being detected by its administrators.

The 3d part is the full corruption of the infrastructure. It entails a full-on attack on critical infrastructure, eventually leading to physical damage on machines, systems, and even whole buildings. This stage is the most difficult to carry out but also the most destructive of all [4].

As the years pass, both cyber threats and cyber security continue to leverage their attacks and defences respectively to maintain their goals. Nations who are highly powered by technology have the ability to defend themselves from attacks but, ironically, are also more vulnerable to it.

Southeast Asia's increasing reliance to the internet has grown in parallel with the technological advances in the region. Due to this, malicious minds have recourse some of their operations online, banking on the region's unstable cyber security and blatant vulnerability.

The progressing digital transformation in ASEAN, where a growing number of people are relying on the Internet for their retail, banking and leisure needs, signifies the increasing importance of data governance and the call for its improvement [5].

According to Naveen Menon, President for Cisco Systems in Southeast Asia, in a CNBC interview, the pivot towards a digital economy, comes digital threats. "As countries get more digitized, you start to see more attacks surface," he stated. "All of a sudden, you're starting to see economies going online and not enough spending being put to protect these services. ASEAN particularly, is underspending relative to other countries worldwide" [1].

Relative to other forms of terrorism and security threats in the region, those of the cyber space appear

to be newest and would be demanding more efforts to understand, mitigate, and counter as the years go by.

THREATS AND INCIDENTS

The digital economy in the ASEAN has an estimated value of generating US\$ 150 billion annually and is believed to have potential to add up to US\$ 1 trillion to the region's GDP by 2025 [1]. Still, the continuous influx of cyber risks are posed to impede credence and resilience in the region's digital economy. This issue holds a high chance of hindering the SEA region from achieving its maximum digital potential [6]. Moreover, the Asia Pacific Risk Centre stated that the global losses due to data breaches was forecasted to reach US\$2.1 trillion by 2019 [7].

In 2008, Vietnam, Singapore, Thailand, and the Philippines, four out of ten ASEAN member states, were recorded among the top ten countries for malicious online activity in the whole Asia-Pacific region. Nevertheless, the total accumulated percentile of malicious activities observed in these countries comprised only about 10% of the total criminal cyber activities in the whole Asia-Pacific region [8]. With the rapid growth of internet-dependency in these countries within the last decade, the situation had been bound to change.

From all the ASEAN nations, Singapore ranks first in terms of cyber security spending, cashing in at 0.22% of its total GDP in 2017. This makes it the lone country in the SEA region to allocate more of its budget to cyber security than the global average of 0.13% of GDP [9]. Singapore has also generated a US\$10 million ASEAN Cyber Capacity Fund for the purpose of improving the SEA region's cyber security capabilities [7].

In terms of cyber security expenditure in 2017, Thailand and Malaysia followed Singapore, each allocating 0.05% and 0.08% of their GDPs respectively. Collectively, ASEAN member countries utilize 0.06% of their total GDP on cyber security [9].

SINGAPORE

The paradox of cyber security could be applied to the case of Singapore. Among the ten member states of the ASEAN, Singapore is both extremely secure but is also considered to be part of the *Cyber Five* - countries which are disproportionately vulnerable to cyber attacks due to their extreme reliance on technology [10]. In 2013, Singapore had the highest per capita losses due to cybercrime globally amounting to \$1,158 [7].

Among the members of the ASEAN, Singapore is the most economically abundant and has a high level of Internet connectivity, making it especially susceptible to cyber terrorism. The prospects of these attacks include individuals, small and medium businesses, and Critical Information Infrastructure (CIIs), which include the government, healthcare, and banking & finance sectors [10].

Cyber security teams in Singapore have faced several challenges and incidents over the last years. Trend Micro detects about 550 threats related to *ransomware*, a type of malware that threatens to publish its victims' data if a certain ransom is not paid, in Singapore each day [10].

In 2016, more than 60 servers capable of launching DDoS were tracked in Singapore's cyberspace. Website defacement is also a rampant case in Singapore. The act of website defacement refers to the case in which hackers or "hacktivists" deliberately alter a single webpage or a entire website to trick its visitors and infect their computers through implanted malicious codes. The motivation of this is mostly ought to be the promotion political or religious agendas through "hacktivism", which is very similar to physical terrorism goals and motives. It could also be a way to distract critical infrastructures and individuals victims from the "real" cyberattack occurring behind it such as a data breach. Around 1,750 website defacements were reported in Singapore last 2016, mainly targeting small and medium enterprise on the fields of construction, manufacturing and logistics. There have also been 2,512 phishing URLs found, tracing back to Singaporean links. Thirty percent of these were identified to be banking and financial services websites. The other high percentages which followed were targeted towards government organizations (such as the Ministry of Manpower and the Immigration & Checkpoints Authority), and the online payment service provider PayPal [10].

In 2017, Singapore experienced three major cyber attacks: the *MINDEF Cyber Breach* in February, *WannaCry Ransomware* in May, and *Petya Ransomware* in June. The WannaCry Ransomware was not limited to Singapore alone but also affected the rest of the SEA region, simultaneously attacking Indonesia, Vietnam, Thailand, Malaysia, and the Philippines as well [11].

In 2018, the worst data breach hit Singapore after hackers stole 1.5 million of patients' data from the National Electronic Health Record project. It was noted that the data of Prime Minister Lee Hsien Loong had been "specifically and repeatedly" targeted during this breach [12]. The data theft also risked exposing the data, names, and addresses of over 5,400 HIV-positive Singaporeans and 8,800 foreigners, instigating fear among those whose names are on the list, worrying that they could be subject to discrimination should their names be made public [5].

At the beginning of 2019, Singapore reported its second health data breach in six months after 2018's worst-ever data breach involving patients' data [13].

MYANMAR

Known for its seclusion, Myanmar has not been included in most of the cyber security surveys in the SEA region. Nonetheless, cyber crimes still occur in Myanmar. Lesser developed compared to some other

member states of the ASEAN, Myanmar is highly susceptible to cyber attacks.

In October 2010, the Ministry of Post and Telecommunication, Myanmar's then main internet provider, went under severe DDoS attacks. The attacks occurred from 25 October 2010, just before Myanmar's first national election in the past 20 years. It is believed that the impact of these attacks were recorded to be significantly larger than the Estonia attack back 2007, which crippled the Estonian government's public services for days. Myanmar's military was reportedly rose suspicions of being behind the attacks in order to limit the flow of available information during the election period [8]. Another accused "state-sponsored" cyber attack occurred back in 2013 when Google warned some news correspondents covering Myanmar that their Gmail accounts might be subject to attacks instigated by the military of the state [14].

Despite the relatively new emergence of the internet in Myanmar, hacktivism is also a rampant cyber threat in Myanmar. Hackers are believed to make use of social media channels such as Facebook and other private forums to coordinate attacks. In January 2016, internet vigilantes, called *netilantes*, brought down nearly 300 Thai government websites using DDoS attacks. Blink Hacker Group, netilantes from Myanmar, were believed to be responsible for the attacks [8].

VIETNAM

Vietnam itself has also been subject to multiple cases of cyber attacks during the last few years. In the cyber space, the encounter rates of Malaysia and Thailand are estimated to be around 35% in Q4 of 2015, 46.6% for the Philippines and around 50.6% for Vietnam. Indonesia is recorded to have the highest encounter rate, with more than 60%. This means that in Indonesia, computers that run real-time security software have reported detecting malware and other potentially unwanted software simultaneously [8].

For almost one year, spanning from December 2015 to November 2016, Vietnam registered 1.68 million IP blocks, ranking fifth among countries all over the world from which several attacks against Internet of Things (IoT) devices were said to have originated. Repercussions of these attacks threaten to lead Southeast Asian to lose up to \$750 billion in market capitalization due to the lurking threats [9].

The Cyber security index of 2016 showed that ASEAN countries are already among the states highly subjected to malware threat in the Asia-Pacific region. Vietnam was then ranked 6th, followed by Thailand, Malaysia and Singapore are ranked 10th, 11th and 12th respectively [8].

In July 2016, Vietnam's cyber space was attacked by the Chinese hacking group '1937CN' which hijacked several flight information screens and sound systems in both the Noi Bai and Tan Son Nhat airports. The attack resulted to loss of local control

was used to broadcast anti-Vietnamese and Philippines propaganda on the airport screens [10].

Another aviation-related cyber attack in Vietnam was the hacking of more than 400,000 personal details of Vietnam Airlines frequent flyers and posting them online. Again relating to the territorial waters dispute, the flight information monitor screens at both the Hanoi and Ho Chi Minh City airports were defaced with messages regarding the topic. Not only were the flight information screens the ones affected by these messages but also the rest of the public announcement systems in the airports were subjected to the said broadcasts [8].

Even third party countries have not been spared by these local attacks as Japan's Toyota Motor Corporation divulged a data breach that had been uncovered on their servers from its Thailand and Vietnam Subsidiaries. This led to the unauthorized release of 3.1 million clients' personal information in Japan [13].

CURRENT LAW OR MEASURES

Globally, The Council of Europe Convention on Cybercrime, simply acknowledged as the "Budapest Convention", is the first and the only international convention that deals with cybercrime until the present day. It incorporates both existing and procedural parts of regulation, requesting its signatories to criminalize cyber offences against the confidentiality, integrity and availability of computer data. These also includes offences such as illegal access, interception of non-public transmission, interference with computer data and system, and misuse of computer-related devices. Until the present day, there hasn't still been any ASEAN member state that has signed and/or ratified the "Budapest Convention". Moreover, only eight out of ten ASEAN member states, excluding Laos and Cambodia, have enacted some form of legislation to regulate cybercrimes with laws aligning with the requirements of the "Budapest Convention" [8].

Despite the premise of being a collective entity under the ASEAN, each member states' legislation and counter cyber terrorism measures also vary immensely.

There are currently four ASEAN mechanisms in place to investigate various features of cyber security and cybercrime. The list includes the ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime (AMMTC), ASEAN Telecommunications and IT Ministers Meeting (TELMIN), the ASEAN Regional Forum (ARF), and the ASEAN Senior Officials Meeting on Transnational Crime (SOMTC).

ASEAN's cyber security regulatory framework is still lagging behind compared to those of other neighboring countries and regional bodies such as the European Union's. The lack of public awareness about cyber risks and cyber security incidents are problematic and is observed to be lower in the SEA region compared to other countries where data

breach laws are in force. This issue on the lack of awareness has influenced the pace and perspective as to how lawmakers in the SEA region to perceive and carry out cyber security measures in their directives. Among the ASEAN states, only Singapore and Malaysia are equipped with a number of advanced cyber security regulatory tools. On the other hand, the Philippines and Thailand have already began establishing a number of regulatory frameworks required to address cyber security. Despite this, the majority of ASEAN member states are yet to develop a sturdier rules on cyber security [15].

The ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025 emphasises the need to combat cyber crimes by means of regional collaboration. It upholds the strengthening of cooperation between all ten ASEAN member states in battling cyber terrorism, calling to develop and improve appropriate laws to address cyber crimes as well as strengthening private to public partnerships in order to enhance secure information sharing within the region [11].

CONTINUING STRUGGLE

Despite these efforts to build a better cyber security strategy and response system in the ASEAN, firms and governments in the region are still not up to par. It is reported that firms and organisations in the region take 1.7 times longer compared to the global median when it comes to discovering a breach in the system. Furthermore, 78% of internet users in Asia are reported to have not received any form of education about cyber security [9]. Linking to the number of published research works among ASEAN member states, there are also relatively few being conducted on the theme of cyber security. From 2014-2019, a recent study showed that there have been no published research about cyber security found in Laos and Cambodia, both at 0%. The tops percentage belonged to Malaysia (9.33%), Myanmar (5.19%), and Singapore (5.18%) [16]. This reflects the lack of understanding and sufficient interest in the existing cyber threats in many Southeast Asian countries and shortage of effort for cyber space protection.

It should also be noted that cyber security awareness is an initiative that had been brought up in ASEAN's Master Plan 2015 and 2020 [17]. To date, there has not been much progress and the turn of events in 2020, for example the emergence of COVID-19, is slowly forcing the ASEAN to adapt a more electronic and cyber-dependent such as increased reliance on online transactions and even the shift to online work, creating more data for possible exposure. It is time to expedite the efforts on understanding and combating cyber threats in the region, now more than ever.

CONCLUSION

At the moment, the regional policies of the ASEAN member states are still limited due to the

consideration of non-interference on a nation's right to self-determination. The ASEAN states are highly encouraged to develop a deeper understanding of the security threats in the cyber space and act upon the matter, enforcing a swift and higher level of cooperation.

Similar to the ASEAN's issue with combating physical and regional terrorist threats, posing peril to the region's security, the expansion of malicious motives on a whole new different medium is not a matter to ignore. The region ought to learn from various developed frameworks of its neighboring countries in order to flourish economically and securely in this growing digital era.

To sum up, the following conclusions and recommendations could be made.

First, ASEAN is not spending enough for the region's cyber security. It is necessary to increase the region's cyber security budget given what is at stake. The cost of investment for data protection may be high but if ignored may lead to greater losses in the economy and decreased societal trust.

Second, there is a lack of cyber security education among the masses. This circumstance is substantial

especially among children who are prospectively the most vulnerable targets. From a young age, it is advisable that children be taught the significance of keeping their personal information private. Such actions will ripple throughout the society and will be valuable in the future. Prevention is the best practice rather than trying to salvage data which have already been compromised. Therefore, basic cyber norms are necessary in the region.

Third, the Southeast Asian region's lag behind cyber security is also attributed to the shortage of professionals in this field. With the ASEAN states' varying qualities and accessibility of education, particularly in the field of cyber security, the small pre-existing pool of professionals handling the situation is another alarming predicament in the region which must be given attention to.

Fourth, regional cooperation should constantly be updated and monitored, taking into consideration international help for the strengthening of ASEAN's cyber security practices. The world of cyber crime and security is picking up a pace faster than before and it is deemed crucial for the latter to always be two steps ahead.

References

1. Gnanasagaran A. The flip side of a digital ASEAN. *The ASEAN Post*, 10.02.2018. <https://theaseanpost.com/article/flip-side-digital-asean> (accessed 11.27.2019)
2. Supriyadi A.A., Gultom R.A., Kustanta T., 2018. A Strengthening Asean Cyber Cooperation in Countering Cyber Terrorist Groups Activities on the Internet by Implementing the Six-Ware Cyber Security Framework. *International Journal of Management and Information Technology*. Vol. 13, Issue 1.
3. Kaspersky. What is Cyber Security? <https://www.kaspersky.com/resource-center/definitions/what-is-cyber-security> (accessed 11.04.2019)
4. Gibbs S. Eugene Kaspersky: major cyber terrorist attack is only matter of time. *The Guardian*, 01.05.2014. <https://www.theguardian.com/technology/2014/may/01/eugene-kaspersky-major-cyberterrorist-attack-uk> (accessed 10.18.2019)
5. Thomas J. ASEAN's data governance challenge. *The ASEAN Post*, 20.06.2019. <https://theaseanpost.com/article/aseans-data-governance-challenge> (accessed 01.26.2020)
6. Dobberstein N. et. al. Cyber security in ASEAN: An Urgent Call to Action. *AT Kearney*. <https://www.southeast-asia. Kearney.com/article/?/a/cybersecurity-in-asean-an-urgent-call-to-action> (accessed 02.22.2020)
7. Subhan A. Cyberattacks on Southeast Asia: Who's Next? *The ASEAN Post*, 01.06.2018. <https://theaseanpost.com/article/cyberattacks-southeast-asia-whos-next-0> (accessed 10.14.2019)
8. Chang L. Cybercrime and cyber security in ASEAN. Monash University, 2017. https://www.academia.edu/32258162/Cybercrime_and_Cyber_security_in_ASEAN (accessed 03.28.2020)
9. Subhan A. Southeast Asia's cybersecurity an emerging concern. *The ASEAN Post*, 20.05.2018. <https://theaseanpost.com/article/southeast-asias-cybersecurity-emerging-concern> (accessed 10.19.2019)
10. Raska M., Ang B. Cyber security in Southeast Asia. Asia Centre, 2018. https://centreasia.eu/wp-content/uploads/2018/12/NotePre%CC%81sentation-AngRaska-Cybersecurity_180518.pdf (accessed 02.15.2020)
11. Victor P. ASEAN in dire need of sturdier cybersecurity. *The ASEAN Post*, 02.02.2018. <https://theaseanpost.com/article/asean-dire-need-sturdier-cybersecurity> (accessed 11.29.2019)
12. The ASEAN Post, 2018. Singapore data breach could affect banks. <https://theaseanpost.com/article/singapore-data-breach-could-affect-banks> (accessed 10.20.2019)
13. Thomas J. Intensifying ASEAN's cybersecurity efforts. *The ASEAN Post*, 10.11.2019. <https://theaseanpost.com/article/intensifying-aseans-cybersecurity-efforts> (accessed 11.27.2019)
14. O'Toole B. Hacking Exposes Cybercrime in Myanmar. *Myanmar Times*, 03.06.2013. <https://www.mmmtimes.com/national-news/4168-email-hacking-exposes-cybercrime-in-myanmar.html> (accessed 01.17.2020)
15. Sociedade Portuguesa de Inovação. Overview of Cybersecurity Status in ASEAN and the EU. 2018. https://project-yaksha.eu/wp-content/uploads/2019/05/D1.1_Overview-of-Cybersecurity-Status-in-ASEAN-EU_vf.pdf (accessed 11.19.2019)
16. Shahar S.M., Ma'arif M.Y., Mizan N.S., Zatar N.S. 2019. CNDS-Cybersecurity: Issues and Challenges in ASEAN Countries. *International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering*. Vol. 8, No. 1.4.
17. Strengthening ASEAN's cybersecurity. 2018. <https://theaseanpost.com/article/strengthening-aseans-cybersecurity> (accessed 12.04.2019)

Социалистической Республике Вьетнам - 75 лет

DOI:10.31857/S032150750010452-9

ВАН ТИЕН ЗУНГ - ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЛКОВОДЕЦ ВЬЕТНАМА

© 2020 Г. ЛОКШИН

ЛОКШИН Григорий Михайлович, к.и.н., вед.н.с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Дальнего Востока РАН (glokshin@gmail.com)

Резюме. 2 сентября 2020 г. 75-летний юбилей отмечает Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). Среди лидеров национально-освободительного движения этой страны наибольшей известностью пользуются президент Хо Ши Мин и его преемник Ле Зуан, бывший премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг и легендарный генерал армии Во Нгуен Зиан. Рядом с ними - большая группа соратников, среди них - генерал армии Ван Тиен Зунг. Жизни и деятельности этого талантливого полководца посвящена статья.

Ключевые слова: Ван Тиен Зунг, Дьенбьенфу, Во Нгуен Зиан, дорога № 9 - «тропа Хо Ши Мина», «операция Хо Ши Мин», весеннее наступление 1975 г., освобождение Сайгона

ARMY GENERAL VAN TIEN ZUNG - OUTSTANDING COMMANDER OF VIETNAM

Grigory M. LOKSHIN, PhD (History), Leading Research Fellow, Center for Vietnamese & ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (glokshin@gmail.com)

Abstract. On September 2, 2020 the Socialist Republic of Vietnam celebrates its 75th anniversary. In the historiography of Vietnam among the leaders of the national liberation movement, the most famous along with President Ho Chi Minh and his successor Le Zuan, there are the former Prime Minister of the DRV Pham van Dong and the legendary army general Vo Nguyen Giap as the winner of the famous battle of Dienbienfu in May 1954 which put the end to the colonial regime of France.

Behind these glorious names is a large list of their associates, many of whom also made their significant contribution to the conquest of freedom and independence of Vietnam. One of them is army general Van Tien Zung. In 1980, he replaced Vo Nguyen Giap on the post of Minister of defense. Before that for many years he headed the General staff of the Vietnam National Army (VNA).

This article is devoted to the life and work of this outstanding commander and strategist of Vietnam. His reputation among military professionals was not so much inferior to the authority of his close friend and mentor, army general Giap. But for the broad public in Russia and on the international arena, he was not so known, because he never was a so called "public figure", rarely appeared in public and almost did not give any interviews to media.

After the division of the country in 1954 together with Le Zuan and other leaders of the party he led the organization and development of the guerrilla movement in South Vietnam. General Van Tien Zung became the most famous celebrity in Vietnam after he planned and successfully carried out under his immediate command the famous "Operation Ho Chi Minh" in the spring of 1975 which finished the war and led to the reunification of the country.

Keywords: Van Tien Zung, Dien Bien Phu, Vo Nguyen Giap, Road № 9, "Ho Chi Minh's plats", "Operation Ho Chi Minh", Spring offensive 1975, liberation of Saigon

Фото 1. Генерал армии Ван Тиен Зунг.

Генерал армии Ван Тиен Зунг (1917-2002) (см. фото 1) - один из немногих вьетнамских военачальников в годы войны с США (1964-1975), который оставил после себя воспоминания о пройденном боевом пути. Ещё при его жизни они были переведены и изданы в Советском Союзе [1].

Многое о нём как о командире и та-

лантливом стратеге рассказали его ближайшие соратники и сослуживцы в 2017 г., когда во Вьетнаме широко отмечалось 100-летие со дня рождения этого полководца. Так, министр обороны СРВ генерал Нго Суан Лить отметил, что в течение более 65 лет своей деятельности Ван Тиен Зунг был одним из лучших командующих, талантливым стратегом и руководителем. Он внес большой вклад в строительство Вьетнамской народной армии (ВНА) [2].

Генерал армии Во Нгуен Зиан (1911-2013) в своих мемуарах писал: «Ван Тиен Зунг - один из самых выдающихся и талантливых генералов нашей армии... Для меня лично он - один из самых близких боевых друзей на протяжении всей войны Сопротивления за национальное освобождение и в защиту нашего Отечества» [3].

ЭТАПЫ БОЕВОГО ПУТИ

Ван Тиен Зунг родился 2 мая 1917 г. в пригороде Ханоя в бедной крестьянской семье. С юных лет участвовал в освободительном движении. В ноябре 1937 г. был принят в Коммунистическую партию Индокитая. С сентября 1939 по декабрь 1944 гг. трижды подвергался арестам и тюремному заключению. В январе 1945 г. был заочно приговорён к смертной казни.

После Августовской революции 1945 г.¹ был назначен руководителем военного района, включавшего 8 провинций западной части Северного Вьетнама. В первые годы войны против французских колонизаторов Ван Тиен Зунг занимался, в основном, политической работой. В 1946-1949 гг. был сначала заместителем начальника, а затем начальником Политотдела вооружённых сил ДРВ (сейчас - Главное политуправление), вместе с Во Нгуен Зианом создавал первые подразделения регулярной армии. В 1948 г. Зунгу (одному из 9 первых командиров ВНА) было присвоено звание генерала.

К концу 1949 г. фронт Вьетминь² имел в своём распоряжении 5 бригад. Одной из них - прославившейся в конце войны 320-й бригадой - командовал Ван Тиен Зунг. В течение 25 лет (1953-1978 гг.) он занимал пост начальника Генерального штаба ВНА - дольше, чем кто-либо другой. В этой должности он принимал непосредственное участие в планировании и подготовке операции под Дьенбьенфу³, решившей исход первой Индокитайской войны (1946-1954). В 1951-1986 гг. был членом ЦК Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ; с 1976 г. - Коммунистическая партия / КПВ), 22 года (1960-1982 гг.) входил в состав Политбюро ЦК.

До Августовской революции 1945 г. вся военная подготовка будущего генерала армии свелась к 15-дневным военным курсам. Однако, как он пишет о себе сам, «воспитанный и выросший в трудной, суровой борьбе еще в период глубокого подполья, я часто вел революционную деятельность самостоятельно... Это обстоятельство во многом помогло мне выработать в себе такие качества, как независимость суждений и смелость в принятии решений» [1].

В 1958-1960 гг. Ван Тиен Зунг пополнил своё военное образование на курсах в военных акаде-

миях Советского Союза, Китая и ГДР. В годы войны Соппротивления агрессии США под его руководством была уже значительная группа вьетнамских военных специалистов, подготовленных в СССР и других социалистических странах.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 1968 г.

Свои способности в качестве командующего крупной общевойсковой операцией генерал Зунг успешно проявил во время генерального наступления весной 1968 г.

К лету 1967 г. стало очевидно, что война в Южном Вьетнаме затягивается, а масштабы интервенции США растут. Вооружённые силы США, численность которых со времени высадки в Дананге в марте 1965 г. до конца 1967 г. достигла почти полумиллиона человек, не смогли предотвратить, как они называли, «инфильтрацию» всё новых подразделений с легендарной «тропы Хо Ши Мина», росли потери личного состава. В июле 1967 г. XIV Пленум ЦК ПТВ принял решение отказаться от прежней тактики изматывания американских и сайгонских войск и начать подготовку широкого контрнаступления, чтобы путём крупной операции (подобной операции Дьенбьенфу) приблизить победоносное окончание войны.

Этому решению предшествовала большая дискуссия в руководстве ПТВ. Хо Ши Мин, например, был серьезно озабочен неблагоприятной международной обстановкой, сложившейся из-за враждебной политики КНР по отношению к Советскому Союзу. В Китае в это время была в разгаре пресловутая «культурная революция».

Свои опасения выражал и министр обороны Во Нгуен Зиан, считавший, что будет недостаточно сил для разгрома полумиллионной группировки американских войск. Но первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан и его единомышленники, среди которых был и Ван Тиен Зунг, сумели убедить большинство членов Политбюро в целесообразности подготовки генерального наступления на Юге. В августе 1967 г. начальник Генерального штаба ВНА Ван Тиен Зунг направил в войска разработанный им план наступления и директиву: в назначенный день одновременно нанести удары по многим городам в сочетании с организацией восстания местного населения.

¹ 19 августа 1945 г. во Вьетнаме произошла революция, была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам во главе с президентом Хо Ши Мином (*прим. авт.*).

² Военно-политическая организация «Лига независимости Вьетнама», создана Коммунистической партией Индокитая в мае 1941 г. В дальнейшем получила широкую известность как фронт Вьетминь (*прим. авт.*).

³ Приграничное местечко в горах на Севере Вьетнама в 20 км от границы с Лаосом. Там была сосредоточена большая группировка французских войск. В результате успешных действий ВНА 7 мая 1954 г. французские войска сдались (*прим. авт.*).

Роль начальника Генерального штаба в этом процессе была особенно велика. Не случайно, именно генерал Зунг и был назначен командующим этой операцией, ставшей, по общему признанию историков и специалистов, переломным моментом всей войны. В ночь на 31 января 1968 г. (праздника Тет - Нового года по лунному календарю) бывшая императорская столица - город Хуэ внезапной и стремительной атакой был полностью освобождён от сайгонских войск и американской морской пехоты.

Хуэ оставался под контролем НВСО⁴ до 25 февраля, т.е. почти целый месяц [подробнее см.: 4]. Однако американцам удалось организовать контрнаступление, и главные силы НВСО были вынуждены отступить. Американцы насчитали только убитыми около 40 тыс. бойцов Сил освобождения, но и собственные их потери тоже были немалые - около 4 тыс. морских пехотинцев. Сайгонские войска в ходе этого наступления НВСО потеряли убитыми около 30 тыс. и ещё 70 тыс. ранеными [1].

Наступательная операция 1968 г. подорвала боевой дух американских войск и обозначила решительный поворот в ходе всей войны. Она вызвала глубокий раскол в политической элите США и привела к мощному подъёму антивоенного движения в стране.

«ТРОПА ХО ШИ МИНА», ИЛИ ДОРОГА № 9

В новой фазе война перешла от партизанских действий и политической борьбы к концентрации крупных сил регулярных войск и всё более решитель-

тельному их применению. По инициативе руководимого Ван Тиен Зунгом Генерального штаба и по разработанным им планам удалось в кратчайшие сроки создать надёжную и эффективную систему снабжения своих войск на Юге. Построенная вьетнамцами по ночам и под систематическими обстрелами американской авиации в горах и непроходимых джунглях разветвлённая система скрытых дорог и опорных пунктов в дальнейшем получила легендарное название - «Тропа Хо Ши Мина» и стала важнейшим фактором победы (см. *фото 2*).

Её строительство явилось, как писал в своих мемуарах Ван Тиен Зунг, трудовым подвигом свыше 30 тыс. вьетнамских солдат и добровольцев. Вдоль всей линии снабжения от провинции Куангчи через плато Тайнгуен на 5 тыс. км (!) протянулся тщательно замаскированный бамбуковый (!) бензопровод, снабжавший горючим сотни автомашин, бронетранспортеров и танков Т-34. Доставляли его в северовьетнамский порт Хайфон советские танкеры, т.к. своей добычи, а тем более переработки нефти в стране ещё не было.

Эта военно-транспортная сеть была прорублена через горный хребет по границе Лаоса и Вьетнама, иногда заходя на территорию Лаоса, находившуюся под контролем Патриотического фронта Лаоса (Патет Лао). А также в три восточные провинции Камбоджи с негласного согласия принца Сианука.

В этой обстановке 8 февраля 1971 г. американские войска вместе с частями сайгонской армии при поддержке вертолётов и авиации, включая бомбардировщики В-52, вошли в Лаос. Развернулись ожесточенные бои на всём протяжении стратегической дороги № 9. Были сбиты более 100 американских вертолётов, американцы столкнулись здесь уже не с партизанами, а с «железной бригадой» - той самой 320-й бригадой, которой на прошлой войне с французами командовал генерал Ван Тиен Зунг. Теперь она была вооружена не трофейными японскими и французскими винтовками, а советскими крупнокалиберными пулемётами и артиллерией, средствами ПВО, и перемещалась бригада на советских БМП и танках Т-54 [5].

Фото 2. «Тропа Хо Ши Мина» (документальный снимок).

⁴ НВСО - Народные силы освобождения, принятое в СРВ название вооруженных сил на Юге Вьетнама (*прим. авт.*).

ПАСХАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 1972 г.

Осуществив перегруппировку сил, генштаб ВНА взял курс на победное завершение войны. Для этого было необходимо, прежде всего, установить свой контроль над стратегически важнейшим плато Тэйнгуен в Центральном Вьетнаме. С этой целью было подготовлено и начато 30 марта 1972 г. «пасхальное наступление», приуроченное к католической пасхе. Оно и стало ещё одной крупной военной операцией, спланированной Ван Тиен Зунгом совместно с министром обороны Во Нгуен Зианом.

Ван Тиен Зунгу было поручено возглавить наступление НВСО в провинциях Куангчи и Тхыатхиен, что в самой северной части Южного Вьетнама. Под его командованием частям НВСО к маю удалось полностью освободить оба стратегически важных провинциальных центра и значительную часть территории на плато Тэйнгуен. В течение четырех с половиной месяцев они удерживали всю провинцию Куангчи под своим контролем.

«Пасхальное наступление» наглядно показало, что взятый тогда американским командованием курс на «вьетнамизацию» войны никакого успеха не приносит. Они прервали проходившие с 1969 г. в Париже четырёхсторонние переговоры о прекращении войны и начали поспешно возвращать часть своих войск в Южный Вьетнам. Кроме этого, в апреле 1972 г. они возобновили бомбардировки ДРВ, достигшие своего пика к декабрю с массированным применением стратегических бомбардировщиков В-52.

Срочно требовалось организовать эффективную ПВО Ханоя и других крупных городов. Это было поручено отозванному с Юга генералу Зунгу, помощь которому оказывала большая группа военных советников из СССР. С помощью Советского Союза была создана мощная система ПВО. В результате была одержана ещё одна важнейшая победа в сражении, которое во Вьетнаме называют операцией «Дьенбьенфу в воздухе». Оно продлилось 12 дней и привело к тому, что к концу декабря 1972 г. были сбиты более 30 бомбардировщиков В-52 из 200, участвовавших в налётах. Число военнопленных значительно выросло. Столь высокие потери вынудили президента Р.Никсона эту новую эскалацию войны прекратить и в январе 1973 г. подписать Парижские соглашения.

САМОЕ ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЗУНГА

После подписания соглашений в Париже и последовавшего вывода американских войск война

в Южном Вьетнаме не закончилась. Со стороны сайгонского правительства принимались все меры для отвоевания территорий, занятых НВСО. Не выполнялись и многие другие обязательства, зафиксированные в Париже. В этих условиях Верховное командование поручило Генеральному штабу, которым по-прежнему руководил Зунг, в кратчайший срок разработать план операции по освобождению всего Южного Вьетнама.

В январе 1975 г. Генштаб представил доклад в Политбюро ЦК ПТВ, по которому было принято решение начать наступление и добиться полного освобождения Южного Вьетнама в 1975-1976 гг., но, если окажется возможным, завершить его уже в 1975 г. Генерал Зунг был направлен на Юг для непосредственного руководства этой операцией. Она должна была начинаться с освобождения провинциального центра на плато Тэйнгуен - города Банметхуот.

«Взятие Банметхуота и освобождение всего плато Тэйнгуен, - вспоминает в своих мемуарах Ван Тиен Зунг, - подтверждало, что наш план был верным, и он открыл для нас возможность освобождения всего Южного Вьетнама уже в 1975 г.» [1].

В руководстве ДРВ никто не ожидал, что Сайгон почти без боя сдаст плато Тэйнгуен. Поэтому в самый разгар наступления из Ханоя пришла директива генералу Зунгу - не преследовать сайгонские войска, дать им уйти в прибрежную полосу и продолжить наступление на Юг к Сайгону. Сделать это надо было до наступления сезона дождей. Он обычно начинается в мае и продолжается до конца сентября.

Получив это указание Ханоя, Зунг счёл его неверным, потому что беспорядочный исход войск противника создавал условия для его полного разгрома и одновременно открывал возможность стратегического разрыва всей его оборонительной системы.

Генерал Зунг, как он вспоминает, прекрасно понимал, что лично для него означало невыполнение директивы Политбюро. Однако постоянно находясь на переднем крае, Зунг хорошо владел всей обстановкой и был уверен в своей правоте. Он был убеждён в необходимости продолжать успешно начатое наступление. И через несколько дней он получил телеграмму за подписью Во Нгуен Зиана, в которой командование согласилось с его предложениями.

Последующие события подтвердили правоту генерала. Отступление правительственных войск Южного Вьетнама вскоре переросло в беспорядочное бегство, что позволило Ван Тиен Зунгу овладеть городом Хуэ (26 марта) и Данангом (29 марта) - двумя крупнейшими центрами.

Фото 3. Экипаж танка Т-54 № 843 во дворе посольства США.

Источник: Фото Вьетнамского информационного агентства (ВИА), 28 апреля 1975 г.

«ОПЕРАЦИЯ ХО ШИ МИН»

Это название было дано руководством ПТВ заключительной операции по освобождению Сайгона. Она тщательно готовилась полтора года. Характерно, что на протяжении всего этого времени её план оставался в строжайшем секрете. Соратники генерала Зунга вспоминают, какое значение он придавал скрытности всех приготовлений. Даже когда он выехал на Юг для командования наступлением, его черная «Волга» каждый день утром приезжала якобы за ним домой и вечером возвращалась.

Немаловажное значение имел и тот факт, что за период подготовки «операции Хо Ши Мин» весной 1975 г. по дороге № 9 с максимальным соблюдением маскировки и, в основном, по ночам было перевезено 413,4 тыс. т грузов, включая технику, вооружения, боеприпасы, медикаменты [6].

После занятия Дананга главной целью для НВСО оставался Сайгон. В связи с неожиданным даже для командования успехом весеннего наступления было решено справиться с задачей освобождения города к маю. Руководство КПВ решило дать операции имя «Хо Ши Мин», тем самым говоря об отсутствии сомнений в победе.

В разработанной и успешно осуществленной «операции Хо Ши Мин» решающую роль сыграли соединения регулярных войск ВНА во взаимодействии с частями вооруженных сил Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и народного ополчения. События, в целом, развивались в полном соответствии с намеченным планом. 18 апреля началась срочная эвакуация из Сайгона американских граждан, а 21 апреля на американском военном самолёте бежал на Тайвань и президент Нгуен Ван Тхиеу. 30 апреля 1975 г. Сайгон был полностью освобождён (см. фото 3).

ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА С КИТАЕМ 1979 г.

После воссоединения Вьетнама в 1976 г. Ван Тиен Зунг был назначен министром обороны. Он сменил на этом посту к тому времени тяжело заболевшего Во Нгуен Зиана. Вскоре после окончания войны на Юге генералу Зунгу пришлось организовывать оборону юго-западных провинций страны от грабительских набегов «красных кхмеров» при режиме Пол Пота в Камбодже, а затем и в организации отпора китайской агрессии на северной границе страны.

Карта китайского вторжения во Вьетнам.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vietnam_china.jpg?uselang=ru

Ориентированный на Советский Союз, сильный и единый Вьетнам воспринимался маоистским руководством КПК того времени как серьезная угроза. На этом этапе, пользуясь исключительно трудными условиями переходного периода от войны к миру в СРВ, Китай решил действовать против него руками «красных кхмеров». Пограничные стычки с ними при поддержке Пекина всё более походили на полноценные войсковые операции с применением тяжелой артиллерии и бронетехники. Массовые казни и погромы проживавших в Камбодже вьетнамцев вынудили руководство Вьетнама вмешаться.

Операция по освобождению Кампучии от режима Пол Пота началась 25 декабря 1978 г. 50-тысячная вьетнамская армия под командованием генерала Зунга пересекла границу Кампучии. Одновременно ВНА высадил 7 морских десантов на территорию Кампучии, и они с разных направлений двинулись к Пномпеню. 7 января 1979 г. Пномпень был взят. Пол Поту, правда, удалось спастись вместе с китайскими советниками на самолёте, который вьетнамским ПВО было приказано не сбивать, дабы избежать войны с Китаем. Но избежать войны не удалось.

Рано утром 17 февраля 1979 г. китайские войска (более полумиллиона солдат и тысячи танков и самоходных установок) вторглись во Вьетнам - от Лайтяу до Куангнинь - на протяжении 1200 км этого участка вьетнамо-китайской границы (см. *карту*).

В обширной мировой литературе, посвященной этой войне, главное внимание уделяется действиям и заявлениям тогдашнего китайского лидера и реформатора Дэн Сяопина, который призывал «проучить Вьетнам» за свержение режима своего ставленника Пол Пота. При этом лишь мельком упоминается необыкновенная стойкость принявших на себя главный удар китайских войск вьетнамских пограничников и бойцов местных вооруженных сил, которыми руководил

генерал армии Ван Тиен Зунг.

19 февраля, на второй день войны, СССР решительно осудил агрессивные действия Китая. И тут же в Ханой прибыла большая делегация во главе с генерал-полковником Г.И. Обатуровым в составе 13 генералов и 7 полковников различных родов войск для оказания помощи в организации обороны. В состоянии боевой готовности был приведён весь Дальневосточный военный округ, включая корабли и авиацию Тихоокеанского флота, размещённые в Монголии бронетанковые войска начали выдвижение к китайской границе. В срочном порядке во Вьетнам была направлена техника, включая системы «Град», а также продовольствие, медикаменты и стройматериалы.

Генерал Зунг применил опыт боевых действий, накопленный ВНА в годы войны на Юге Вьетнама. Участники боев вспоминают, что наступление было остановлено в горных проходах силами пограничных войск и частей самообороны. На помощь оборонявшимся подошли бывшие на вооружении ВНА российские системы «Град» и другие подкрепления. Регулярные части в боях не участвовали, прикрывая дороги на Ханой (до которого оставалось 146 км) и Хайфон.

5 марта Пекин принял решение вывести свои войска до подхода с Юга частей ВНА. Потери китайских войск оказались значительными. По разным данным, они составили десятки тысяч человек убитыми и ранеными. Остальным вьетнамцы дали уйти не без давления со стороны Москвы,

где опасались, что Китай развернёт полномасштабную войну против СРВ.

В конце апреля начались переговоры. Вьетнам предлагал демилитаризацию границы и установление мирных отношений. Китай требовал от Ханоя пересмотра его отношений с СССР и вывода войск из Кампучии и Лаоса, признания суверенитета КНР над Парасельскими островами и архипелагом Спратли. Позиции были несовместимы. Переговоры затянулись. В марте 1980 г. Китай прервал их. В результате, до конца 1980-х гг. граница оставалась зоной многочисленных конфликтов.

В 1980 г. генерал армии Ван Тиен Зунг был назначен на должность министра обороны. Он уже давно фактически выполнял эти обязанности в связи с тяжелым заболеванием своего друга и наставника Во Нгуен Зиана. Но назначение Зунга в военных кругах страны было встречено по-разному.

Не всем нравились его жесткие меры по укреплению дисциплины, созданию Устава ВНА и уставов родов войск, которых раньше в армии не было вообще, по строительству современной ар-

мии в условиях проходившей в мире технической революции. О Ван Тиен Зунге распускались слухи, что в мемуарах он якобы сильно преувеличил свои заслуги в успехе «операции Хо Ши Мин».

В результате получилось так, что Ван Тиен Зунг не присоединился к группе реформаторов⁵ в руководстве КПВ и не был избран делегатом на VI съезд партии 1986 г., был выведен из состава Политбюро ЦК, а затем и снят с поста министра обороны.

Но период неблагоприятного отношения к Зунгу быстро прошёл. В 1990-е гг. он стал публично появляться на разных мероприятиях. Его мемуары были признаны руководством страны как достоверный рассказ о победе весеннего наступления 1975 г. Мемуары неоднократно переиздавались и были переведены на различные языки. За генералом армии Зунгом закрепилась репутация не только полководца, но и глубокого теоретика. После его кончины в 2002 г. были организованы государственные похороны. Именем Ван Тиен Зунга названа одна из центральных улиц Ханоя.

⁵ В руководстве КПВ к тому времени сложилось большинство, выступавшее за политику открытости и обновления (прим. авт.).

Список литературы / References

1. Ван Тиен Зунг. Великая победа весной семьдесят пятого. М., Воениздат. 1980. (Văn Tiến Dũng. 1980. The Great Victory of the 1975 Spring. M.) (In Russ.)
2. Радио «Голос Вьетнама». 27.04.2017. (Radio "Voice of Vietnam". 27.04.2017) (In Russ.). <http://vovworld.vn/ru-RU.vov> 27.04.2017 (accessed 02.03.2020)
3. Let us Keep forever in the Memory of the Army General Van Tien Zung. Memories. Hanoi, 2004, p. 50. (In Viet.)
4. Mark Bouden Hue 1968. A Turning Point of the American War in Vietnam. New York, Kindle edition, June 2017. <http://www.VOA/27.02.2018.html/> (accessed 02.02.2020)
5. Nguyen Ky Phong for BBC Vietnamese. Republic of Vietnam before and after the Tet Celebration 1968. February 28, 2018. (In Viet.). <http://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-43217291> (accessed 02.02.2020)
6. The Directives of Political Bureau about the End of the War. Results of the Resistance War against US for the salvation of the Party. The Victory and Lessons. Ed. by State Political House. Hanoi, 1995, p. 318. (In Viet.)

DOI:10.31857/S032150750010453-0

ИНДУСТРИЯ 4.0 ВО ВЬЕТНАМЕ: ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

© 2020 Х.В. ЛО ТХИ (Вьетнам), Л. ГУЗИКОВА

ЛО ТХИ Хонг Ван (Вьетнам), аспирантка Высшей инженерно-экономической школы, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (hongvan289@gmail.com)

ГУЗИКОВА Людмила Александровна, доктор экономических наук, профессор Высшей инженерно-экономической школы, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (guzikova@mail.ru)

Резюме. В статье исследуется опыт стратегического планирования развития Индустрии 4.0 во Вьетнаме. Основное внимание уделено анализу стратегических перспектив развития страны в контексте Индустрии 4.0. На основе материалов проекта национальной стратегии по 4-й промышленной революции до 2030 г. и данных национальной статистики показаны текущее состояние Индустрии 4.0 в стране и ее роль в цифровой трансформации национальной экономики.

Ключевые слова: Вьетнам, Индустрия 4.0, технологическое развитие, цифровая трансформация, стратегия экономического развития, экономика Вьетнама

INDUSTRY 4.0 IN VIETNAM: STRATEGIC PLANNING EXPERIENCE

Hong Van LO THI (Vietnam), Post-graduate student, High Engineering Economy School, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (hongvan289@gmail.com)

Liudmila A. GUZIKOVA, Dr.Sc. (Economics), Professor, High Engineering Economy School, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (guzikova@mail.ru)

Abstract. The article explores strategic planning experience of the Industry 4.0 development in Vietnam. The object of the study is the content of the draft national strategy for Industry 4.0 development in Vietnam.

The main attention is paid to the strategic prospects analysis and critical strategic tasks for the country in the context of digital transformation. Based on the materials of the draft national strategy for the fourth industrial revolution until 2030 and the data of national statistics, the current state of Industry 4.0 in Vietnam and its role in the digital transformation of the national economy are shown.

The authors used materials from official Vietnamese sources, international organizations and companies specializing in conducting field social and economic research. Based on the challenges facing the country in the development of Industry 4.0, an analysis of the business community's willingness for transformation and of the human resources state has been carried out. It is concluded that, in general, Vietnam has the potential to implement strategic objectives. The priority importance of education system modernizing for the success of the Industry 4.0 development strategy and sustainable economic growth achieving in Vietnam is substantiated.

Conclusions and recommendations made in the article may be useful to researchers studying the issues of strategic planning of digital transformation and its economic results, as well as to representatives of government organizations related to these areas.

Keywords: Vietnam, Industry 4.0, technological development, digital transformation, economic development strategy, Vietnam's economy

Уровень технологического развития, к которому вплотную подошло человечество, принято обозначать как Индустрия 4.0. Технологические достижения революционизируют промышленное производство, где автоматизация производственных процессов сменяется интеллектуальными автономными системами, способными к самооптимизации и самонастройке.

Индустрия 4.0 влияет на все отрасли и сферы деятельности, переопределяет границы между секторами экономики и технологическими сферами и оказывает огромное влияние на развивающиеся страны, причем в обозримом будущем ее важность и масштаб будут только возрастать.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В 2019 г. Министерство планирования и инвестиций (MPI) Вьетнама объявило о разработке

национальной стратегии по 4-й промышленной революции до 2030 г. Ее главные цели заключаются в том, чтобы на основе Индустрии 4.0 увеличить ВВП страны и уровень занятости, а также привлечь больший объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [2].

В Центральном институте экономического управления (СИЕМ), находящемся под прямым управлением Министерства планирования и инвестиций Вьетнама, считают, что Индустрия 4.0 позволит Вьетнаму ликвидировать отставание от других стран и представляет собой самый короткий путь для превращения населения страны в индустриальную и богатую нацию [3].

Проект стратегии Индустрии 4.0 предусматривает создание электронного правительства и нацеленность на создание цифрового правительства, чтобы осуществлять государственное управление более быстрым, эффективным и действенным образом.

В проекте предусматривается, что к 2025 г. все административные учреждения будут предоставлять услуги в режиме онлайн, а государственные некоммерческие подразделения будут применять информационные технологии в общении с людьми и использовать онлайн-платежи или мобильные платежи. Оптоволоконные и мобильные широкополосные интернет-сети (4G и 5G) будут охватывать все населенные пункты; а к 2030 г. процент пользователей Интернета достигнет 100%.

Технологии Индустрии 4.0 также будут применяться для модернизации и преобразования производственной и бизнес-системы, чтобы оптимизировать распределение ресурсов, сократить производственные и коммерческие затраты, найти новые рынки сбыта в стране и за рубежом, лучше управлять цепочками поставок и улучшить производительность предприятий, в частности, и всей экономики, в целом.

Планируется расширение инвестиций в научно-техническую деятельность, продвижение ее результатов и повышение эффективности. Особое внимание предполагается уделять НИОКР, направленным на освоение технологий индустрии 4.0 и технологий следующего поколения.

Результаты должны позволить Вьетнаму занять лидирующие позиции в некоторых современных технологиях и обеспечить национальную конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Приоритетны для технологической разработки - мобильная связь 5G и следующих поколений, искусственный интеллект, блокчейн, 3D-печать, облачные вычисления, Интернет вещей, кибербезопасность и чистая энергия.

ПРЕДПОСЫЛКИ К РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Опрос, проведенный компанией *Price water house Coopers* в 2018 г., в котором участвовали 188 менеджеров вьетнамских компаний, показал, что, хотя респонденты знали об индустрии 4.0, большинство не понимало ее концепцию и возможное влияние в полной мере. По оценкам респондентов, Индустрия 4.0 потребует значительного повышения квалификации, что может повлиять на их организацию и методы работы. Только 14% опрошенных заявили, что их сотрудники имеют необходимую подготовку к цифровой трансформации. 65% указали, что 50% персонала придется переучивать или увольнять. Несмотря на высокую неопределенность, 65% респондентов положительно относятся к Индустрии 4.0 и ожидают от нее личной выгоды [4].

Формирование правильного понимания природы, характеристик, возможностей и задач Индустрии 4.0 не только руководителями, но и персоналом компаний, а также всем населением страны будет способствовать повышению эффектив-

ности экономики и устранению региональных диспропорций [5].

Вопрос о том, отстает ли Вьетнам от глобальных цифровых экономических волн, создаваемых Индустрией 4.0, поднимался на Вьетнамском экономическом форуме частного сектора в 2019 г.

Представители крупного бизнеса критически оценили политику и конкретные действия по развитию цифровой экономики во Вьетнаме, указывая, что не были эффективно реализованы программы создания электронного правительства, электронного туризма или электронного здравоохранения. Были также отмечены наличие разрыва между политическими решениями и конкретными действиями и отставание развития нормативно-правовой базы применения ИКТ и разработки интеллектуальных решений. Вместе с тем, предприниматели были единодушны в суждении, что Вьетнам обладает огромными возможностями для развития цифровой экономики, которая будет играть ключевую роль в повышении производительности труда, стимулировании экономического роста и конкурентоспособности страны.

Для повышения конкурентоспособности в контексте информационной революции 4.0, а также для модернизации глобальной цепочки создания стоимости предприятия вынуждены внедрять инновационные технологии. При этом малые предприятия с ограниченными источниками нуждаются в государственной поддержке [6].

По результатам опросов *Google* и сингапурской компании *Temasek*, цифровой рынок Вьетнама в 2015 г. оценивался в \$3 млрд, в 2018 г. - \$9 млрд, и, согласно прогнозам, к 2025 г. он вырастет до \$30 млрд [3].

В исследовании австралийского Государственного объединения научных и прикладных исследований (*CSIRO*) [7] смоделированы 4 сценария развития цифровой экономики Вьетнама до 2045 г. (см. табл.1). Из табл. 1 видно, что ВВП Вьетнама, который в 2019 г. составил \$255 млрд, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 6,97%, в условиях широкой цифровой трансформации может вырасти к 2045 г. в 1,66 раза.

По данным Азиатской интернет-коалиции (*AIC*), эксклюзивно представляющей ведущие мировые интернет-компании по вопросам государственной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Вьетнам - одна из немногих стран в Юго-Восточной Азии с высокой скоростью цифровой трансформации.

В настоящее время во Вьетнаме насчитывается более 136 млн абонентов мобильной связи, и 54,2% населения подключены к широкополосному проводному Интернету. Вьетнам также - одна из 17 стран мира с наибольшим количеством пользователей Интернета. Правительство Вьетнама стремится превратить страну в одну из

Таблица 1

Сценарии развития цифровой экономики Вьетнама

Сценарий	Содержание сценария	Прирост ВВП за 27 лет, \$ млрд	Вклад в ежегодный темп роста, %	Доля рабочих мест под угрозой трансформации или сокращения, %
Преимущественный	Низкий уровень цифровой трансформации и малый объем индустрии ИКТ	60,9	0,38	18,4
Цифровая трансформация	Крупные цифровые преобразования во всех отраслях и государственных службах. Рост экспорта продуктов и услуг ИКТ	168,6	1,1	38,1
Экспортер цифровых технологий	Медленная индустриальная трансформация, но быстрый рост индустрии ИКТ. Использование зарубежными ИКТ-компаниями вьетнамских работников из-за низкой стоимости рабочей силы	66,9	0,45	19,1
Пользователь цифровых технологий	Широкие преобразования в промышленности при ограниченном росте индустрии ИКТ. Доля ИКТ в структуре экспорта не является значительной	102,8	0,63	28,9

* Прогнозы ВВП базируются на ценах 2005 года.
Составлено авторами по данным: [7].

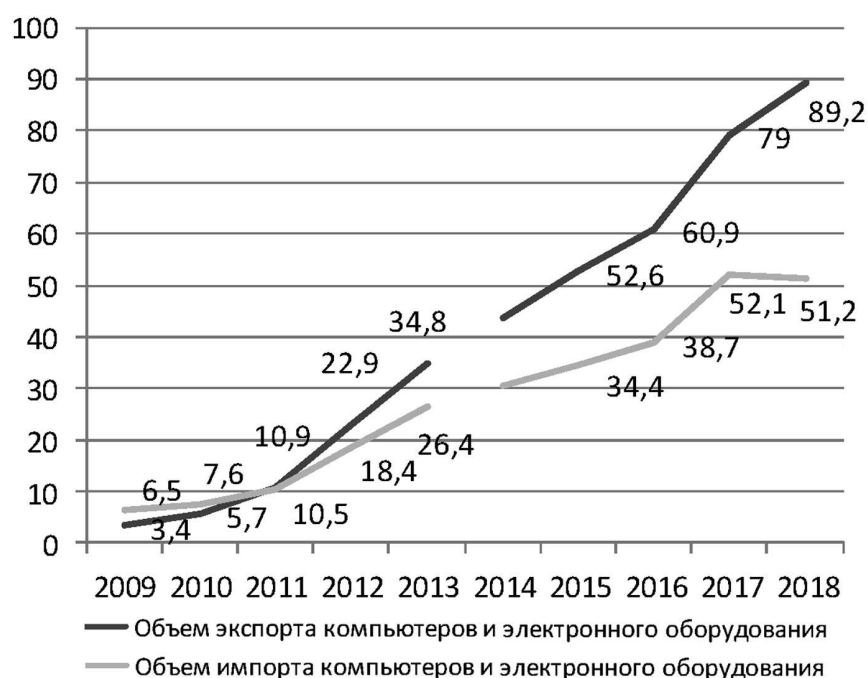

График. Соотношение объемов импорта и экспорта компьютеров и электронного оборудования, \$ млн.

Данные за 2014 г. не были опубликованы в связи с переходом во Вьетнаме на новые формы статистической отчетности (прим. авт.).

Составлено авторами по: [2].

10 крупнейших стран мира, производящих программное обеспечение и цифровой контент [3].

Вьетнам зарекомендовал себя как один из самых инвестиционно привлекательных рынков в регионе. Ведущие мировые технологические компании традиционно выбирают Вьетнам как место для строительства основных производственных мощностей, которые поставляют оборудование и продукцию, создавая больше рабочих мест и развивая человеческий капитал [8]. Начиная с 2011 г. объем экспорта компьютеров и электронного оборудования превышает объем импорта этой продукции, в 2018 г. - в 1,74 раза (см. *граф.*). Показатели отражают не только вовлеченность

Вьетнама в мировой рынок информационно-компьютерных технологий, но и расширение его присутствия на этом рынке.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Поскольку цифровизация стратегии становится обязательной для бизнеса, Вьетнам стремится

Таблица 2

Структура дохода от Индустрии 4.0

Отрасль	Доход к 2030 г., \$ млрд	Доля в прямом доходе, %
Электронная коммерция	40,00	85,0
Искусственный интеллект	0,42	0,9
Большие данные	0,73	1,6
Облачные вычисления	2,20	4,7
Онлайн-реклама	2,20	4,7
Финансовые технологии	1,50	3,1
Всего:	47,05	100,0

Составлено авторами по: [3].

реагировать на ожидания инвесторов. В результате активно развиваются вьетнамские рынки онлайн-рекламы и электронной коммерции [9]. По данным Вьетнамской ассоциации электронной коммерции, электронная торговля в 2018 г. выросла более чем на 30%, а ее рыночная стоимость достигла \$7,8 млрд. Интернет-экономика Вьетнама в 2018 г. по валовой стоимости товаров оценивается на уровне \$9 млрд, что составляет около 4% ВВП, а в будущем эта доля может возрасти.

Согласно исследованию Центрального института экономического управления (СИЕМ), до 2030 г. вклад Индустрии 4.0 в ВВП Вьетнама будет расти на 7-16% в год и увеличится с \$28,5 млрд в 2018 г. до \$62,1 млрд.

По данным СИЕМ, даже если будут применяться технологии только среднего уровня, стратегия Индустрия 4.0 позволит Вьетнаму к 2030 г. добиться значительного роста во многих ключевых секторах экономики, таких как обрабатывающая промышленность (16%, или \$4 млрд), оптовая и розничная торговля (20%, или \$9,5 млрд), рыболовство и сельское и лесное хозяйство (12%, или \$6 млрд), поставки электроэнергии, газа и кондиционирования воздуха (23%, или \$5,75 млрд), а также финансы, банковское дело и страхование (14%, или \$3,5 млрд) [3].

Уже сегодня наблюдается сдвиг вверх по технологической цепочке создания стоимости в сторону разработки программного обеспечения и услуг на базе цифровых приложений. Решающее значение для Вьетнама имеют иностранные инвестиции, особенно передача знаний и международной практики, которые будут поддерживать развитие местной отрасли ИКТ [8].

Новые отрасли промышленности, возникающие из Индустрии 4.0, должны стать ключевыми движущими силами роста Вьетнама, создавать цифровые продукты, которые могут быть предметом экспорта, поддерживать другие сектора эко-

номики, повышая их конкурентоспособность, увеличивая доходы и стимулируя разработку новых продуктов и услуг. Планируемый доход от развития новых отраслей показан в табл. 2.

Для работы в условиях Индустрии 4.0 навыки работы с цифровыми технологиями должны стать массовыми, что диктует новые требования к системам образования развивающихся стран. По оценкам Мирового экономического форума, в настоящее время качество человеческого капитала во Вьетнаме не в полной мере соответствует требованиям Индустрии 4.0. В 2018 г. страна занимала 70-е место из 100 по индексу трудовых ресурсов, 81-е - по индексу высококвалифицированного труда и 75-е место - по качеству университетов [10].

Однако необходимо отметить, что по индексу человеческого развития (ИЧР) и индексу инноваций Вьетнам опережает некоторые азиатские страны, относящиеся к группе новых индустриальных стран. В ИЧР 2019 года Вьетнам находился на 118-м месте, опережая Индию, а в Глобальном индексе инноваций он занял 37-е, опередив Малайзию, Таиланд и Филиппины [11]. Кроме того, в последние годы Вьетнам предпринял шаги по возвращению вьетнамских предпринимателей на родину, что стимулировало развитие предпринимательской среды, появление стартапов и малых предприятий, активно использующих цифровые технологии.

По оценкам ЮНИДО, Индустрия 4.0 повысит спрос на научные, технические, инженерные и математические квалификации в сфере производства. Узкое место в навыках в большей мере будет ощущаться в развивающихся странах из-за значительной информационной асимметрии в новых технологиях и огромной разнице в уровне доступа к знаниям между развитыми и развивающимися странами, между богатыми и бедными, и между крупными и мелкими фирмами. Доступ к обуче-

нию новым навыкам в области технологий и науки и созданию инновационных экосистем для технологического обучения и инноваций будет иметь решающее значение, чтобы дать развивающимся странам возможность играть инклюзивную роль на мировом рынке [12].

Как считают некоторые исследователи [13], наибольший вызов для системы высшего образования Вьетнама состоит в преодолении консервативных взглядов на развитие человеческого потенциала. Системе образования Вьетнама необходимо решить проблемы, накопленные в течение предыдущего периода, чтобы повысить свой потенциал до уровня, позволяющего эффективно решать проблемы Индустрии 4.0.

* * *

Индустрия 4.0 по-разному затрагивает страны, различающиеся по уровню экономического развития.

Наиболее значимый фактор, позволяющий надеяться на успех Вьетнама в Индустрии 4.0, - осознание государственными органами важности проблемы и ее стратегического характера. Степень влияния этого фактора будет зависеть от комплексности подхода и качества планирования, в т.ч. от набора стратегических индикаторов, формирования институциональной среды технологических изменений, налаживания взаимопо-

нимания с бизнес-сообществом и объема ресурсов, непосредственно направляемых на цели развития Индустрии 4.0. В настоящее время ожидания бизнеса государство оправдывает не в полной мере. При этом, как свидетельствуют данные [4], понимание руководителями бизнеса задач Индустрии 4.0 в настоящее время недостаточно конкретно.

Впрочем, достигнутые на текущий момент результаты дают основания для оптимизма. Оценки национальных и международных организаций подтверждают наличие у страны потенциала в реализации Индустрии 4.0.

Критическим фактором реализации стратегии по развитию Индустрии 4.0 во Вьетнаме может стать система образования, перед которой стоят стратегические задачи подготовки кадров для Индустрии 4.0 и сглаживание негативного влияния цифровой трансформации на занятость трудоспособного населения за счет переобучения и дополнительного образования. Решение этих задач должно обеспечиваться ресурсами, предоставляемыми государством и бизнесом.

Стратегия Вьетнама по реализации Индустрии 4.0, если она будет поддерживаться правильной политикой, станет способствовать дальнейшему укреплению цифровой экономики страны, что приведет к значительному росту ВВП, торговли, созданию рабочих мест и инновациям.

Список литературы / References

1. Siau Keng, Xi Yingrui & Zou Cui. 2019. Industry 4.0 - Challenges and Opportunities in Different Countries. *Cutter IT Journal*. № 32, pp. 6-14.
2. Vietnam Law and Legal Forum, 2019. National strategy on Industry 4.0 drafted. <http://vietnamlawmagazine.vn/national-strategy-on-industry-40-drafted-16794.html> (accessed 27.02.2019)
3. Opening Vietnam up to Industry 4.0. *Vietnam Investment Review*, 2019. <https://www.vir.com.vn/opening-vietnam-up-to-industry-40-67590.html> (accessed 22.02.2019)
4. PricewaterhouseCoopers, 2018. Industry 4.0 Vietnam Survey 2018. Executive Summary. <https://www.pwc.com/vn/en/publications/2018/pwc-vietnam-industry-40-report-en.pdf> (accessed 23.02.2019)
5. Vu Thuy Trang, Dinh Manh Tuan. 2019. Operation characteristics of newly established enterprises in Central Highlands in the context of the fourth industrial revolution. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. Series 2, № 2, pp. 44-53.
6. Нгуен Чиен Тханг, Чан Тхи Ван Ань, Николаева Е. Текстильные и швейные предприятия во Вьетнаме в условиях промышленной революции 4.0. *Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки*. 2019. № 7 (429), вып. 65, с. 186-194. (Nguyen Chien Thang, Tran Thi Van Anh & Nikolaeva E. 2019. Textile and garment enterprises in Vietnam under the context of industrial revolution 4.0. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Economic Sciences*. № 7 (429), vol. 65) (In Russ.)
7. Cameron A., Pham T.H., Atherton J., Nguyen D.H., Nguyen T.P., Tran S.T., Nguyen T.N., Trinh H.Y. & Hajkowicz S., 2019. Vietnam's future digital economy - Towards 2030 and 2045: Summary report. CSIRO, Brisbane.
8. Dang The Duc. 2019. Vietnam Takes A Right Approach To Advance Industry 4.0 Ambitions. <http://www.conventuslaw.com/report/vietnam-takes-a-right-approach-to-advance-industry/> (accessed 22.02.2019)
9. Kanaev E., Nguyen Quang Thuong & Vi Thi Huong Hue. 2019. The digitalization of business: Vietnam's perspective. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. Series 2, № 1, pp. 35-45.
10. World Economic Forum, 2018. Readiness for the future of production Report. 2018. http://www3.weforum.org/docs/FOP_Readiness_Report_2018.pdf (accessed 22.02.2019)
11. Cornell University, INSEAD, and WIPO (2019); The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives - The Future of Medical Innovation, Ithaca, Fontainebleau, and Geneva.
12. UNIDO, 2017. Industry 4.0 - the opportunities behind the challenge. https://www.unido.org/sites/default/files/files/2018-11/UNIDO_GC17_Industry_40.pdf (accessed 22.02.2019)
13. Kanaev E., Darnel R. & Dinh Le Hong Giang. 2018. Vietnam's higher education amid the forthcoming fourth industrial revolution. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. Series 2, № 1, pp. 69-85.

Трибуна соискателя

DOI: 10.31857/S032150750010454-1

ПАТРИСИЯ ДЕ ЛИЛЛЬ :
ПОБЕДЫ И ПРОСЧЕТЫ В КАРЬЕРЕ «ЦВЕТНОГО» ПОЛИТИКА ЮАР

© 2020 Д. ТУРЯНИЦА

ТУРЯНИЦА Дарья Андреевна, аспирантка, м.н.с. Института Африки РАН (darya.turyanitsa@gmail.com)

Резюме. Статья посвящена одной из женщин-политиков Южно-Африканской Республики, занимающей пост министра в правительстве Сирила Раматосы. Автор анализирует условия, при которых цветная женщина - Патрисия де Лилль попала в «большую политику». Рассматривается политическая среда формирования ее личности, имеющей определённый вес и авторитет не только в рядах собственной партии, но и в обществе, в целом. Прослеживается появление на политической арене страны новой южноафриканской партии - GOOD.

Ключевые слова: ЮАР, Патрисия де Лилль, цветные, партия GOOD

PATRICIA DE LILLE - VICTORIES AND MISCALCULATIONS IN THE CAREER OF A «COLOURED» POLITICIAN OF SOUTH AFRICA

Daria A. TURIANITSA, Post-graduate student, Junior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (darya.turyanitsa@gmail.com)

Abstract. This paper focuses on the South African politician Patricia de Lille, who is currently the Minister of Public Works in the 2019 of cabinet of Cyril Ramaphosa. Author attempts to analyze her background and reasons that motivated her to be inside of the political sphere in South Africa.

This article briefly covers one of the South African population groups - coloured people. What is their position in the post-apartheid South Africa and whether they have a place in the "rainbow" nation?

The author tries to take into account how an origin of Patricia de Lille as a coloured woman, influences her political career. Having changed three South African parties - Pan-African Congress, Independent Democrats, Democratic Alliance de Lille continues to achieve her political goals. Some voters, especially in her home province - Western Cape, where she served as Mayor of Cape Town from 2011 to 2018, continue to believe in her reputation.

Her active work under the GOOD party created on December 2, 2018 will be reviewed here. Campaign, relations with their allies, the party's performance in its first general elections in South Africa were examined. The GOOD party, represented by its leader Patricia de Lille, due to many favourable factors, was able to stand the test and get places in the parliament.

In the framework of this article, author seeks to objectively show some inconsistency of de Lille's actions as a politician and to identify factors that followed her style and political leadership methods. For more than 45 years of political experience, de Lille's career was not without ups and downs, but despite all, she did not give up and moved forward.

Keywords: South Africa, Patricia de Lille, coloured community, GOOD party

В ЮАР после падения апартеида и прихода к власти Африканского национального конгресса (АНК) в жизни южноафриканского общества произошли серьёзные изменения во всех сферах деятельности, направленные на развитие и преодоление последствий режима. Однако эти изменения коснулись не всех в равной степени.

«РАДУЖНАЯ НАЦИЯ»?

Африканцы (черные), белые, цветные, азиатское и автохтонное (койсанское) население ЮАР (которое чаще включают в группу цветных) - все они стали частью нового южноафриканского общества, названное бывшим архиепископом Десмондом Туту (р. 1931) «радужной нацией».

На наш взгляд, следует признать - термин «радужная нация» (англ. - *rainbow nation*) не выдержал проверку временем. Десмонд Туту с грустью заметил еще в 2014 г., что он «рад, что Нельсон Мандела не видит того, как нынешние южноафриканские политики вершат судьбы людей и страны» [1].

Тем не менее, вопрос расы и расовой принадлежности официально не сошел полностью на нет, однако слова-символы времен апартеида - «банту», «blankes», «kleurlinge»¹, «бушмены», «готтентоты» - ушли. Слово «раса» было заменено «на языковую группу» или «этническую группу».

Так, резко осуждению и вынужденному «отпуску» подвергся глава муниципалитета провинции Свободное государство, член партии АНК

¹ На языке африкаанс - «белые», «цветные» (прим. авт.).

Нкосиньяне Спилман. В своем выступлении относительно мер борьбы с *COVID-19* в апреле 2020 г. он обвинил цветных из г. Блонвилле в том, что «они пьяницы и слоняются без дела, несмотря на введенный карантин», назвал их еще и «бушменами». За свои слова ему пришлось извиняться, и не один раз, перед жителями Блонвилля и перед всем цветным сообществом ЮАР. Однако его искренности мало кто поверил [2].

КТО ЖЕ ТАКИЕ ЦВЕТНЫЕ?

В ходе перераспределения и переформатирования нового постапартеидного общества в сложном положении оказалась довольно существенная группа населения - цветные. Цветных в ЮАР - чуть больше 5 млн, согласно статистике 2019 г., и они на втором месте по численности населения после африканцев - 47 млн [3].

Эта группа представляет собой более сложную категорию: и ни черные, и ни белые (и не смешение тех и других). Она впитала в себя прошлое разных предков, привезенных во время колониального управления Голландской Ост-Индской компании с трех континентов.

Широко употребляемый ныне термин, обозначающий группу «цветных» (на англ. - *coloured* или на афр. - *bruinmense*²), продолжает вызывать споры как внутри группы, так и в научном сообществе, среди политиков, общественных деятелей ЮАР и за ее пределами.

Тем не менее, расовые категории времен апартеида до сих пор используются на государственном уровне (в статистических показателях численности населения, занятости или др.) В 2003 г., согласно документу *Broad-Based Black Economic Empowerment (B-BBEE)*³, или политике позитивной дискриминации, ранее дискриминированным группам населения отдавалось предпочтение при найме на работу, поступлении в университет и др. Термин «черные», в соответствии с *B-BBEE*, объединил в себе африканцев, цветных, индийцев. В 2013 г. при пересмотре этого документа термин сохранил свою составляющую, однако и сегодня нередки случаи, когда цветные граждане обращаются в суд по поводу того, что их карьерная лестница ограничена из-за «неподходящего» цвета кожи [4].

Портовый город Кейптаун представляет собой «колыбель» культуры цветных, которая ярко отражена в архитектуре зданий и духе города. Здесь,

в этой части страны, на протяжении более 350 лет проживает большая часть цветных, в основном сконцентрированных в двух провинциях - Западный и Северный Кейп. В Кейптауне, столице провинции Западный Кейп, согласно статистике 2011 г., они составляют 42,4% жителей, а по всей провинции эта цифра достигает 48,8%. На фоне остальных групп населения цветные являются крупнейшими представителями в провинции Западный Кейп, далее следует группа черных южноафриканцев, многие из которых мигранты из соседних провинций ЮАР [5]. Эти данные мы выделяем особо, говоря о политической обстановке и борьбе за голоса электората в указанных провинциях.

ПАРТИЯ ГУД НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ЮАР

В мае 2019 г. в ЮАР прошли всеобщие парламентские выборы и выборы в провинциальные законодательные собрания. Главой государства стал лидер АНК - Сирил Раманоса. По результатам прошедших выборов на политической арене ЮАР снова доминируют три партии: правящая партия АНК, вслед за ним - Демократический альянс (ДА), далее - Борцы за экономическую свободу (ЭФФ), набравшие наибольшее количество голосов избирателей - 57,5%, 20,77% и 10,8%, соответственно [6]. В выборах приняло участие 48 партий. В «десятку» партий, прошедших в парламент ЮАР, попала и новая - *GOOD* (ГУД)⁴.

Партия ГУД основана Патрисией де Лилль, бывшим мэром г. Кейптауна, в декабре 2018 г. В феврале 2019 г. ГУД была официально зарегистрирована для участия во всеобщих выборах. Впервые подключившись к «выборной гонке» и имея за плечами четыре месяца со дня официальной регистрации, выступая за «жилищную справедливость, социальную справедливость, экономическую справедливость, экологическую справедливость. Против - коррупции и расизма, За - права граждан», как это указано в официальном твиттере партии, ГУД получила более 70 000 тыс. голосов, завоевав 2 места в парламенте [7].

Надо полагать, результаты выборов для партии де Лилль связаны с несколькими причинами.

Во-первых, была проведена «правильная» предвыборная агитационная работа, открыто направленная на «переманивание» голосов, прежде

² На языке африкаанс - «коричневые люди». Язык африкаанс (и его диалекты) для многих цветных жителей ЮАР остается родным. Один из диалектов, на котором говорят цветные в Кейптауне и не только, называют «капским» или встречаются его неофициальные названия - *Kaaps, Afrikaaps, Bruin Afrikaans* (прим. авт.).

³ При переводе с англ. яз. можно перевести как «расширение экономических возможностей для черных» (прим. авт.).

⁴ Название партии - *GOOD* (в переводе с англ. яз. - «добро»), в статье приводится в русской транслитерации - ГУД (прим. авт.).

всего, от Демократического альянса, потому что как раз руководство этой партии и вынудило оставить свой пост Патрисию де Лилль. Кроме этого, ДА и ГУД боролись за «схожий костяк избирателей» в провинции Западный Кейп. Именно поэтому в своих публикациях ГУД яростно критиковала политику ДА, потому что де Лилль, проработав в ДА в 2010-2018 гг. и занимая в партии руководящие посты, обладала прекрасным пониманием «внутренней кухни» партии. По этой причине ГУД использовала такие предвыборные плакаты с лозунгами: «Хватит! ДА - только бла-бла. Голосуйте за ГУД!», намекая своим будущим избирателям о прошлых невыполненных обещаниях ДА.

На другом плакате, с похожими призывами, три члена партии - женщины-политики, олицетворявшие новую ЮАР, это - Патрисия де Лилль, Вивиен Лоу Лавердж - заместитель партийного организатора (белая) и Нтависенг Лепоко - национальный представитель партии (черная) [8]. Следует отметить, что этот плакат - своего рода «копия» плаката Демократического альянса в 2011 г., где тогда были изображены Хелен Зилле (в 2011 г. лидер партии ДА, в 2020 г. председатель исполнительного комитета партии), Патрисия де Лилль и Линдиве Мазибуко (в 2011 г. представитель партии ДА в парламенте ЮАР).

Их образы демонстрировали, что партия ГУД поддерживает активное участие женщин в политической деятельности. В твиттере партии, в частности, опубликованы такие посты: «Мы принимаем новых членов ГУД каждый день. Многие из них ранее поддерживали ДА. Те, кто верит в принципы социальной, экономической, пространственной и экологической справедливости, должны присоединиться к партии ГУД». Для продвижения идей своей партии де Лилль активно использовала социальные сети: Твиттер, Фейсбук, привлекая тем самым молодой электорат.

Во-вторых, это узнаваемость Патрисии де Лилль в своем родном городе, Кейптауне, где «коренной» электорат знает ее как «Тетушку Пэт» (*Aunty Pat*). Это же «прозвище» было взято в качестве одного из лозунгов для партии ГУД - «*Aunty Pat is ready to #FixSA*»⁵.

В-третьих, подъем партии ГУД вызван разочарованием электората Западного Кейпа политикой АНК⁶ и внутренним кризисом в партии ДА. Внутрипартийные проблемы ДА возникли еще задолго до выборов 2019 г. Сначала свой пост в 2016 г. покинул перспективный молодой политик Линдиве Мазибуко из-за разногласий с лидером партии Хелен Зилле. В конце октября 2018 г. де Лилль - мэр Кейптауна - получила вотум недовер-

рия со стороны Демократического альянса и досрочно покинула пост. Затем ушла из партии Гвен Нгвенья, глава политического отдела ДА⁷.

Возвращение в руководящие органы партии бывшего лидера Хеллен Зилле в октябре 2019 г. вызвало массовую смену руководства партии. Партию покинул мэр Йоханнесбурга - Херман Машаба, далее оставил партию глава ДА - Ммуси Маимане. Большинство разногласий внутри партии были сведены к «камню преткновения»: ее отношению к вопросу о расе.

Кроме этого, ГУД сыграла на существующей сложной политической ситуации и перетянула часть избирателей ДА на свою сторону.

По словам известной в ЮАР журналистки Ребекки Дэвис, «некоторые аналитики предсказывали, что президент Рамапоса постарается преодолеть “политический пробел” в ЮАР и выделит хотя бы одно место в своём кабинете представителю из оппозиционной партии» [9]. В предварительных пояснениях относительно состава своего кабинета министров Рамапоса подчеркнул, что он искал «опыт, преемственность поколений, компетентность, демографическое и региональное представительство». Но мало кто мог предвидеть, что этим оппозиционным политиком станет лидер партии ГУД. Патрисия де Лилль после выборов мая 2019 г. была назначена на должность министра общественных работ и инфраструктуры. Де Лилль так же, как и Рамапоса в свое время, начала свой политический путь из профсоюзного движения в «большую политику».

До назначения в правительство политическая карьера Патрисии де Лилль была «разнообразной», как и сама лидер. Она успела сменить 4 партии и продвигаться по карьерной лестнице, будучи в разные периоды членом Панафриканского конгресса, членом Национальной ассамблеи (парламента) ЮАР, лидером партии Независимые демократы (*Independent Democrats*) (НД), региональным лидером ДА в Западном Кейпе, мэром Кейптауна и совсем недавно - Лидером партии ГУД. Теперь она стала «достопочтенным министром».

Проследим путь героини статьи на верхние этажи южноафриканской политики.

КТО ТАКАЯ ПАТРИСИЯ ДЕ ЛИЛЛЬ?

Патрисия де Лилль (в девичестве Линдт) родилась в 1951 г. в Южной Африке, в г. Западный Бофорт, близ Кейптауна, в многодетной цветной семье, ее родным языком был африкаанс. Отец Патрисии, Генри Линдт, учитель по профессии,

⁵ В переводе с англ. яз. - «Тетушка Пэт готова навести порядок в ЮАР».

⁶ На последних выборах в 2019 г. АНК набрал наименьшее количество голосов в провинции Западный Кейп (*прим. авт.*).

⁷ Однако она вернулась в ноябре 2019 г. после провала ДА на выборах (*прим. авт.*).

считал себя сторонником партии Панафриканского конгресса (ПАК). Он привил своим шестерым детям гордость за то, что они «африканцы».

Закончив начальную и среднюю школу, Патрисия продолжила обучение в 1985 г. в частном колледже, где увлеклась «левыми» идеями. Совмещая учёбу и работу в качестве управляющего на лакокрасочном предприятии в районе Кейп - Флэтс, Патрисия сумела убедить коллектив включиться в профсоюзное движение, которое набирало силу в стране. Коллеги активно поддерживали ее призыв влиться в профсоюзное движение.

Поворотным пунктом в общественно-политической биографии де Лилль стала 6-недельная забастовка рабочих, которую она возглавила в конце 1980-х гг. как первый региональный профсоюзный секретарь в химическом секторе и член Южно-Африканского профсоюза работников химической промышленности [10]. Умение аргументированно отстаивать права трудящихся выдвинуло её в первые ряды профсоюзных лидеров. Она стала первой женщиной вице-президентом Национального Совета профсоюзов (НАСТУ) в 1988 г. В это же время де Лилль избирается членом Национального исполнительного комитета Панафриканского движения - организации, аффилированной с ПАК.

В 1994 г. в ЮАР произошел демонтаж системы расовой сегрегации - апартеида, результатом которого вскоре стало проведение в стране всеобщего и равного голосования. На выборах убедительную победу одержала партия - Африканский национальный конгресс. На одном электоральном поле с АНК за места в парламенте боролась и партия ПАК. Находясь на высоких постах в ПАК (секретарь иностранных дел и секретарь по оказанию чрезвычайной помощи), Патрисия была выбрана одной из немногих уполномоченных представлять ПАК во время переговоров о создании нерасового государства, названных КОДЕСА⁸ в начале 1990-х. Однако ПАК в последний момент отозвал своих представителей с предварительных переговоров, отказавшись от участия в КОДЕСА [11]. Тем не менее, ей удалось в числе нескольких представителей от партии ПАК в 1994 г. получить место в парламенте «новой» демократической ЮАР. За время работы де Лилль отличилась «большим разнообразием» занимаемых ею постов, работала в ведущих профильных комитетах. В 2003 г. у неё появились разногласия с ПАК, и она отдалась от партии.

В современной Южной Африке женщины являются не только видными лидерами партий, но и сами становятся их основателями с разной

степенью успеха. По выражению российского ученого-африканиста Л.Я. Прокопенко, у оппозиционной партии Демократический альянс - «женское лицо»: лидером партии на протяжении десятилетий была Хелен Зилле, а парламентскую фракцию возглавляли в разное время Сандра Бота и Линдиве Мазибуко [12].

Патрисия де Лилль стала первой цветной женщиной в ЮАР, которая в 2003 г. создала собственную политическую партию - «Независимые демократы» (НД). Политическая платформа партии - борьба с коррупцией с опорой на либеральные принципы и стратегией на справедливость. НД представляла собой небольшую партию преимущественно с базой поддержки среди черных и цветных избирателей.

Любопытно заметить, что эмблема партии, а точнее сказать цветовая композиция новой партии ГУД, идентична партии НД. Судя по всему, «Тетушка Пэт» решила не менять фон, а использовать уже знакомую для избирателей цветовую гамму.

Вероятно, принимая во внимание грядущие муниципальные выборы в 2011 г. (далее в 2014 г. парламентские выборы) и желание оставаться во власти, в 2010 г. партия НД неожиданно объединилась с ДА во главе с Хелен Зилле. В 2014 г. НД официально распустилась, но оставалась все еще юридически зарегистрированной. Официальный мотив «поглощения» - совместное противостояние правящему АНК и тактическое объединение, в конечном итоге, привели к участию единым списком на муниципальных выборах в 2011 г.

В 2010 г. де Лилль становится членом кабинета министров в правительстве провинции Западный Кейп и кандидатом в мэры Кейптауна. В своей программе она предложила развивать город на 5-ти принципах: безопасный город, заботливый город, инклюзивный город, благоприятный город и хорошо управляемый город.

А ВСЕ ЛИ БЫЛО ТАК «ГУД»?

Патрисии де Лилль не удалось избежать недостатков и упущений в своей организационно-политической деятельности. Так же, как и любой политик, она не лишена личных амбиций, которые по большей части перевешивали и руководили ее решениями.

На посту мэра

За семь лет, в течение которых де Лилль руководила городом, Кейптаун пережил большой строительный бум. Но в то же время рост частного сектора не был однозначным и бесспорным,

⁸ КОДЕСА (Convention for a Democratic South Africa - CODESA) - многопартийный форум, который был назван Конвентом за демократическую Южную Африку (*прим. авт.*).

в результате чего цены на недвижимость резко поднялись, и де Лилль обвинила застройщиков в обогащении за счёт простых граждан города.

Стоит отдельно отметить острейшую для южноафриканского общества проблему социального жилья, которую обещают разрешить многие партии ЮАР, участвующие в выборах. Не сумела до конца справиться с этой задачей и де Лилль как многолетний мэр города. Почти для полумиллиона жителей Кейптауна жилье так и не было построено [13]. Интересно заметить, что обвинения, направленные в сторону правительства Западного Кейпа по данному вопросу, исходили от Бретта Херрона, «правой руки» Патрисии де Лилль в новой партии, бывшего члена комитета де Лилль на посту мэра по вопросам транспорта и городского развития Западного Кейпа.

Также в качестве критики ее политики на посту мэра Кейптауна вспоминают водный кризис, который почти довел город до *Day Zero*, когда из-за затяжной засухи уровень воды в городских дамбах и в других водных резервуарах опустился ниже 30%, и город столкнулся с жесткой нехваткой воды. Ответственность за этот кризис частично ложится на ее администрацию.

На посту лидера партии ГУД

Вскоре после отставки с двух серьезных постов - главы партии ДА в провинции Западный Кейп и мэра г. Кейптаун - де Лилль взяла двухнедельный «тайм-аут». Далее она сплотила вокруг себя своих единомышленников из партии ДА и объявила о создании новой политической партии социальной направленности с нестандартным названием ГУД. Де Лилль, по опыту работы в ДА, использовала проверенную схему: кому, как и что обещать.

Как бы то ни было, о том, кто спонсирует ГУД, де Лилль решила умолчать, заявив, что «мы объявим о том, кто финансирует партию только тогда, когда придет время. Сейчас большая часть средств получена путем членских пожертвований». В продолжение интервью южноафриканский политик добавила, что «все партии должны сообщать о своих источниках финансирования - не только ГУД» [14].

Заполучив заветные голоса на выборах 2019 г. и став министром в правительстве Рамапосы, партия во главе с де Лилль не собирается уходить с политической арены ЮАР. Однако по итогам выборов 2019 г. появились суждения о «сезонности» политики де Лилль, и что ее «прыжки» из партии в партию вызывают критику политиков и общественности [15].

В октябре 2019 г. разразился скандал вокруг назначения Синтии Джефрейс, сестры де Лилль, на пост секретаря в ее министерство. К тому времени в прессе страны не раз мелькала фамилия де

Лилль относительно назначения своих друзей, членов семьи, коллег по НД на вакантные места [16]. Де Лилль отрицала обвинения, однако сестра в связи со скандалом была вынуждена покинуть свой пост [17].

В мае 2019 г., сразу после выборов, некоторые члены новой партии прекратили свое членство по разным причинам. Первой такой шаг сделала национальный представитель ГУД Нтависенг Лепоко. Она заявила, что ей «было обещано место в парламенте», но, в итоге, оба места были отданы мужчинам. По всей видимости, не только избиратели, но и сама Лепоко приняли на веру плакаты и лозунги ГУД, которыми партия акцентировала внимание избирателей на активное женское участие в руководстве партии [18].

Вскоре свой пост покинула генеральный казначей партии Масего Квенамор со словами, «занимая место казначея партии, я ничего не знаю об отчетности партии и о ее спонсорах. Нас сознательно держат в неведении». Другой член партии ГУД, пожелавший остаться анонимным, покинул свой пост со словами: «Партия находится в состоянии хаоса, и никто, кроме самых приближенных соратников де Лилль, не был в курсе того, чем на самом деле занимается партия» [19].

В ноябре 2019 г. состоялось более массовое бегство. Часть членов партии сменили свои рыжие футболки (цвет партии ГУД) на голубые цвета партии ДА. По словам бывших членов партии, основная причина ухода - «ГУД дает пустые обещания бедным и безработным в обмен на их голоса» [20]. Не исключено, что этот переход из партии ГУД в партию ДА носил условный характер. «Новоприбывших» избирателей приветствовал глава ДА в Западном Кейпе - Бонгинкоси Мадикизела (племянник Винни Мадикизела - Мандела, второй жены Нельсона Манделы). ДА в свою очередь отметил, что получил более 300 новых заявок из партии ГУД на членство в партию ДА.

В данном контексте приобретает особый смысл высказывание одного из руководителей отделения ГУД, Рубена Акермана, который, покидая партию, заявил буквально следующее: «Партия ГУД совсем лишена понятия морали. С первых дней создания партия ориентировалась только на поддержку со стороны друзей и родственников, продвижение партии происходило, в основном, за счет собственного корыстолюбия», намекая тем самым на политический карьеризм лидера партии. В конце комментария он добавил, что «Партия ГУД не настолько *good*» [21].

Стоит признать, что сложившаяся политическая ситуация в 2019 г. не нова. Еще в 2004 г., за месяц до всеобщих выборов, сотни членов Независимых демократов покинули партию, сообщив в СМИ, что «де Лилль рассматривает партию как

свою личную вотчину», и «ее стиль руководства можно назвать только деспотичным и недемократичным». Другой бывший представитель НД подчеркнул, «партия лишена прозрачности, как бы иронично это не звучало, потому что только за счет этого партия де Лилль получила свою популярность и голоса» [22].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что ГУД - новая партия Патрисии де Лилль - вряд ли сможет «перетянуть» в свою зону влияния большое количество голосов, особенно среди «цветных», хотя, вероятно, партия предпримет попытки на следующих муниципальных выборах в 2021 г.

* * *

Такова партийно-политическая «хроника» ЮАР и роль в этом спектре противоречивой южноафриканки Патрисии де Лилль. Ее политическая карьера насчитывает более 45 лет, и за это время она четко усвоила устоявшееся правило - «политика не для слабаков». Она хорошо помнит слова Винни Манделы, сказанные ей в свое время: «В тот день, когда ты войдешь в политику, ты поймешь: нет правил для мужчин, нет правил для женщин, есть только правила» [23]. Этот урок она усвоила и остается верной себе и своим карьерным выгодам.

Список литературы / References

1. 20 Years after Apartheid, South Africa Asks, 'How Are We Doing?'. <https://www.npr.org/sections/parallels/2014/05/06/310095463/20-years-after-apartheid-south-africa-asks-how-are-we-doing> (accessed 02.02.2020)
2. Welkom mayor suspended for racist remarks towards coloured community. <https://www.iol.co.za/news/politics/welkom-mayor-suspended-for-racist-remarks-towards-coloured-community-46442196> (accessed 08.04.2020)
3. Stats in brief, 2019. Statistics South Africa, 2019. <http://www.statssa.gov.za/publications/StatsInBrief/StatsInBrief2019.pdf> (accessed 17.02.2020)
4. Coloured man loses court bid that he was denied promotion due to his race. <https://www.iol.co.za/the-star/news/coloured-man-loses-court-bid-that-he-was-denied-promotion-due-to-his-race-44171285> (accessed 18.04.2020)
5. Census 2011. Census in brief. Statistics of South Africa. 2012. http://www.statssa.gov.za/census/census_2011/census_products/Census_2011_Census_in_brief.pdf (accessed 12.04.2020)
6. 2019 National and Provincial Elections. Results dashboard. <https://www.elections.org.za/NPEDashboard/app/dashboard.html> (accessed 14.02.2020)
7. Там же.
8. Twitter. For Good. <https://twitter.com/forgoodza/status/1117473373427314690> (accessed 02.03.2020)
9. Davis R. Ramaphosa's blindside: Patricia de Lille made Minister while DA cries foul play. <https://www.daily-maverick.co.za/article/2019-05-30-ramaphosas-blindside-patricia-de-lille-made-minister-while-da-cries-foul-play/> (accessed 13.04.2020)
10. South African Online History. Patricia De Lille. <https://www.sahistory.org.za/people/patricia-de-lille> (accessed 09.04.2020)
11. Шубин Г.В. ЮАР: создание нерасового государства. *Ученые записки Института Африки РАН*. 1998. № 2, с. 81. (Shubin G.V. 1998. South Africa: Creation of a Non-Racial State (1984-1994). *Journal of the Institute for African Studies*. М., № 4) (In Russ.)
12. Прокопенко Л.Я. Новые политические элиты в государствах Юга Африки. М., 2011, с. 231. (Prokopenko L.Ya. 2011. New Political elite in the states of Southern Africa) (In Russ.). https://inafran.ru/sites/default/files/page_file/prokopenko_novye_politicheskie_elity_2011.pdf (accessed 31.03.2020)
13. Action needed on Western Cape housing and transport. <https://www.iol.co.za/capeargus/opinion/action-needed-on-western-cape-housing-and-transport-44608097> (accessed 17.04.2020)
14. WATCH: #DeLille's 'Good' party stresses transparency, except about its funders. <https://www.iol.co.za/capeargus/news/watch-delilles-good-party-stresses-transparency-except-about-its-funders-18890659> (accessed 26.06.2020)
15. Aunty Pat is a seasoned politician and her party-hopping is on record. <https://www.iol.co.za/capeargus/opinion/aunty-pat-is-a-seasoned-politician-and-her-party-hopping-is-on-record-25297971> (accessed 27.06.2020)
16. Who is Cynthia Jeffreys? Patricia de Lille in fresh "nepotism" row over sister. <https://www.thesouthafrican.com/news/who-is-cynthia-jeffreys-patricia-de-lille-nepotism/> (accessed 06.04.2020)
17. De Lille in spervuur oor se suster se aanstelling. <https://maroelamedia.co.za/nuus/sa-nuus/de-lille-in-spervuur-oor-suster-se-aanstelling/> (accessed 04.04.2020)
18. GOOD party chairperson steps down after being 'sidelined'. <https://www.iol.co.za/news/politics/good-party-chairperson-steps-down-after-being-sidelined-23661799> (accessed 24.06.2020)
19. I was a window-dressing treasurer, says GOOD's Kwenamore after quitting. <https://www.iol.co.za/news/politics/i-was-a-window-dressing-treasurer-says-goods-kwenamore-after-quitting-30853564> (accessed 24.06.2020)
20. DA fears the threat that Good poses, says Herron amid rising tensions. <https://www.iol.co.za/capeargus/news/da-fears-the-threat-that-good-poses-says-herron-amid-rising-tensions-37019672> (accessed 25.06.2020)
21. DA verwelkom GOOD-ondersteuners. <https://maroelamedia.co.za/nuus/sa-nuus/da-verwelkom-good-ondersteuners/> (accessed 04.04.2020)
22. Hundreds leave ID. https://web.archive.org/web/20050407103928/http://www.news24.com/News24/South_Africa/Elections2004/0,,2-7-1557_1504685,00.html (accessed 24.04.2020)
23. Politics is not for sissies: De Lille pays tribute to Madikizela-Mandela. <https://www.enca.com/south-africa/politics-is-not-for-sissies-de-lille-remembers-winnie> (accessed 02.04.2020)

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI:10.31857/S032150750010455-2

ЖЕНСКИЙ ДИДЖИТАЛ-СТОРИТЕЛЛИНГ В НИГЕРИИ
КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА

© 2020 Н. ЗАХАРОВА

ЗАХАРОВА Наталья Андреевна, независимый исследователь (n.a.zakharova@list.ru)

Резюме. На основе цифровых источников в статье рассмотрен феномен женского диджитал-сторителлинга в Нигерии. Автором проанализированы связь женского сторителлинга с культурными традициями сказительства и его актуализация в эпоху постмодерна. Сделан вывод о возникновении новой для Нигерии формы женского социально-политического активизма, основанного на коммуникации посредством социальных медиа.

Ключевые слова: сторителлинг, социально-политический активизм, диджитал-сторителлинг, Нигерия, социальные медиа, «культура молчания»

FEMALE DIGITAL STORYTELLING IN NIGERIA AS SOCIAL AND POLITICAL ACTIVISM

Natalya A. ZAKHAROVA, Independent Researcher (n.a.zakharova@list.ru)

Abstract. The article is based on digital sources and deals with the phenomenon of female digital storytelling in Nigeria. The author analyzes the correlation between female storytelling and Nigerian traditions of narration and its actualization in postmodern conditions.

Nigeria has been successfully integrated into the global network, and its Internet audience is constantly growing. Communication through social media, and through social networking services like Facebook and Twitter in particular, has become the basis for massive digital storytelling all over the world and in Nigeria in particular.

A feature of female digital storytelling in Nigeria is a range of covered problems. These are problems of violence and victimity, digital divide, access to the educational environment and the healthcare system. In 2014-2019 female digital storytelling in Nigeria changed significantly, with domestic and sexual violence became the main topic of discussion. These transformations are mostly related to the massive kidnapping of schoolgirls in Chibok on 14-15 of April 2014 coordinated by a terrorist organization Boko Haram in Borno State, Nigeria. The author has examined the case of the Facebook group FIN started by L.Omolola. Originally, the group was a virtual space for mutual support for Nigerians suffered from the events of the massive kidnapping in Chibok. Gradually, the group has transformed into a virtual support center for women suffered from violence. In 2019, the MeToo and ArewaMeToo Internet movements were widely spread in Nigeria's social media.

It is concluded there is a new form of female socio-political activism based on communication through social media in Nigeria.

Keywords: storytelling, social activism, political activism, digital storytelling, Nigeria, social media, «culture of silence»

Цифровая революция, начавшаяся в 1980-х гг., способствовала ряду важнейших изменений в сфере гуманитарных наук; в т.ч. трансформации подверглось историческое знание. Распространение Интернета и постоянно расширяющееся киберпространство обусловили появление принципиально нового вида исторических источников, являющихся цифровыми изначально. Разнообразные по своей структуре и содержанию, они являются результатом ежедневного взаимодействия людей. Наибольшее распространение в киберпространстве получили источники личного происхождения, повествующие о повседневной жизни.

Нигерия успешно интегрировалась в глобальную сеть. Это одна из наиболее развитых стран Африки, где интернет-аудитория постоянно растет. В 2019 г. число зарегистрированных пользователей в Нигерии составляло 123,4 млн человек (61,4% общей численности населения), из них 17 млн - социальной сети Facebook [1].

ЭПОХА ПОСТМОДЕРНА:
КРУШЕНИЕ «ВЕЛИКИХ ПРОЕКТОВ»

Французский философ Ж.-Ф.Лиотар определял эпоху постмодерна как состояние распада метанарративов - «великих проектов». В книге «Состояние постмодерна» он утверждал, что постсовременность характеризуется «недоверием к метарассказам» [2, с. 10] - грандиозным доктринам, таким, как прогресс, эмансипация и научное познание. Катастрофические события XX в. (мировые войны, Холокост, смена доминирующих стратегий и идеологий) подорвали легитимирующую силу универсальных идей и концепций, которые оказались неспособны сохранить морально-этические устои. Идея о том, что человечество представляет собой некий универсальный субъект, который «находится в поиске своей общей эмансипации» [2, с. 156], оказалась несостоятельной. Человек постмодерна стал более чутким и воспри-

имчивым к разнообразию. Благодаря развитию Глобальной сети это привело к тому, что микро-нарративы и тиражирование личного опыта на весь мир приобрели особую актуальность.

Особую важность приобретает рассказывание историй, или сторителлинг (*storytelling*). В настоящее время благодаря Интернету эта традиция переживает второе рождение.

НИГЕРИЯ - СТРАНА ИСТОРИЙ

Традиция рассказывания историй присуща практически всем культурам. Она возникла до появления и распространения письменности и выполняла множество функций, среди которых - ретрансляция опыта, воспитание детей, формирование морали и нравственности, фиксация прошлого.

В Нигерии рассказывание историй представляло собой часть женского повседневного времяпрепровождения: женщины - представительницы народов *игбо* и *йоруба*¹ - знали множество историй, героических преданий и бытовых зарисовок, которые передавались от старшего поколения младшему. Нигерийская литература XX-XXI вв. во многом продолжила традиции прошлого. Ф.Нвапа², Б.Эмечета³, Ч.Н.Адичи⁴ позиционировали себя как рассказчицы [25]. В XXI в. поворот к индивидуальному опыту и линейным (упрощенным) формам повествования повлек за собой развитие сторителлинга.

СТОРИТЕЛЛИНГ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Сторителлинг, долгое время активно использовавшийся в сфере коммерции и *PR*, со временем вошел в практику маркетологов и политиков, «продававших» свои истории в целях привлечения электората. В 1975 г. в США возникла «Национальная ассоциация по сохранению и увековечиванию историй»⁵, а сторителлинг превратился в массовое явление и начал распространяться и в других странах, где создавались подобные организации [3]. Их задачи изначально заключались

в объединении непрофессиональных рассказчиков, готовых делиться своими историями с широкой публикой.

По мнению американского социолога Ф.Поллетты, сторителлинг «стал проявляться в самых неожиданных областях» [4] и охватил практически все сферы жизни. Рост популярности персональных историй в сфере менеджмента, маркетинга, психологии и политики связан со стремительным развитием Интернета.

Возникновение диджитал-сторителлинга (*digital storytelling*), т.е. рассказанных в киберпространстве историй, французский исследователь К.Салмон сравнивал с появлением нового материка, «контуры которого мы еще не можем очертить» [5]. Он назвал четыре сферы-уровня, в которых существует современный сторителлинг: 1) микроэкономический (в маркетинге и менеджменте); 2) политико-идеологический (создание историй для политиков, синхронизация эмоций и реакций людей на политические события и действия); 3) юридически-политический (использование историй в технологиях осуществления власти, по терминологии М.Фуко⁶ - создание дисциплинарного общества); 4) индивидуальный (ведение личного блога) [5, p. 11].

Согласно исследованиям *Pew Research Center*⁷, в 2006 г. каждую секунду на просторах Интернета кто-то начинал новый блог [6]. 78% из них были посвящены теме, которую можно было бы условно назвать «Моя жизнь и опыт» [6]. Развитие Интернета и особенно социальных сетей стало новым этапом в развитии сторителлинга. Динамичный рост интернет-аудитории, образование линейных (лишенных иерархии) связей через социальные сети, где каждый имеет возможность стать как рассказчиком, так и читателем, способствовали росту популярности сторителлинга, которую, по мнению К.Салмона, он стал набирать уже в 1990-е гг. [5, p. 12].

Популярность формата объясняется высокой степенью эмоционального отклика людей и эмпатией по отношению к герою. Истории не создают однозначных и универсальных утверждений, пря-

¹ Игбо и йоруба - крупнейшие народы Нигерии, наряду с хауса (*прим. авт.*).

² Флора Нвапа (1931-1993) - нигерийская писательница; ее называют «матерью» современной африканской литературы. Международное признание она получила после публикации в Великобритании своего первого романа «Эфуру».

³ Бучи Эмечета (1944-2017) - английская писательница нигерийского происхождения. В последней трети XX в. ее имя входило в рейтинги самых читаемых писателей Великобритании.

⁴ Чимаманда Нгози Адичи (р. в 1977 г.) - нигерийская писательница, автор романов «Пурпурный гибискус» (2003 г.), «Половина желтого солнца» (2006 г.) и др.

⁵ В наши дни имеет название - «Национальная сеть сторителлинга» (*National Storytelling Network*) (*прим. авт.*).

⁶ Мишель Фуко (1926-1984) - французский философ, теоретик культуры, историк. Значительное место в его философии занимает концепция власти (*прим. авт.*).

⁷ *Pew Research Center* - американский некоммерческий исследовательский центр; предоставляет информацию о социальных проблемах, общественном мнении и демографических тенденциях в США и в мире.

мых указаний и выводов; крайне редко они назидательны, но с их помощью формируется обширное поле для различного рода интерпретаций. Внутри него каждый может найти что-то для себя - то, что способно вызывать более широкую гамму эмоций, чем любой политический призыв, идеологическая установка или выдвинутый аргумент.

Революционные изменения в сфере коммуникаций произошли в 2003-2006 гг. с появлением таких социальных сетей, как *Facebook*, *MySpace*, *LinkedIn* и *Twitter*. Всемирная сеть не только стала пространством для передачи, аккумуляции и хранения информации, но и предоставляла возможности формирования социальных отношений в виртуальной реальности. В 2008 г. американский исследователь и консультант в сфере информационных технологий К.Ширки назвал развитие социальных сетей и появившихся в связи с этим новых возможностей для коммуникации «тектоническим сдвигом» в жизни общества [7]. По его мнению, социальные сети являются не только местом для общения и обмена историями, но и инструментом для кардинальных перемен в политической и социальной сферах [8].

Впервые возможности социальных сетей для мобилизации и координации граждан были реализованы в 2009 г. в ходе массовых протестов в Молдавии и Иране, получивших неофициальное название «Твиттер-революции» [9]. Использование социальных сетей было предпринято и в Нигерии в 2012 г. во время протестных акций после попытки правительства Гудлака Джонатана (президент Нигерии в 2010-2015 гг.) отменить субсидию на топливо. Движение «*Occupy Nigeria*»⁸ привело к некоторым послаблениям со стороны правительства и сформировало позитивный опыт использования социальных сетей в целях политических и социальных преобразований.

ДИДЖИТАЛ-СТОРИТЕЛЛИНГ И ЧИМАМАНДА НГОЗИ АДИЧИ

Отличительная черта диджитал-сторителлинга - направленность на реализацию различных социальных проблем посредством создания интернет-сообществ, проведения через социальные сети флешмобов⁹, формирования видеоконтента. Посредством персональных историй, распростра-

няемых через сеть, стало возможным обратить внимание на ряд социальных проблем, которые не были ранее представлены в СМИ или были представлены не совсем корректно.

Диджитал-сторителлинг предоставил возможность тем, кто ранее не имел права влиять на формирование дискурсивного поля, обрести голос и «разрушить стену общественного безразличия» [4, р. 3] к их опыту. Прежде всего, это относится к африканцам, которые веками рассматривались как люди «без истории» или «вне истории».

Особенностью женского диджитал-сторителлинга в Нигерии является круг обсуждаемых проблем. Это проблемы насилия и виктимности, информационного неравенства, доступа к образованию и медицинским услугам.

В 2012 г. нигерийская писательница Ч.Н.Ади-чи [подробнее см.: 10] выступила на *TED*-платформе¹⁰ с речью: «Мы все должны быть феминистками», инициировав дискуссии о феминизме по всему миру, в т.ч. в социальных медиа. Рассуждая о гендерных проблемах и обращаясь к опыту Нигерии, она пыталась ответить на вопрос: «что значит быть молодой женщиной в Лагосе?» [11]. Выступление Ч.Н.Ади-чи, одной из наиболее популярных в Нигерии медиаперсон, положило начало массовому женскому диджитал-сторителлингу: в *Twitter* появилось огромное количество постов под хэштегом «*BeingFemaleinNigeria*».

Пользователи делились историями, которые отсылали к повседневному опыту и к унижающим достоинство стереотипам, к вопросам дискриминации, бытового насилия, виктимности женщин. В этих рассказах критиковались патриархальные традиции, предполагавшие подчинение женщины мужчине: «Кто-то спросил меня: “Зачем тебе докторская степень? Ты должна хотеть выйти замуж!”» - записала в своем блоге пользователь Флоренс Вормэйт [12]. Однако постепенно количество сообщений сократилось, и некогда популярный хэштег был практически забыт пользователями.

Немецко-американский философ Х.Арендт рассматривала личные истории как связующее звено между публичным и частным; территорию, где оспариваются и объединяются душевные вибрации индивида и устои общества [13]. Она указывала, что «отмирание публичности <...> сопро-

⁸ «*Occupy Nigeria*» - серия протестных акций (2-14 января 2012 г.), охвативших крупные города Нигерии - Кано, Лагос, Абуджу и Минну; часть глобального движения «*Occupy Movement*», нацеленного на достижение социально-экономической справедливости (прим. авт.).

⁹ Флешмоб (от англ. *flashmob*, дословно - «мгновенная толпа») - заранее спланированная массовая акция. Сбор её участников осуществляется при помощи электронных средств связи.

¹⁰ *TED* (*Technology, Entertainment, Design* - технологии, развлечения, дизайн) - американский частный некоммерческий фонд, известный своими ежегодными конференциями, миссия которых состоит в распространении уникальных идей.

воздается радикальной угрозой приватному» [13, с. 79], а ретрансляция индивидуального опыта, обращенная в слова, иногда обретает характер политического (публичного) действия. Такие истории способны закреплять и усиливать различия между людьми, но в большей мере - «создавать мосты» [4, р. 4], способствуя объединению людей и актуализации связей между ними.

В 2014-2019 гг. диджитал-сторителлинг в Нигерии претерпел серьезные изменения, а основной темой для обсуждения стали вопросы, связанные с бытовым и сексуальным насилием. Во многом эти трансформации были обусловлены событиями 14 апреля 2014 г., вызвавшими широкий общественный резонанс: в тот день боевики террористической организации «Боко Харам» похитили 276 школьников в нигерийском городе Чибок.

ЛОЛА ОМОЛОЛА О ЖЕНЩИНАХ НИГЕРИИ

В 2014 г. американская журналистка нигерийского происхождения Л.Омолола создала в социальной сети *Facebook* группу - «Женщина в Нигерии» («*FIN*») в целях моральной поддержки родственников девушек, похищенных в Чибике. Однако на сегодняшний день группа имеет 1,7 млн подписчиков [14]. Сначала в нее допускались лишь нигерийки, которые делились эмоциональными переживаниями, связанными с теми событиями [15]. Установившееся в группе доверие и возможность открыто высказываться способствовали развитию диалога и обсуждению многих проблем, волнующих женщин. Группа стремительно разрасталась, и вскоре «*FIN*» превратилась в виртуальный центр помощи женщинам.

Основатель социальной сети *Facebook* М.Цукерберг неоднократно заявлял о необходимости пересмотра стратегии социальных медиа, принадлежащих компании *Facebook Inc*¹¹. Будущее социальных сетей, по его мнению, в появлении крупных интернет-сообществ, в которых люди будут объединяться на основе общих интересов и социальных связей. В статье «Сфокусированное на приватности видение социальных сетей», опубликованной в декабре 2019 г., Цукерберг сравнил современные социальные сети с «городскими площадями» и указал, что люди начинают все больше нуждаться в общении «в цифровом эквиваленте гостиной» [16].

Примером сильного интернет-сообщества Цукерберг назвал группу «*FIN*», созданную Л.Омоло-

лой [17]. В 2018 г. Л.Омолола стала одним из участников конференции «*Facebook F8*», на которой освещались наиболее значимые и перспективные для развития социальных медиа проекты [18].

Вступая во взаимодействие посредством социальных сетей, люди прежде всего ориентируются на создание т.н. слабых связей; социальные сети выступают инструментом коммуникации с теми, с кем может быть ограничено общение в реальной жизни, - с бывшими коллегами, знакомыми и т.д.

Согласно теории «слабых связей», разработанной американским социологом М.Грановеттером, они имеют решающее значение для межличностных коммуникаций и способствуют социальной мобильности [19]. Однако, как отметил канадский социолог М.Гладуэлл, слабые связи «редко побуждают к деятельности, требующей большого риска» [20]. Для структурных изменений в обществе недостаточно взаимодействия посредством социальных сетей: необходимы организации, имеющие более четкую иерархию и более тесное взаимодействие между участниками.

Уникальность интернет-сообщества «*FIN*» состоит в том, что оно, с одной стороны, подразумевает достаточно сильную эмоциональную вовлеченность участников, а с другой - дальнейшее расширение группы и формирование более структурированной организации за пределами киберпространства. Главным достижением сообщества Л.Омолола считает изменение психологии и модели поведения женщин, которые прежде искали поддержку только в семье [15]. Подобная практика не обеспечивала реальной защиты, т.к. и в семье женщина могла подвергнуться насилию [21].

Сообщество «*FIN*» постепенно выходит за рамки виртуального пространства; все чаще женщины обращаются за помощью не в полицию, а к волонтерам группы [15]. Кроме того, организаторы «*FIN*» создают офлайн-центры взаимопомощи, предназначенные для тех женщин, не имеющих доступа к Интернету [15].

«Я ТОЖЕ»

В октябре 2017 г. в социальных сетях с невероятной скоростью распространился хэштег «*MeToo*» («Я тоже»), предложенный американской актрисой Алиссой Милано в связи со скандалом вокруг кинопродюсера Харви Вайнштейна¹². Словосочетание «*MeToo*», которое женщины

¹¹ Компания *Facebook Inc.* владеет сервисами *Facebook*, *WhatsApp* и *Instagram* (нпум. авм.).

¹² В октябре 2017 г. Х.Вайнштейну актрисой Э.Джадд было предъявлено обвинение в сексуальных домогательствах. Затем о подобных случаях заявили несколько десятков киноактрис. В марте 2020 г. Вайнштейн был приговорен к 23 годам лишения свободы.

вставляли в свои истории в социальных сетях, означало, что и они подвергались сексуальному насилию. За короткое время хэштег распространился, и этот вопрос из табу превратился в тему для глобального диалога.

В Нигерии движение «*MeToo*» нашло отклик в ряде проектов. В 2018 г. адвокат О.Огунротими¹³ выступила инициатором проекта *Gender Mobile*, задачей которого стала борьба с гендерным насилием [22]. Платформа объединяет специалистов - юристов, медиков, психологов и др., готовых оказать поддержку женщинам - жертвам насилия. В феврале 2019 г. под влиянием глобального движения «*MeToo*» нигерийка Ф.Хашим создала в *Twitter* хэштег «*ArewaMeToo*»¹⁴, призвав девушек и женщин делиться личными историями о пережитом насилии [23].

«*ArewaMeToo*» с энтузиазмом был встречен интернет-аудиторией и виртуально объединил многих жертв сексуального насилия. Истории молодых девушек и мальчиков, подвергавшихся насилию и издевательствам с раннего возраста, шокировали многих пользователей.

По мнению Ф.Хашим, интернет-движение нарушило сложившиеся традиции «культуры молчания», негласно поддерживаемой большинством населения страны и воспринимаемой как некая норма. Движение «*ArewaMeToo*»

положило начало инициативе «*Mayafi*»¹⁵, в рамках которой предполагается создание системы быстрого оповещения полиции и других правоохранительных органов о случаях насилия [24].

* * *

Постоянное расширение киберпространства сформировало своего рода электронную культуру, подразумевающую существование некоторых явлений исключительно в виртуальной реальности. Одним из очевидных результатов этого процесса для исторической науки является возникновение огромного количества цифровых источников. Ежедневно вступая в коммуникацию с помощью социальных сетей, люди генерируют собственные нарративы, как правило, раскрывающие эмоциональное и субъективное отношение к чему-либо или повествующие о повседневной жизни. Очевидным становится и то, что общение в Интернете оказывает влияние на социальные процессы, высвечивая наиболее значительные события и проблемы.

Современный женский диджитал-сторителлинг в Нигерии направлен на решение проблем гендерного насилия, изменения норм патриархальной системы, а также преодоление «культуры молчания».

¹³ Омовуми Огунротими - нигерийский адвокат, с 2005 г. занимается вопросами гендерного неравенства и прав молодежи в Нигерии (прим. авт.).

¹⁴ «*Arewa*» в переводе с *хауса* означает «север» (прим. авт.).

¹⁵ «*Mayafi*» в переводе с *хауса* означает «ткань», «прикрытие», «приют» (прим. авт.).

Список литературы / References

- Internet Users Statistics for Africa. <https://www.internetworldstats.com/stats1.htm> (accessed 14.03.2020)
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998. (Lyotard J.-F. 1998. The Postmodern condition. Saint Petersburg) (In Russ.)
- Official Website of the National Storytelling Network. <https://storynet.org/> (accessed 10.01.2020)
- Polletta C. It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics. Chicago, 2009.
- Salmon C. 2017. Storytelling: Bewitching the Modern Mind. London.
- Lenhart A., Fox S. Bloggers: A Portrait of the Internet's New Storytellers. <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2006/07/19/bloggers-a-portrait-of-the-internets-new-storytellers> (accessed 12.02.2020)
- Shirky C. How Social Media Can Make history. https://www.ted.com/talks/clay_shirky_how_social_media_can_make_history (accessed 14.03.2020)
- Shirky C. 2008. Here Comes Everybody: the Power of Organizing Without Organizations. N.Y.
- Морозов Е. Интернет как иллюзии. Обратная сторона сети. М., 2014. (Morozov E. 2008. The Net Delusion. The Dark Side of Internet. Moscow) (In Russ.)
- Гавристова Т.М. Хранители традиций: рассказчицы игбо. Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., Калининград. 2019, Часть 2. (Gavristova T.M. 2019. Guardians of the Traditions: Igbo Storytellers. Women and Men in the Migration Processes of the Past and Present. Materials of the XII International Scientific Conference of the Russian Association of Women History Researchers and Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. M., Kaliningrad) (In Russ.)
- Adichie C.N. We All Should Be Feminists. https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_we_should_all_be_feminists (accessed 20.01.2020)
- Personal Web Page of Florence Warmate in Social Network Twitter. <https://twitter.com/florencewarmate> (accessed 21.01.2020)

13. Арендт Х. VivaActiva, или о деятельной жизни. СПб, 2000. (Arendt H. 2000. Viva Activa, or About the Activities of Life. Saint Petersburg) (In Russ.)
14. Official Web Page of the e-group FemaleIN in social network Facebook. <https://www.facebook.com/femaleINFIN/> (accessed 14.02.2020)
15. Richardson B. How Lola Omolola started FIN, a private Facebook group with 1.7 million members. <https://research.people-and.com/how-lola-omolola-started-female-in-nigeria-fin-a-private-facebook-group-with-1-7-million-members-efcb5969b457> (accessed 16.02.2020)
16. Zuckerberg M. A Privacy-Focused Vision for Social Networking. <https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/a-privacy-focused-vision-for-social-networking/10156700570096634/> (accessed 20.02.2020)
17. Interview with M.Zuckerberg for CNN. <https://www.youtube.com/watch?v=nwQ80MFzwho> (accessed 10.03.2020)
18. Shahani A. One Woman's Facebook Success Story: A Support Group For 1.7 Million. <https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2018/06/04/613460142/one-womans-facebook-success-story-a-support-group-for-1-7-million> (accessed 01.03.2020)
19. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. No. 6.
20. Gladwell M. Small Change. Why the revolution will not be tweeted. <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (accessed 04.03.2020)
21. Oyedira K.A., Isiugo-Abanihe U.C. Perceptions of Nigerian Women on Domestic Violence: Evidence from 2003 Nigeria Demographic and Health Survey. *African Journal of Reproductive Health*. 2005. Vol. 9. No. 2.
22. Official Website of the Gender Mobile Project. <https://gendermobile.org/> (accessed 05.03.2020)
23. Personal Web Page of F.Hashim in Social Network Twitter. <https://twitter.com/fakhuushashim> (accessed 05.03.2020)
24. Hashim F. How Nigeria's Conservative Northern Region Came to Terms with its MeToo Movement. <https://qz.com/africa/1671204/nigeria-metoo-movement-shook-up-north-with-arewametoo/> (accessed 14.03.2020)
25. Гавристова Т.М. Бучи Эмечета: «Быть - значит быть знаменитой». *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 1. С. 71-74. (Gavristova T.M. 2015. Buchi Emecheta: «To Be Means To Be Famous». *Asia and Africa today*. № 1) (In Russ.)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

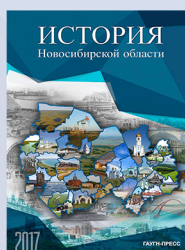
- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

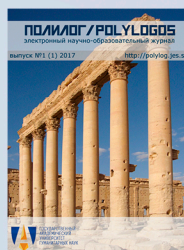
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).